

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора
Мальцева Геннадия Васильевича**

Белгород, 2022

ББК 67+66.02
УДК 342
П 68

Ответственный редактор –
профессор Мархгейм М.В.

П 68 Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – IX Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 28-29 апреля 2022 г.). – Белгород, 2022. 164 с.

ISBN 978-5-6047781-1-1

В данном издании систематизированы статьи участников IX Международной научно-теоретической конференции («Мальцевские чтения» 2022), ежегодно проводимой в апреле в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, иным обучающимся, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами юриспруденции.

ISBN 978-5-6047781-1-1

ISBN 978-5-6047781-1-1

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	ПРАВО НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА	5
Носов С.И.	ПРАВО В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ	13
Мархгейм М.В.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ АРСЕНАЛ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА	23
Макогон Б.В.	ПРАВОВОЕ ДЕТЕРМИНИРОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	30
Макогон Б.В. Стус А.А.	РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ КАК ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ	34
Нифанов А.Н. Шамаева К.В.	РАЗВИТИЕ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	38
Новикова А.Е.	ПРАВООЗАЩИТНО-УСТАВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	45
Понкин И.В.	О ПРАВОМЕРНОСТИ И ПРАВОВОЙ ОБОСНОВАННОСТИ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ, ПОРЯДКА И СОДЕРЖАНИЯ ДОАБОРТНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	51
Стус Н.В. Намитоков Ю.А.	ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС РОССИИ	57
Туранин В.Ю. Нестеренко В.В.	КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ	64
Кулищенко Е.А. Стус Н.В.	ИНСТИТУТ ВОЕННОГО ОМБУДСМЕНА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В РОССИИ	70
Никонова Л.И. Безуглая А.А.	ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ИНТЕГИРУЮЩАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В СТРАНАХ СНГ	75
Пожарова Л.А.	КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	83

Тресков А.П.	ПРИНЦИП ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	89
Гелуненко В.В. Рогиз И.В.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЕКТОРЫ ОБНОВЛЕНИЯ	99
Артыков Д.З.	АМНИСТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА: КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫЕ ВАРИАНТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ	103
Белоусов Н.В.	ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ	109
Бойченко Е.М.	РЕЗОНЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	115
Гаврилина Т.А.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ	122
Гриневич К.В.	ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ КАК СУБЪЕКТ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ	128
Дегтярев С.Н.	ЗАЩИТА БРАКА УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	134
Кодаш С.С.	СТАТУС ПАРЛАМЕНТА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	139
Лицавкин М.Ю.	МОДИФИКАЦИЯ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СУВЕРЕННОЙ РОССИИ	145
Намитокоев Ю.А.	ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ	150
Петербургский А.П.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ВЫСШИЙ СУДЕБНЫЙ ОРГАН КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ	155
Шерстнев В.Н.	ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	159

Тонков Евгений Евгеньевич,
директор юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ПРАВО НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Аннотация: Автор статьи показывает, что современная ситуация глобального переустройства мирового порядка не должна сопровождаться эскалацией ограничения прав и свобод человека, в связи с чем государство обязано стремиться к достижению консенсуса с активной частью населения. Процесс непосредственно ориентированной координации таких действий включает правовое сопровождение функционирования государственных органов, муниципальных служб, СМИ, общественности, отдельных граждан, представителей деловых кругов в целях предотвращения возможной консолидации критической массы недовольства в обществе.

Ключевые слова: государство, общество, личность, ситуация, политика, права человека, власть, правопорядок, законность, преступность.

«Право, как об этом можно судить, опираясь на положения конституций демократических государств, служит человеку, народу, обществу, высшим гуманитарным ценностям – благу людей, справедливости. Все, что оно продвигает, в том числе и рыночные отношения, должно иметь смысл, восходящий к этим ценностям. Поэтому задача права, его институтов – не просто обеспечивать, оформлять рыночные отношения, придавать им нормативный вес и юридическую обязательность, но встраивать рыночные институты в систему институциональных структур экономики благоденствия, мерой эффективности которой является сам человек» : Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 512.

Противоречия между реализацией правозащитного потенциала общества и отсутствием фактических действий органов законодательной и исполнительной властей в данном направлении составляют чрезвычайно «узкое место» проблемы сущностного содержания права как такового. Нельзя не заметить, что в отдельных регионах и различных социальных слоях российского общества постепенно происходит нарастающая консолидация крити-

ческой массы недовольства политической и экономической ситуацией в стране.

Поэтому представляется вполне актуальным не только сформировать нормативно-правовую базу, но и обеспечить эффективное правовое регулирование отношений, возникающих в процессе государственной деятельности. Разрозненность этих усилий не позволяет в единстве и целенаправленно констатировать успешность задачи перехода от поиска смыслов к формированию общепринятой национальной идеи, направить в единое русло потребности и возможности многочисленных государственных и общественных организаций. При этом, как отмечал Г.В. Мальцев, «Если благая цель становится юридической нормой или стремится к тому, значит правовая система развивается в конструктивном режиме. Помимо того, что норма – сама по себе цель, она несет в себе цели, направленные на объекты регулирования. Благодаря этому норма существует и действует» [1, с. 702].

Как известно, мифологическое сознание у наших пращуров проявлялось наиболее заметно в период первобытного общества, однако феномен мистификации остается вполне востребованным и сегодня. В первую очередь, мы имеем в виду поддерживаемый на государственном уровне миф о независимости права и его способности влиять на принимаемые те или иные властью решения от имени народа. На деле все происходит ровно наоборот. Право лишь оформляет возникшие у государства новации по переустройству нашей жизни, придавая им характер законности и легитимации.

Справедливо А.Ф. Косарев называет мифом «словесное выражение той психической реальности, которую человек созерцает в измененных состояниях сознания и которая для него ничуть не менее реальна, чем окружающая его в обычных условиях физическая реальность» [2, с. 131]. Право как раз и выполняет функцию механизма создания такой иллюзии, причем не всегда в достаточно изящной интерпретации.

По нашему мнению, правовое регулирование должно основываться не на поддержании веры общества в мифический образ государства всеобщего благоденствия и волшебном превращении страны из тоталитарной в демократическую, а на создании платформы (матрицы) конструктивного взаимодействия всех органов, отвечающих за социально-экономическую политику, средств массовой информации, религиозных и общественных структур, нормативно-управленческого ее обоснования.

Важной задачей является достижение консенсуса с активной частью населения, которую принято называть общественностью, по вопросу о том, что победить произвол возможно, однако причины его эскалации лежат в социальных проблемах, поэтому государство должно выступать в качестве

координатора их решения. Процесс непосредственно ориентированной координации должен охватывать действия государственных органов, муниципальных служб, СМИ, общественности, отдельных граждан, представителей деловых кругов с соблюдением следующих обстоятельств:

- граждане являются клиентами для государства, и именно они определяют уровень потребностей и ожиданий от качества работы государственного аппарата;
- государство и население являются партнерами, которые в равной степени несут ответственность за состояние общественного правопорядка;
- профилактика правонарушений, недопущение криминальных проявлений должны находиться в основе работы государственного аппарата;
- эффективность деятельности государственного аппарата оценивается прежде всего населением, а не вышестоящими чиновниками.

Не следует забывать, что в основе Конституции Российской Федерации содержится принцип: власть государственному аппарату дается по закону, от населения и для населения. Отметим, что «фактически все демократические теории, признающие народ источником государственной власти..., настаивают на легитимности нормоустанавливающего авторитета, который означает, что тот, кто творит норму, закон, должен иметь своего рода мандат от народа, действовать от его имени» [3, с. 12].

Деятельность государственного аппарата должна строиться на демократизме, в соответствии с потребностями общества и на основе партнерских отношений с ним. При этом граждане принимают на себя часть ответственности за ситуацию в стране. Законность и правопорядок воспринимаются населением не как выгодные и единственно возможные условия цивилизованного общественного устройства, а как навязанные государством обстоятельства, которые ограничивают свободу граждан и которые надо преодолевать или уклоняться от них. В общественном сознании образ государства присутствует в двух измерениях – фактическом, где нередко отсутствуют законность и справедливость, и зазеркальном, в котором витают идеи добра и общечеловеческих ценностей.

В этой связи новое, особенное звучание приобретают слова Г.В. Мальцева, что «конструктивная сила нравственности впечатляет, позволяет человеку гордиться возможностями нашего разума и свободной воли, что мораль способна создавать идеалы и нормы самого высшего с социальной и эстетической точки зрения класса. Но осуществление именно этих идеалов, воплощающих в себе максимальное требование к людям, на практике затруднено, потому что далеко не каждому человеку по силам тот нравственный подвиг, к которому его призывает абсолютная мораль. В разладе

между высшим идеалом и нравственной действительностью всегда лежал источник глубокого беспокойства философской мысли и ее трудноразрешимых проблем» [3, с. 111].

Деятельность государства предполагает наличие специально созданной им правоохранительной системы, в определенной мере ограничивающей поведение граждан. При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов» [4, с. 170].

Безусловно, ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в рассматриваемой области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

Стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Граждане страны *обязаны* выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Вольно или невольно им приходится мириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан. Частное право должно занять центральное место в российской правовой системе, поэтому предпочтительно акцентировать внимание на переносе диспозитивных правоотношений, традиционно присущих частнопроводным отраслям права, в публично-правовую сферу, когда субъект, наделенный властными полномочиями, является государственным органом и наделен правом издания односторонне-властных предписаний, адресованных другому участнику.

Государство, в свою очередь, *обязано* гарантировать возможность участникам правоотношений выбирать для себя наиболее приемлемый вари-

ант поведения, ограничивая этот выбор только требованиями соблюдения законности. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

Как отмечал Г.В. Мальцев, «юристы не всегда способны ответить на вопрос, почему правовое регулирование временами осуществляется то более или менее благополучно, то с непрерывными провалами, срывами, неудачами, кризисами. Здесь простые объяснения вроде того, что состояние преступности в стране зависит от хорошей или плохой работы правоохранительных органов, никого не удовлетворяют. Исследовательские задачи юристов идут дальше собственно правовой сферы, проникают в широкий мир социальных и экономических институтов, совокупное действие которых создает определенный порядок в обществе, обеспечивает общий уровень социального регулирования, усиливает (или снижает) возможности нормативно-регулятивных систем, включая право» [1, с. 388].

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой правозащитной деятельности населения.

Важнейшей характеристикой правозащитной деятельности служит ее легитимность, результатом которой является способность и готовность граждан следовать определенным правилам, соблюдать правовые ограничения и закрепленные обязательства.

Мы поддерживаем мнение Н.В. Исакова, что следствием «признания политического и правового порядка легитимным становится *добровольное* (курсив наш – Е.Т.) подчинение граждан законам и установлениям власти» [5, с. 21].

Российская правовая доктрина, сформировавшись в коммунистическую эпоху, открыто, даже не пытаясь вуалировать это, отдает приоритет

целям и интересам государства. Лишь опосредованно речь идет о целях, ориентациях, потребностях индивидов, составляющих социум. По отношению к личности интересы государства выступают в качестве определенной системы требований, направляющих, ограничивающих и регулирующих ее социальное поведение. В процессе реализации юридических форм осуществления государственной власти движущими силами являются не личные интересы граждан, а потребности государства, в той или иной мере предлагаемые индивидам для усвоения. Априори предполагается, что деятельность государства носит публично-правовой, а не частноправовой характер, поэтому, например, правоохранные интересы граждан охраняются, соответственно, в основном, не гражданским законодательством.

Общее родовое понятие публичного интереса корреспондируется здесь с такими видовыми нормативными понятиями, как интересы общества и государства, национальной безопасности и т.д. Устанавливая границы юридически возможной деятельности, ограничивая человеческую независимость, само право представляет собой ограничение. Конструкция нашего понимания моральной сущности права определяется тем, что возникающие правоотношения представляют собой единство объективного и субъективного, публичного и частного интересов, являясь как результатом осознанных действий участников, так и следствием объективного развития ситуации.

Особую значимость данный подход приобретает в современных условиях кардинального изменения всего миропорядка. Глобальностью решаемых государством задач можно попытаться оправдать любое ограничение прав человека, которое осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе. Права и свободы человека составляют условия его нормальной жизнедеятельности, своеобразный каталог социальных, юридических и политических благ и возможностей, которыми он может свободно пользоваться.

В юридической науке выделяют материальную диспозитивность и формальную диспозитивность. Материальная диспозитивность представляет собой юридическую свободу выбора варианта поведения, которая содержится в нормах материального права, то есть означает свободу распоряжаться материальными правами. Формальная диспозитивность предполагает возможность по своему усмотрению использовать средства защиты материальных прав, закрепленную в нормах процессуального права. Государство и

общество в любой ситуации в цивилизованном мире рассматриваются как равноправные партнеры и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений.

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой социально-правовой активности.

Правозащитная деятельность предназначена для эффективной реализации прав и свобод человека и именно в этом заключаются её смысл и цель в гражданском обществе. Права человека и его интересы приоритетны по отношению ко всем иным правам, свободам и интересам, если они не ограничивают, а тем более, если не нарушают законные права, свободы и интересы других. Правозащитная деятельность, таким образом, направлена, в первую очередь, на защиту человека и восстановление его нарушенных прав.

Настроение общества, как и любое другое социальное настроение, не отличается стабильностью, однако это не лишает его внутренней готовности к сопротивлению обстоятельствам. Характер взаимоотношений между государственными органами и населением представляет собой один из значимых индикаторов социально-политической ситуации в стране. Незаконные действия сотрудников органов государственной власти в отношении прав и свобод личности или даже пренебрежительное отношение воспринимаются гражданами очень остро и болезненно. Факты беззакония в деятельности властных структур, оправдываемые возникшей ситуацией, опасны не только тем, что причиняют непосредственный вред конкретному лицу, но и порождают правовой нигилизм общества.

В какой-то момент люди могут просто утратить уверенность в своей защищенности со стороны государства. Рассогласование взаимодействия граждан и государства, являющееся итогом ошибочной, ориентированной на параметры государственной самооценки внутренней политики, как правило, находит свое выражение не только в росте преступности, но и в поведении законопослушных граждан, в их реакции на поведение чиновников, в оценках способности государства обеспечить общественную безопасность. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобретает

стихийный, неуправляемый характер, а граждане испытывают в большей степени возвратно-наступательный духовный прессинг возрождающейся административно-командной системы и ее реставрируемых ценностей, но не позитивное влияние институтов гражданского общества.

Другой особенностью современной ситуации в России может стать значительный рост проявлений криминальной агрессии как выражение экстремальности политической и экономической обстановки. Анализ насильственной преступности свидетельствует о таких негативных тенденциях, как рост жестокости, широкое использование огнестрельного оружия, проявление агрессии как самоцели. Законопослушное население страны не ощущает своей безопасности, не чувствует себя огражденным от преступных посягательств, что отражается на общем климате доверия по отношению к государству.

Очевидно, что ни одно общество не достигло идеала верховенства права (да и вряд ли это возможно даже в самой отдаленной перспективе). Однако следует осознать абсолютную недостаточность наличия в распоряжении государства пусть самых совершенных законов с самыми точными формулировками, дополнениями и изменениями.

В первую очередь необходимо, чтобы государственные органы, находясь в жестких рамках реального, фактического общественного контроля, последовательно руководствовались ими в своей работе, ориентируясь на приоритет прав и свобод личности. Концептуальный пересмотр роли и места права в жизни общества, создание новой модели взаимодействия человека и власти обуславливают реорганизацию механизма реализации публичных прав и свобод, выбор качественно иной системы защиты и восстановления нарушенных интересов.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. 800 с.
2. Косарев А.Ф. Философия мифа. М., 2000. 302 с.
3. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. 552 с.
4. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. 2004. № 1. С. 164-173.
5. Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 1. С. 20-22.

Носов Сергей Иванович,
профессор кафедры конституционного права
Института права и национальной безопасности
РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

ПРАВО В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа работ Г.В. Мальцева и иных ученых-юристов с учетом современных вызовов и рисков представлены наиболее острые и делящиеся проблемы, касающиеся современных государств, включая Россию. Сделан вывод о том, что подступаться к осмыслению указанных в статье и иных проблем и разработке механизмов их преодоления целесообразнее, опираясь на научный багаж выдающегося российского ученого Г.В. Мальцева.

Ключевые слова: право, государство, государственный суверенитет, права человека, глобализация.

«То, что трудно определить, представить себе предметно, еще труднее регулировать. Возникающие в этой связи сложности являются однопорядковыми, у них один и тот же жизненный источник. Упорядочить какой-либо процесс можно настолько, насколько наше сознание и воля способны его контролировать... Беда в том, что власти не всегда осознают, что некоторые широкомасштабные социальные процессы, скажем, кризисы и войны, столь же не контролируемы, как и природная стихия. Когда они есть, с ними невозможно, да и поздно бороться при помощи закона и права. Антикризисное, антивоенное, антитеррористическое законодательство несмотря на огромное внимание к нему со стороны нынешних парламентариев и правительств, является самой неэффективной частью современного права. Причина понятна: бороться надо не с самим процессом, а с явлениями и практикой вызывающими данный процесс. Корни таких явлений уходят в быт, где их следует искать, точно определять и выкорчевывать еще до того, как они «пойдут в рост»»: Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 710-711.

На протяжении ряда последних лет мы являемся свидетелями того, как стремительно меняется мир, как быстро меняются общественные отношения.

Некоторое время назад многие страны мира находились под влиянием пандемии коронавирусной инфекции (COVID 19), что потребовало существенной перестройки экономической, финансовой и, конечно же, правовой сферы. Сегодня для нашей страны новая реальность, несущая новые угрозы и новые риски.

Право в современный период времени находится в условиях глобальной турбулентности. Мы наблюдаем разрушение сложившихся и казавшихся устойчивыми отношений между странами, хозяйственными структурами. Разрушаются, сформированные в течение многих десятилетий, казавшиеся незыблемыми и непререкаемыми многие международно-правовые институты, принципы свободы рыночных отношений, хозяйственной деятельности, незыблемости права частной собственности, прав и свобод человека.

Это наряду с активными процессами глобализации и, в том числе, цифровой глобализации, несет в себе новые риски и вызовы для общества, государства, отдельного человека.

Испытывают проверку на прочность такие категории как «государственный суверенитет», «национальная идентичность», «частная собственность», «неприкосновенность частной жизни» и многие другие.

Это ставит новые серьезные вопросы перед государственными и правовыми институтами, перед юридической наукой.

В поиске вариантов решения возникающих правовых проблем наряду с новыми подходами представляется важным опираться на богатое научное наследие выдающихся российских ученых, к числу которых, несомненно, относится член корреспондент РАН Геннадий Васильевич Мальцев.

Стало уже доброй традицией в начале работы конференций (в формате мальцевских чтений) обращаться к тому научному наследию, которое оставил Г.В. Мальцев.

Многие его работы являются исключительно актуальными и сегодня, поскольку они дают богатую методологическую основу для разных направлений научных исследований.

Наследие Г.В. Мальцева включает около 200 научных работ, в том числе 15 монографий, среди которых такие крупные научные труды как: «Понимание права. Подходы и проблемы» (М., 1999) [1], «Развитие права: к единению с разумом и наукой» (М., 2005) [2], «Социальные основания права» (М., 2007) [3], «Нравственные основания права» (М., 2008) [4], «Бюрократия как правовая и моральная проблема» (М., 2009) [5], «Крестьянская община в истории и судьбе России (М., 2010) [6], «Очерки истории раннего права и государства» (М., 2010) [7], «Месть и возмездие в древнем праве» (М., 2012) [8] «Культурные традиции права» (М., 2013) [9]. Научные иссле-

дования Г.В. Мальцева отличаются фундаментальностью, широчайшей правовой культурой.

Высокая ценность научных работ Г.В. Мальцева состоит в том, что они ставят многочисленные проблемы, заставляют думать, искать варианты решения этих проблем, поэтому обращение к его научному наследию представляется полезным и в условиях современных угроз и вызовов.

Смысл стратегических ориентиров права (и это проходит через многие его работы) – юридическое обеспечение саморазвивающихся социальных процессов, что заставляет (побуждает) право как государственно-властный регулятор быть высокочувствительным к природе регулируемых им объектов. Не подменять их саморазвитие, не ломать и не уродовать его, а усиливать, охранять, создавать необходимые условия, давать общие направления развития.

Особый интерес представляют работы автора, в которых исследуются проблемы, связанные с будущим, с перспективами развития права и государства, видением путей и направлений такого развития, с анализом возможных вызовов и рисков.

Так, в монографии «Развитие права: к единению с разумом и наукой» отмечается, что современный этап развития цивилизованных обществ характеризуется формированием множества процессов, объективно нуждающихся в расширении границ правового регулирования. Государство все чаще прибегает к созданию системных правовых институтов в сферах, где ранее оно обходилось «поверхностными воздействиями».

В последнее время мы являемся свидетелями мощного рывка в развитии информационных технологий. Цифровая «эйфория» охватила самые разные сферы жизни общества, в том числе и правовую.

Только по вопросам, затрагивающим различные аспекты цифровой экономики, приняты и внесены изменения в десятки законов, принято большое число актов Правительства РФ, актов министерств и ведомств. Это законы, которыми внесены изменения в Гражданский кодекс РФ, федеральные законы от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и многие другие.

Принят и федеральный закон, предусматривающий возможность дистанционного участия в судебных процессах посредством систем видеокон-

ференц-связи и веб-конференции (речь идет о так называемом электронном правосудии).

Активное внедрение информационных технологий, искусственного интеллекта, электронного правосудия – это те реальности, те вызовы, к которым должна быть готова наша правовая система, государственные органы, наша юридическая наука.

И здесь задача юридической науки видится в адекватном реагировании на новые, быстро меняющиеся процессы, на выработку таких правил регулирования, которые не сводились бы только к запретам и ограничениям в сфере информационных технологий, а были бы направлены на их развитие. По мнению многих специалистов, промедление в этой сфере чревато тем, что мы можем безнадежно отстать от других стран. Такие риски многократно возрастают в условиях беспрецедентного санкционного давления, ограничения доступа к новым зарубежным информационным технологиям.

Актуальной в процессе глобализации является проблематика прав человека. Рассматривая во многих своих категориях прав человека, Г.В. Мальцев отмечал, что российскому обществу еще предстоит выработать представления о том, что можно, а что нельзя приносить в жертву интересам частного лица. (Это, впрочем, одна из острых проблем эпохи цифровой глобализации: в какой степени могут быть ограничены права отдельного человека в интересах государства или общества). Каждое государство формирует эти критерии самостоятельно с учетом многих факторов, включающих специфику исторического, национального развития.

В современный период особым ракурсом выявилась проблема соотношения и взаимодействия национальных и наднациональных механизмов прав и свобод человека.

На протяжении ряда лет в средствах массовой информации, среди депутатского корпуса шла дискуссия о том, а нужно ли нам вообще оставаться в Совете Европы, равно как и находиться под юрисдикцией ЕСПЧ?

Так, вызывали вопросы попытки ЕСПЧ распространить фактическую юрисдикцию своих интерпретаций на страны и регионы, где массовые традиционные культурные, моральные, религиозные предпочтения весьма далеки от предлагаемых ЕСПЧ толкований и интерпретаций (касается ли это гей-парадов, однополых браков или раннего сексуального воспитания детей в школах, предоставления избирательного права лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда и т.п.).

Тем не менее, многими учеными обоснованно отмечалось, что влияние ЕСПЧ на российскую правовую систему не являлось сугубо негативным:

многочисленны случаи обоснованной защиты Судом прав российских граждан.

На практике многие постановления ЕСПЧ являлись основанием для пересмотра решений, принятых российскими судами. Так, российскими судами с января 2006 г. было рассмотрено около 700 таких постановлений и во многих случаях вынесенные ранее судебные решения были отменены. Во исполнение постановлений ЕСПЧ были разработаны и приняты отдельные федеральные законы. В докладе Правительства Российской Федерации о мониторинге правоприменения в Российской Федерации (данные на август 2020 г.) указано 26 постановлений ЕСПЧ, в связи с которыми необходимо внесение изменений в законодательство Российской Федерации. Таким образом, этот механизм был реально действующим.

Высказывалось мнение о том, что в случае прекращения членства России в Совете Европы фактически отпадут причины, по которым в настоящее время в нашей стране действует мораторий на смертную казнь, поскольку он был введен в связи с тем, что Россия вступила в Совет Европы. Возобновление применения смертной казни может иметь нежелательные социальные последствия.

С прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы с 16 марта 2022 г. возникла новая реальность, связанная с выходом нашей страны из-под юрисдикции ЕСПЧ.

Как реакция на односторонние действия стран Запада, формально-принудительный механизм прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы, все большую политизацию решений ЕСПЧ, были приняты федеральные законы, предусматривающие положения о том, что постановления Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации (федеральные законы от 11 июня 2022 г. № 183 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» и «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). Указанными федеральными законами внесены изменения в положения процессуального законодательства, касающиеся пересмотра судебных актов, принятых судами Российской Федерации, на основании постановлений ЕСПЧ.

В настоящее время активно высказываются идеи создания аналогичных ЕСПЧ структур – суда Евразийского экономического союза, суда стран СНГ, суда стран ШОС¹.

Представляется, что в этом вопросе не должно быть спешки. Необходимо основное внимание уделять деятельности внутригосударственных институтов (в том числе с учетом практики ЕСПЧ) по реальному исполнению положений Конституции Российской Федерации, что должно создавать надежные (во всяком случае, не меньшие) гарантии обеспечения прав человека в России.

Исключительную актуальность в настоящее время приобрела проблема суверенитета государства. Ряд работ Г.В. Мальцев посвятил проблемам суверенитета национального государства в процессе глобализации, которые сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Суверенные государства столкнулись с проблемой реального обеспечения и сохранения своего суверенитета. Государство становится все более уязвимым в современном мире. Это своего рода плата, обратная сторона процессов глобализации.

Парадоксально, но факт: чем более глубоким становится международное разделение труда, чем больше рисков это создает для суверенитета государства.

Наша страна это почувствовала на себе на примере пассажирских самолетов, когда стало выгоднее брать в лизинг иностранные самолеты, чем строить собственные. В условиях санкций оказалось, что мы не можем летать на самолетах иностранного производства и срочно возникла необходимость развития собственной авиационной промышленности.

Государства все более теряют позиции в привычных сферах: в нормотворчестве, в управлении, валютном регулировании, рынок криптовалют пытается функционировать по своим правилам.

Если принять во внимание то, что цифровизация государственного управления предполагает его открытость и прозрачность для внешнего контроля, создание единой базы со всей документацией, в том числе и применительно к гражданам, то становится вполне очевидной уязвимость государства для внешнего воздействия, учитывая, что основные технологии открытого правительства по-прежнему разрабатываются за рубежом.

Реальностью является то, что экономически более развитые страны все чаще пытаются навязать другим странам свои модели развития.

По-настоящему суверенных государств в современном мире очень немного, большинство политических режимов, считающих себя суверенными,

---

¹ Самый альтернативный суд в мире/ Сергей Степашин считает одобренной свою идею аналога ЕСПЧ // Коммерсант. 2022, 3 июня. С. 4.

являются зависимыми от более крупных стран. То, что действительно происходит с современным государством, можно назвать эрозией суверенитета.

Формы оказания воздействия на государства становятся все более разнообразными: от организации «цветных революций» до дестабилизации политических режимов внутри страны и введения различного рода санкций. Широкие возможности для оказания воздействия предоставляют информационные технологии, интернет, который, как известно, не имеет границ. Здесь арсенал средств разнообразен: от информационных вбросов до прямых призывов к незаконным акциям. Суверенное государство должно быть способным эффективно противостоять таким вызовам.

Г.В. Мальцев и другие ученые, например, профессор В.Д. Зорькин неоднократно подчеркивали, что национальные государства, основанные на единстве культуры, истории, традиций, образа жизни имеют важнейшее значение для будущей структуры глобального мира.

Одним из серьезнейших вызовов праву в XXI веке, по мнению профессора В.Д. Зорькина, является изменение способов коммуникации в условиях грядущего цифрового будущего и связанной с этим неготовностью или даже определенной растерянностью человека и общества. «Право будущего обусловлено "тотальной цифровизацией, алгоритмизацией, большими данными». При этом автор отмечает, что «идеальные правовые модели едва ли существуют. Для каждого исторического этапа, для каждого государства в разные исторические периоды их существования нужны особенные модели такого регулирования, нужна тонкая настройка механизмов правового регулирования» [10].

Сами рамки правового регулирования могут изменяться под влиянием множества объективных и субъективных факторов. Объективные факторы (к числу которых принято относить природные явления) находятся, как правило, за пределами действия правовых норм. Вместе с тем, как показывает практика, даже те факторы, которые традиционно относились к объективным факторам, могут изменяться под влиянием совокупности субъективных факторов. Так, такой считавшийся объективным фактор как климат на нашей планете стал изменяться, в том числе, вследствие прямого воздействия субъективных факторов, связанных, например, с деятельностью человека (выбросы парниковых газов в атмосферу, промышленных и бытовых отходов и т.д.).

Рационализация и усложнение общественных процессов объективно приводят к росту объемов правового регулирования. Для решения возникающих проблем требуются новые правовые решения, что приводит к принятию новых юридических норм [11]. В итоге складывается ситуация, когда

формируются массивы юридических норм, нередко разрозненных и слабо согласованных между собой, созданных в разных условиях и в разное время, что приводит к принятию различных решений в сходных, одинаковых ситуациях. Право становится малоподвижным, утрачивает способность точно и адекватно реагировать на общественные отношения. Кроме того, утрачивается такое важнейшее свойство права как динамизм – способность права предвосхищать социальные процессы и возникающие проблемы.

В современный период развития экономики, стремительного развития цифровых технологий на практике все более активно формируются сложные комплексы отношений в производственной, торговой, информационно-технологической и иных сферах, в основе которых лежат правоотношения, регулируемые различными отраслями права. То есть на практике наблюдается формирование так называемых «мультиотраслевых правоотношений». При этом сложившийся в юридической науке отраслевой подход к правоотношениям, не учитывает формирование подобных комплексов правоотношений. Современная экономическая реальность все чаще не вписывается в существующую систему права. В связи с этим, вероятно, следует признать правоту авторов, полагающих, что традиционное, устоявшееся деление норм права и правоотношений на публичные и частные, регулятивные и охранительные, материальные и процессуальные в перспективе может быть поставлено под сомнение [12, с. 9].

С развитием общественных отношений, правовой системы и законодательства возникает вопрос о том останется ли неизменным выработанное много лет назад и устоявшееся в теории права понимание нормативности и нормы права в отечественном правоведении?

Одним из таких определений нормы права в юридической литературе является определение, предложенное профессором М.И. Байтиным: «Норма права – это исходящее от государства и им охраняемое общеобязательное, формально-определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или отправного установления и являющееся государственным регулятором общественных отношений» [13, с. 208].

В будущем, как представляется, устоявшемуся определению нормы права, как, впрочем, и многим другим правовым категориям, казавшимся в течение многих лет классическими и непререкаемыми, предстоит «проверка на прочность».

В частности, может претерпеть изменение и такой признак нормы права как «установление государством».

Очевидно, что в условиях глобализационных процессов необходима новая модель права. Требуется перестройка всей методологии правового регулирования в соответствии с правилом: «меньше императивности, больше диспозитивности». Большую часть юридических норм должны составлять правила, допускающие значительную свободу усмотрения адресатов нормы.

В последнее время сфера публичности отождествляется не только с государством. В юридической литературе высказывается мнение о том, что функции нормативного регулирования все больше переходят от государства к соответствующим организациям, действующим в регулируемой сфере. В экономике – это крупные корпорации и финансово-промышленные группы, в области образования – университеты, в области медицины – учреждения здравоохранения и т. д. Государство как организационная система призвано обеспечить механизмы координации и субординации социальных интересов, защищать ценности, разделяемые большинством членов общества.

Государство, как представляется, все больше будет отходить от конкретных правовых установлений в целом ряде сфер (наука, образование, культура) путем передачи полномочий на регулирование отношений в указанных сферах соответствующим ассоциациям и организациям. Примером тому является передача Московскому государственному университету имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургскому государственному университету, ряду научных организаций и образовательных организаций высшего образования права разрабатывать и утверждать образовательные стандарты, устанавливать порядок присуждения ученых степеней, создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата, ученой степени доктора наук, утверждать положения о таких советах. Ранее указанные полномочия принадлежали государственным органам.

Всемерное усложнение и ускорение общественных процессов может привести к фактической невозможности и нецелесообразности установления государственных нормативов в целом ряде сфер общественной жизни, в которых самоуправленческие начала, нормы саморегулируемых организаций будут более эффективными и рациональными по сравнению с государственными установлениями (правовыми нормами).

Государство и общество стремится адаптироваться к новым реалиям, которые, несомненно, потребуют существенной корректировки всей системы правового регулирования.

Все это созвучно тем идеям, которые высказывал и обосновывал в своих работах Г.В. Мальцев.

В завершение хотелось бы отметить, что в трудах Г.В. Мальцева представлен целый ряд научных направлений для дальнейших исследований проблем государства и права. Он оставил в наследство нынешнему и будущим поколениям юристов множество научных идей и концепций.

С течением времени в условиях возникающих новых угроз и вызовов актуальность трудов Г.В. Мальцева в силу их фундаментальности не уменьшается.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы М., 1999.
2. Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой М. 2005.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права М.2007.
4. Мальцев Г.В. Нравственные основания права М. 2008.
5. Мальцев Г.В. Бюрократия как правовая и моральная проблема : монография. М., 2009.
6. Мальцев Г.В. Крестьянская община в истории и судьбе России : монография. М., 2010.
7. Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства : монография. М., 2010.
8. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве : монография. М., 2012.
9. Мальцев Г.В. Культурные традиции права : монография. М., 2013.
10. Зорькин В.Д. Provedetia или о праве будущего в эпоху цифровизации// Государство и право. 2020. № 6.
11. Исаков В.Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8.
12. Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. Т.26. № 5.
13. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005.

Мархгейм Марина Васильевна
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного
и международного права,
юридический институт НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ АРСЕНАЛ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА

Аннотация. В статье на основе анализа теоретических источников и текста Конституции Российской Федерации рассмотрены различные варианты формализации действия права. Сделан вывод, что реализация, выступая вариантом действия права, в теории традиционно рассматривается через его «исполнение», «соблюдение» и «использование». В конституционном тексте варианты действия права представлены посредством «реализации», «осуществления», «исполнения», «соблюдения» и «применения». Не все из этого «задействуется» исключительно для нормативных правовых актов, но и для прав и свобод человека и гражданина, предметов ведения территориально-публичных и полномочий публичных субъектов. Поскольку все они «извлечены» из конституционных норм, постольку есть основания отнести их к конституционному арсеналу действия права.

Ключевые слова: конституция, действие права, реализация права, осуществление права, исполнение права, соблюдение права, применение права.

«Под категорию действия нормы права, полагаем мы, можно подвести любой контакт нормы с реальностью, в результате которого остается «след» этой нормы в правовой жизни в виде человеческого поступка, юридического решения, нормативного или ненормативного (индивидуального) правового акта, обыкновения юридической практики, изменения в правовой культуре и правосознании. Если мы хотим убедиться, действует или бездействует юридическая норма, мы должны установить наличие или отсутствие положительного регулятивного эффекта, исходящего от данной нормы. Действие юридической нормы показывает ее способность вызывать регулятивные эффекты в общественной жизни, создавать, изменять и прекращать правовые отношения, формировать юридические предпосылки и условия для поведения человека как в области правоприменения, так и в сфере правотворчества» : Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 603.

Социальный смысл права, как известно, выражается в таком его атрибуте, как реализация, которая имеет собственные формы, – исполнение, соблюдение, использование, применение – довольно хорошо разработанные в юриспруденции. При этом сама реализация права есть проявление его действия.

По словам Г.В. Мальцева, «Действие права и нормы в отдельности обычно раскрывают как их реализацию, осуществление, исполнение, соблюдение, применение. Каждый из этих терминов несет специфическую смысловую нагрузку, но у них есть общее: они показывают право и его нормы «в работе», характеризуют их активность в качестве регулятора общественных отношений» [1, с. 613].

Конституция Российской Федерации в своем тексте неоднократно обратилась к закреплению действия нормативных правовых актов в прямой лексической форме. Так, конституционно определено: «действие» Конституции Российской Федерации («прямое» ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 125), федерального закона (ч. 5 ст. 76), нормативного правового акта субъекта Российской Федерации (ч. 6 ст. 76); «приостановление действия» актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 85).

В Конституции Российской Федерации наряду с «действием» нормативных правовых актов применена и «реализация», но в связи: с правами человека (ч. 3 ст. 19); с полномочиями главы Российского государства (п. «ж», п. «и» ст. 83), Правительства Российской Федерации (п. «д», п. «е.4» ст. 114), органов местного самоуправления (ч. 2 ст. 132). Варианты и контексты конституционного использования слова «реализация» служат наглядной иллюстрацией к теоретическому определению реализации права.

Так, с позиции теории права его реализация – «это социальное поведение субъектов права, в котором воплощается предписание правовых норм... практическая деятельность людей, организаций по осуществлению прав и выполнению юридических обязанностей» [2, с. 350]. Исходя из этого базового определения реализация права исследуется с понятийных [3, 4] и пространственных [5] позиций, с учетом видов правовых норм [6, 7] и разновидностей прав и свобод человека [8, 9]. Применительно к последнему заслуживает акцента мнение Н.В. Витрука, согласно которому «Реализация прав, свобод и обязанностей личности – самостоятельная проблема, которая не может быть сведена к характеристике ее ... как формы реализации правовых норм... реализация права, свободы или обязанности личности означает на деле осуществление требований целой системы правовых норм, разных по своей природе. К примеру, реализация большинства конституционных прав граждан связана с осуществлением не только тех конституционных

норм, которые их предусматривают, но и тех отраслевых норм, которые их конкретизируют, детализируют, дополняют» [10, с. 334].

Конституционным вариантом действия права является его «применение», касающееся различных нормативных правовых актов. Так, применение прилагается к таким из них, как Конституция Российской Федерации («применяется» на всей территории страны (ч. 1 ст. 15)), международный договор (в определенных случаях «применяются» правила международного договора (ч. 4 ст. 15)), закон («применение» закона определяется правами и свободами личности (ст. 18)), «применение» нового закона (ч. 2 ст. 54)), положение ч. 3 ст. 81 (ч. 3.1. ст. 82), закон и иные правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции, «применяются» в части, ей не противоречащей (п. 2 Раздела II). Наряду с этим конституционно установлен запрет «применения»: неопубликованных законов (ч. 1 ст. 15), международных договоров Российской Федерации, не соответствующих Конституции Российской Федерации (ч. 6 ст. 125), актов или их отдельных положений, истолкованных иначе, чем это сделал Конституционный Суд Российской Федерации (ч. 6 ст. 125).

Действие права конституционно прописано и через «соблюдение», связываемое преимущественно с нормативными правовыми актами. Так, согласно Конституции Российской Федерации:

– установлена обязанность «соблюдать Конституцию ... и законы» (ч. 2 ст. 15);

– отнесен к ведению Российской Федерации «контроль за ... соблюдением» Конституции Российской Федерации и федеральных законов (п. «а» ст. 71);

– Президент Российской Федерации в своей присяге клянется «соблюдать ... Конституцию Российской Федерации...» (ч. 1 ст. 82);

– прокуратура Российской Федерации осуществляет «...надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации ...» (ч. 1 ст. 129).

Наряду с указанными нормативными правовыми актами, которые требуется соблюдать, к конституционным объектам «соблюдения» отнесены:

– «...суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства...», которые в своей присяге клянется соблюдать глава Российского государства (ч. 1 ст. 82);

– установленный порядок выдвижения обвинения, по поводу соблюдения которого в установленных случаях дает заключение Конституционный Суд Российской Федерации (ч. 1 ст. 93, ч. 7 ст. 125);

– права и свободы человека и гражданина, надзор за соблюдением которых осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации (ч. 1 ст. 129).

В синонимическом ряду «реализации» на уровне конституционных норм более распространено «осуществление», которое связано:

– с властью («Народ осуществляет свою власть» (ч. 2 ст. 3), «Государственная власть осуществляется на основе разделения...» (ст. 10), «Государственную власть ... осуществляют...» (ч. 1 и 2 ст. 11), «Местное самоуправление осуществляется гражданами ...» (ч. 2 ст. 130), «Местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях» (ч. 1 ст. 132), «Особенности осуществления публичной власти...» (ч. 3 ст. 132));

– с разграничением предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти («...осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении ... (ч. 3 ст. 11);

– с правами и свободами («Осуществление прав и свобод ...» (ч. 3 ст. 17), «... условия для осуществления права на жилище (ч. 2 ст. 40), «Гражданина Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет» (ст. 60), «... оказывает поддержку соотечественникам ... в осуществлении их прав...» (ч. 3 ст. 69));

– с реализацией права собственности («Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно» (ч. 2 ст. 36));

– с правосудием («При осуществлении правосудия...» (ч. 2 ст. 50)), с выдачей/передачей лиц («Выдача лиц, ... передача осужденных ... осуществляются на основе федерального закона или международного договора Российской Федерации» (ч. 2 ст. 63));

– с новым субъектом («Принятие в Российскую Федерацию и образование в ее составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом» (ч. 2 ст. 65));

– с юрисдикцией («Российская Федерация ...осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне ...» (ч. 2 ст. 67));

– с предметами совместного ведения («... для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» (п. «ж.1» ст. 72), «осуществление мер по борьбе с катастрофами...» (п. «з» ст. 72));

– с денежной эмиссией («... Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации...» (ч. 2 ст. 75));

– с основной функцией Центрального Банка («... которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти» (ч. 2 ст. 75));

– с индексацией («... осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год...» (ч. 6 ст. 75));

– с правовым регулированием («... республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов» (ч. 4 ст. 76)).

Устойчивым является конституционное сопряжение «осуществления» с «полномочиями» публичных органов (ч. 1- 4 ст. 78, ч. 1 ст. 82, п.п. «б», «б.1», «в.1», «е.3» ст. 83, п. «а» ст. 86, п. «в» ст. 89, ч. 2 ст. 92, ч. 1-2 ст. 92.1, ч. 3, 5-6 ст. 95, ч. 5 ст. 101, п. «л» ч. 1 ст. 102, ст. 103.1, ч. 1 и 3 ст. 110, ст. 113, п.п. «в.2», «г», «д», «е», «е.1», «е.2», «е.5», «ж» ч. 1 ст. 114, ч. 1-2 ст. 118, ч. 3 и 4 ст. 123, ст. 124, ч. 1 и 8 ст. 125, ст. 126, ч. 3 ст. 128, ч. 1 ст. 129, ч. 2 и 3 ст. 132). Это в полной мере связано с действием права, соответствующими нормами которого и определяются полномочия публичных органов.

Анализ конституционного текста показал, что субъектами «осуществления» выступают:

– социальные субъекты, а именно: народ (например, по диспозиции ч. 2 ст. 3), человек/гражданин (например, по диспозиции ч. 3 ст. 17, ст. 60);

– территориально-публичные субъекты, как то: Российская Федерация (например, по диспозиции ч. 2 ст. 67), субъекты Российской Федерации (например, по диспозиции ч. 4 ст. 76);

– публичные субъекты: органы публичной власти всех ветвей и уровней (например, по диспозиции ст. 11, ч. 2 ст. 40, п. «б» ст. 83, п. «а» ст. 86, ч. 5 ст. 101, ст. 103.1, ч. 1 ст. 110, ст. 118, ч. 1 ст. 129, ч. 1 ст. 131).

Действие права через «исполнение» также конституционно предусмотрено применительно как к правовым актам, так и к иному. Причем, в одних случаях использован «запрет исполнения», в других «предписание исполнения». Так, в указанных вариантах «исполнение» распространено:

– на решения межгосударственных органов (они, «принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» (ст. 79); Конституционный Суд Российской Федерации «разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов... о возможности исполнения реше-

ния иностранного или международного (межгосударственного) суда... (п. «б» ч. 5.1. ст. 125));

– на указы и распоряжения Президента Российской Федерации, которые «обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации» (ч. 2 ст. 90);

– на Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, указы, распоряжения, поручения Президента Российской Федерации, «во исполнение» которых «Правительство Российской Федерации издает постановления и распоряжения, обеспечивает их исполнение» (ч. 1 ст. 115);

– на постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, которые «обязательны к исполнению в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 115);

– на законы, надзор за исполнением которых осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации (ч. 1 ст. 129).

К иным конституционным сопряжениям «исполнения» относятся:

– поручение главы государства «продолжать исполнять обязанности по должности или возложить их исполнение на другое лицо до соответствующего назначения» (ч. 5 ст. 117);

– полномочия Президента Российской Федерации, который «приступает к исполнению полномочий с момента принесения им присяги и прекращает их исполнение с истечением срока его пребывания в должности...» (ч. 1 ст. 92); «прекращает исполнение полномочий досрочно в случае его отставки...» (ч. 2 ст. 92);

– статус главы государства, а именно «прекративший исполнение полномочий...» (ст. 92.1, 93, п. «б» ст. 95, п. «е» ст. 102, п. «з» ч. 1 ст. 103, ч. 7 ст. 125).

Отдельно отметим конституционные версии «исполнения» федерального бюджета: для осуществления контроля за его исполнением образуется Счетная палата (ч. 5 ст. 101); Правительство Российской Федерации обеспечивает исполнение и представляет отчет о его исполнении (п. «а» ч. 1 ст. 114). То есть в отношении федерального бюджета установлены не просто предписания «исполнять», но и конкретные обеспечительные формы – институциональная и отчетная.

Рассмотренный нами конституционный арсенал действия права – «исполнение» и «соблюдение» – признаются и формами его реализации. К числу последних относится и «использование». В Конституции России «использование» сопряжено:

– с землей и другими природными ресурсами, которые в Российской Федерации «используются ... как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» (ч. 1 ст. 9);

– с информацией, «использование» которой «о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ч. 1 ст. 24);

– со способностями и имуществом, которые каждый вправе «использовать» для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34);

– с правом на трудовые споры «с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения...» (ч. 4 ст. 37);

– с доказательствами, полученными с нарушением федерального закона, которые нельзя «использовать» при осуществлении правосудия (ч. 2 ст. 50);

– с порядком официального «использования» государственных флага, герба и гимна Российской Федерации (ч. 1 ст. 70);

– с порядком «использования» ядовитых веществ и наркотических средств (п. «м» ст. 71);

– с согласительными процедурами, которые может «использовать» Президент Российской Федерации «для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 85); с решением вопроса о возможности «использования» Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами ее территории (п. «г» ч. 1 ст. 102).

Приведенные конституционные нормы наглядно иллюстрируют связь «использования» с «извлечением пользы» различного рода субъектами в различных сферах в соответствии с требованиями Конституции и соответствующих законов.

Таким образом, Конституцией Российской Федерации предусмотрен широкий арсенал «действия права», а именно его «реализация», «осуществления», «исполнение», «соблюдение», «применение». Не все из этого «задействуется» исключительно для нормативных правовых актов. Но поскольку все приведенные формулировки, связанные, например, с правами и свободами человека и гражданина, предметами ведения территориально-публичных и полномочиями публичных субъектов, «извлечены» из конституционных норм, то есть все основания отнести их к конституционному арсеналу действия права.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. 800 с. С. 613.
2. Теория государства и права : учебник / под ред. докт. юрид. наук, проф. Е.Е. Тонкова, докт. юрид. наук, проф. М.В. Мархгейм. – М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с.
3. Иванов А.В. К вопросу о понятии «реализация права» // Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 19-23.
4. Кузакбирдиев С.С. Реализация норм права как фактическое претворение в жизнь предписаний правовых норм // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 3 (19). С. 34-38.
5. Темников Д.С. Реализация права в современной России // Право и общество. 2014. № 1 (9). С. 69-70.
6. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Москва, 2021.
7. Князькин С.И., Васильев Л.Э. Содержание и реализация принципов гражданского процессуального права на примере принципа состязательности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 388-390.
8. Казенков О.Ю. Реализация права на образование и образовательной деятельности в Российской Федерации. Москва, 2019.
9. Медушевская Н.Ф. Реализация права человека на достойное существование в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 317-320.
10. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.

Макогон Борис Валерьевич

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЕ ДЕТЕРМИНИРОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция на предмет трактовки публичной власти как системного института, функционирующего в конкурентной правовой среде. Органика власти видится в трансгрессии общественных и государственных

механизмов, являющейся следствием конститутивных начал, потребности активно устанавливать правила собственного функционирования.

Ключевые слова: публичная власть, ограничения, правовые ограничения.

«Выход за пределы означает нечто такое, что меньше или больше, ниже или выше нормы, свидетельствует о пересечении верхней или нижней границы, разделяющей нормальные и аномальные состояния. Если процесс недостаточен относительно нормы, он воспринимается как ущербный, разрушительный для организма, вызывает патологические изменения, соматические и душевные болезни, опасные для жизни» : Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 517.

Функционирующая в юридических и правовых реалиях, «процессуальных формах» [1; 2], публичная власть может выступать и выступает агрессивным фактором, посредством которого активизируются и развиваются как возможности, так и предназначение позитивного права. В связи с собственной природой, государственная власть предназначена для создания позитивного права, а также обеспечения его строгой и своевременной реализации через систему правоохранительных учреждений и юрисдикционных институтов, субинститутов и их синергетических систем.

В отмеченном аспекте связь государственной власти и права является органичной и конститутивной. Она создает сам феномен права и придает ему значение реального фактора в публичной жизни общества. Роль государственной власти для права проявляется в двух основных плоскостях: государственная власть своими актами (нормативными, судебными) придает известным нормам и принципам качества позитивного права: всеобщую нормативность, возможность строгой юридической определенности содержания регулирования; государственная власть наделяет необходимыми полномочиями и средствами воздействия правоохранительные структуры и органы юрисдикции, а также через законодательные акты в совокупности с иными юридическими формами определяет основания и порядок их деятельности. Это выступает значительными гарантиями реализации правовых установлений.

Вместе с тем, как отмечал, С.С. Алексеев, государственная власть, которая и делает «право правом», одновременно представляет собой феномен, в какой-то мере с ним несовместимый и выступающий в его отношении противоборствующим фактором [3]. Природа такой парадоксальности основана на глубокой противоречивости власти. Выступая как необходимая и консти-

тутивная часть оптимальной организации жизни людей, управления общественными делами, власть обладает «рисковыми», потенциально опасными качествами – тенденциями к «самовозрастанию», к неудержимой централизации [3]. Это формирует условия для того, чтобы в процессе учреждения и утверждения власти порог социально оправданных величин нередко оказывался пройденным, что превращает власть в самодовлеющую, самовозрастающую, авторитарную по своим потенциям силу. Отсюда широкое распространение получили авторитарные и тоталитарные политические режимы.

Органика власти состоит в том, что без ее стремления к постоянному самоутверждению и упрочению теряются присущие ей динамизм и социальная мощь. Однако, это же стремление при социально неоправданной концентрации власти, наделяет ее самодовлеющей характеристикой. По этому поводу власть приобретает разрушительные качества. Только право, наряду с моралью и иными социальными институтами, выступает основным препятствием, которое способно перекрыть негативные тенденции власти. Данный тезис можно подтвердить следующими причинами: законы и юрисдикционная деятельность, имея собственное предназначение, не всегда «одобряют» притязания и устремления власти, склонной решать жизненные проблемы волевым приказом и административным усмотрением [4]; право, благодаря своим свойствам, относится к одному из социальных факторов, которые способны ограничить власть, свести ее к социально оправданным величинам.

Возможности управленческой роли публичных властных субъектов ограничены, в том числе и юридической ответственностью в двуединой ее трактовке [5; 6].

Пределы их вмешательства в дела общества, территориальных коллективов, во-первых, в условиях глобализации [7; 8; 9; 10; 11], обусловлены объективной невозможностью регулировать те явления и процессы в обществе, которые не поддаются государственному управлению. Во-вторых, пределы связаны с необходимостью сохранять саморегулирование общества, не вмешиваться в те сферы жизни, которые обеспечиваются саморегулированием. Такие пределы исторически обозначены двумя главными концепциями: 1) естественных прав личности, которые государство не имеет право отчуждать (и не оно наделяло ими); 2) гражданского общества, в дела которого власть не должна вмешиваться. Кроме этого, существенную роль мы отводим обоснованным целям и принципам административного процесса как процесса управления [12] в создающем государстве [13].

Таким образом, в процессе своего функционирования не только власть встречается с правом, но и право, со своей стороны, выступает в отношении

власти в виде противоборствующего фактора, решающего собственные аутентичные задачи, и при достаточно высоком уровне демократического развития общества ограничивает власть. Такая диалектика видится нам органичной и жизнеспособной.

Список литературы

1. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6, № S2-5. С. 402-409.

2. Макогон Б.В. Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Б., 2019. – 51 с.

3. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – 752 с.

Государственное право Германии. Т. 2. – М., 1994. 319 с.

4. Makogon B.V., Savel'eva I.V., Lyahkova A.I., Parshina A.A., Emel'yanov A.S. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions // *The Turkish Online Journal of Design Art and Communication*. 2017. Т. 7, № S-APRLSPCL. С. 328-332.

5. Макогон Б.В. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2014. № 6 (49). С. 74-80.

6. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // *История государства и права*. 2007. № 3. С. 2-4.

7. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // *Пробелы в российском законодательстве*. 2012. № 2. С. 29-31.

8. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // *Евразийский юридический журнал*. 2012. №. 4. С. 150-151.

9. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // *Закон и право*. 2012. №. 6. С. 29-32.

10. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // *Закон и право*. 2012. №. 5. С. 15-18.

11. Makogon B.V., Nikulin M.I., Samsonov V.N., Sorokoletova M.A., Tovstukha O.O. Objectives and Principles of Administrative Proceedings: Doctri-

nal Ideas and Legislative Wordings of the Eastern European Countries // Journal of Politics and Law. 2017. Т. 10, № 4. С. 221-224.

12. Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. – Москва, 2016, Сер. Теория и история государства и права. – 416 с.

Макогон Борис Валерьевич

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

Стус Ангелина Алексеевна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ КАК ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ

Аннотация. В статье на основе анализа классических и современных теоретических источников представлено разделение властей в качестве правового ограничения. Сделан вывод, что система разделения государственной есть правовое средство, характеризующееся именно ограничительной направленностью. При этом само по себе разделение власти не обладает всем ресурсом, необходимым для определения (установления) нерушимых пределов функционирования публичных субъектов.

Ключевые слова: разделение властей, государственная власть, публичные субъекты, правовые ограничения.

«Для развития самой правовой системы или, говоря традиционным языком, объективного права немаловажное значение имеет вопрос о соотношении норм-принципов и норм – правил поведения в таких нормативных структурах, как отрасли права и институты. Когда мы говорим о принципе законности, принципе диспозитивности, принципе состязательности, принципе равного доступа к государственной службе и т.п., мы понимаем, конечно, что это всего лишь названия принципов, а сами принципы требуют более или менее развернутой формулировки. От того, насколько удачно она

выражает свой предмет, зависят регулятивные качества нормы-принципа»
: Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 678.

Правовые ограничения в материальной и процессуальной инкарнациях разнообразны. При этом во всех видимых нами вариантах одной из ключевых характеристик выступает правовой режим взаимодействия ветвей публичной власти.

Система разделения властей представляется нами результатом воплощения концепции так называемой «смешанной конституции», сепарирующей исполнительную власть монархической системы правления и законодательную власть, принадлежащую народу. В таких условиях появляются предпосылки для генезиса и развития независимой судебной системы, которая встает в один ряд с системами законодательной и исполнительной, и классическое разделение властей обретает три организационно-функциональные ветви, устанавливающие в рамках принципа взаимодействия [1] взаимный контроль в целях достижения баланса в государстве, которое предстает как общественно-политическое достояние. В Новое время, восприняв и развив эти идеи, оформившиеся еще в античности, Джон Локк и Шарль Луи Монтескье взрастили из них один из столпов правового государства в современном его понимании. Для органа, который избирается народом и принимает общеобязательные абстрактные предписания (законы), недопустимым являются ассоциации с ним исполнительно-распорядительной власти и, тем более, прямая идентификация с последней. Воплощенная в системе исполнительных органов, эта распорядительная власть вовне действует посредством индивидуальных и конкретных мер, регулирующих отдельный случай в качестве выражения признака конкретности, и мер, относящихся к четко определенному ряду субъектов (в качестве выражения специальности) [2]. В случае наличия спорной ситуации в контексте того, верно ли реализует (выражает) принимаемый акт волю законодателя – ее разрешение находится в компетенции независимых судов.

Вторым европейским автором, работавшим на рубеже Средневековья и Нового времени над проблемой гарантий обеспечения свободы в рамках государства, был Монтескье, хотя, думается, оба ученых, скорее всего, заблуждались касательно образцовости уже сложившегося в Великобритании того времени разделения властей, обеспечивающего такую свободу. При четком правовом разделении государственной власти, первоначально понимаемой как абсолютно единой, на три ветви-части, государственно-властный субъект получает умеренную государственность с достаточно твердыми гаранти-

ями обеспечения свободы. Как результат – при оформлении всех массивов основных прав и свобод их гарантированность становится не такой важной, как достижение той самой умеренной государственности, представляющей окончательной целью. Монтескье даже видел некую высшую и всеобщую свободу во взаимном блокировании ветвей власти.

Если в труде «О духе законов» наличие системы разделения властей еще отчетливо не представлялось в качестве одного из главных признаков правового государства, то в XIX в. в условиях конституционной монархии уже практически ни у кого не осталось в этом сомнений.

Примечательно, что государства с различными формами правления попытались в той или иной мере однозначно реализовать принцип разделения властей, однако, в итоге, как и следовало ожидать, получили определенные различия в указанной области. К примеру, если в предоставляющей президенту верховную исполнительную власть Конституции США система разделения властей очерчена особенно четко, то в парламентских республиках вышеобозначенное разделение проступает менее определенно. В частности, интересно то, как парламентское большинство в то же время составляет и исполнительную. В этой связи существенное значение приобретает юрисдикция и деятельность административных судов, отчасти восполняющая возможный недостаток ресурсов правового государства.

Еще со времени Великой французской революции горизонтальное разделение властей дополняется и сопровождается вертикальным, предполагающим учреждение под уровнем центрального государства особого уровня, именуемого «муниципальная власть». Хотя, справедливости ради отметим, что базовая идея, касающаяся данного уровня власти, появилась задолго до французской революции, подтверждением чему служит появление и развитие, в частности, в Германии, общин двух типов: городских и деревенских.

Итак, функционирование ветвей власти только лишь в рамках определенной сферы – это фундаментальное их предназначение в соответствии с принципом разделения властей, обрамленное юридической ответственностью в двуедином ее понимании [3; 4]. Государственный орган, относящийся к той или иной ветви власти, не может решать задачи (осуществлять полномочия) другой ветви, действует строго в рамках соответствующей компетенции. В этом ключе оформляется комплекс детерминированных ограничений, определяющих координаты деятельности субъекта в юридическом процессе [5]. В частности, для органов законодательной власти юридически закреплена процедура законотворческого процесса, в том числе правовое регулирование его стадий. Для системы органов исполнительной власти характерны ограничения в рамках ведомственного нормотворчества, а также особые за-

преты на принятие ими правовых актов, вторгающихся в исключительно законодательный предмет правового регулирования. Солидаризируясь с А.В. Малько [6], здесь же отметим установленные законом сроки осуществления президентом своей власти, закрепленные процедуры отрешения от его от должности, выражения вотума недоверия правительству и пр.

Вместе с тем, в государственно-правовых системах, в которых юридически и фактически наличествует разграничение компетенции между органами, относящимися к различным ветвям власти, также имеется значительное количество «сдержек и противовесов». Однако, следует оговориться, что, признавая разграничение компетенции между высшими органами различных ветвей власти, государство может воплощать в жизнь принцип единства государственной власти, что особенно актуально в условиях витков глобализации [7; 8; 9; 10; 11; 12], отрицая традиционное разделение властей.

Таким образом, система разделения государственной власти видится нами правовым средством, характеризующимся именно ограничительной направленностью, которое само по себе не обладает всем ресурсом, необходимым для определения (установления) нерушимых пределов функционирования публичных субъектов.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.

2. Правовое государство и государственное устройство: поиск оптимума: совместное исследование германских, российских и монгольских ученых / под общ. ред. А. Мацнева, Г. Шоллера. – М., 2011.

3. Макогон Б.В. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 6 (49). С. 74-80.

4. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.

5. Макогон Б.В. Процессуально-правовые координаты деятельности субъектов публичной власти. Монография. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2013. 164 с.

6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М., 2004.

7. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2-4.

8. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.

9. Макогон Б.В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 4. С. 150-151.

10. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. №. 6. С. 29-32.

11. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. №. 5. С. 15-18.

12. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 32-35.

Нифанов Алексей Николаевич,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

Шамаева Карина Вахитовна,

соискатель кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

РАЗВИТИЕ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа законодательства Чеченской Республики, регламентирующего статус уполномоченного по правам человека и отдельных категорий лиц. Установлено, что республиканский тренд специализации соответствует федеральному.

Ключевые слова: права человека, уполномоченный по правам человека, уполномоченный по правам ребенка, уполномоченный по защите прав предпринимателей.

«Если некоторые социальные институты, создаваемые людьми, возникают как бы невидимо, бесшумно, получают сами собой либо конструиру-

ются слоем (группой) заинтересованных субъектов, то юридический институт, этот официальный нормативный комплекс, совокупность правовых норм, установленных для регулирования определенного предмета, есть детище политической, точнее, государственной власти, творение законодательных собраний, государственных органов и уполномоченных должностных лиц, действующих легитимно на основании общественно признанного права творить юридическую норму. От всякого иного юридический институт отличается официальным характером, высшее место в иерархическом институциональном мире» : Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 407.

Согласно Конституции Российской Федерации (п. «б» ч. 1 ст. 72), защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Это вкупе с ч. 2 ст. 76 означает, что в целях защиты прав человека наряду с федеральными законами могут приниматься и «законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации». Отметим при этом, что «Конституционно-правовая наука и практика сохраняют мотивацию выявлять и постигать нюансы, атрибутивно свойственные сфере прав человека. Вполне крепкая теория прав человека прирастает дополнительными выводами или при изменении исследовательского взгляда на, казалось бы, общепринятые позиции, касающиеся прав человек, или при возникновении новых вызовов [1, с. 90].

Чеченская Республика задействует и активно развивает систему институциональных гарантий, предлагаемых федеральным уровнем. Наиболее значимыми из указанных гарантий на уровне субъекта Федерации считаются конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации и региональные уполномоченные по правам человека [2, с. 13]. Уточним, что актуальность этого тезиса ввиду внесенных в 2020 г. конституционных поправок сохраняется в отношении института омбудсмена.

Должность Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения органами государственной власти, администрациями городов и районов Чеченской Республики, органами местного самоуправления Чеченской Республики и должностными лицами. Если институт региональной конституционной (уставной) юстиции федеральный центр счел неэффективным и предписал упразднить конституционные (уставные) суды субъектов России до 2023 г., то институт региональных уполномоченных по правам человека, напротив, приобрел характер всеохватности, унификации в части федерального правового регулирования,

а именно Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Эта же тенденция касается и специализации уполномоченных, что, например, отражено в Федеральном законе от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации».

Институт республиканского Уполномоченного по правам человека складывался в Чечне постепенно: после упразднения Специального представителя Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике, управление по обеспечению деятельности Специального представителя было реорганизовано в Комитет Правительства Чеченской Республики по обеспечению конституционных прав граждан Российской Федерации, проживающих на территории Чеченской Республики, затем Комитет был преобразован в соответствующее Управление Президента Чеченской Республики¹.

Должность Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике учреждена в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина на территории Республики (ч. 1 ст. 1)².

Институт Уполномоченного по правам человека характеризуется открытостью и доступностью для граждан. Так, в 2020 г. в общепринятой форме к Уполномоченному по правам человека в Чеченской Республике обратилось 539 человек; на личном приеме принято – 328 человека; всего – 867 человек [3, с. 17].

В части специализации отметим, что в 2014 г. в Республике была учреждена должность специализированного омбудсмена – Уполномоченного по правам ребенка. Его статус регулируется Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» и Законом Чеченской Республики от 27 июня 2019 г. № 32-РЗ «Об уполномоченном по правам ребенка в Чеченской Республике»³.

Деятельность Уполномоченного по правам ребенка направлена на обеспечение дополнительных гарантий эффективного функционирования механизмов реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов

---

¹ Указ Президент Чеченской Республики от 27.09.2005 г. № 374 Об Управлении Президента Чеченской Республики по обеспечению конституционных прав граждан Российской Федерации // <https://docs.cntd.ru/document/906802019> (дата обращения 12.01.2022 г.).

² Закон Чеченской Республики от 28.12.2020 г. № 3-РКЗ Об Уполномоченном по правам человека в Чеченской Республике // <https://docs.cntd.ru/document/571061084> (дата обращения 12.01.2022 г.).

³ <https://docs.cntd.ru/document/553378301> (дата обращения 12.01.2022 г.).

детей органами государственной власти Чеченской Республики, органами местного самоуправления муниципальных образований Чеченской Республики, образовательными и медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей, и должностными лицами (ч. 2 ст. 3 Законом Чеченской Республики от 27 июня 2019 г. № 32-РЗ).

Круг полномочий Уполномоченного по правам ребенка в Чеченской Республике достаточно ограничен и включает в себя следующие:

- 1) в пределах своих полномочий обеспечивает защиту прав и законных интересов детей;
- 2) осуществляет мониторинг и анализ реализации соблюдения и защиты прав и законных интересов детей на территории Чеченской Республики;
- 3) содействует эффективному функционированию государственной системы обеспечения реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей в Чеченской Республике;
- 4) принимает в пределах своих полномочий меры по предупреждению и пресечению нарушения прав и законных интересов детей.

По окончании календарного года Уполномоченный направляет Главе Чеченской Республики, в Парламент Чеченской Республики и Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка доклад о результатах своей деятельности, содержащий, в том числе, оценку соблюдения прав и законных интересов детей на территории Чеченской Республики, а также предложения о совершенствовании их правового положения.

В настоящее время Уполномоченный по правам ребенка реализует свой статус в структуре исполнительной власти Чеченской Республики (Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики). Но едва ли объем его полномочий достаточен для оперативного реагирования на обращения граждан, особенно в части взаимодействия с федеральными органами исполнительной власти. Это общая проблема региональных детских омбудсменов. Суть ее, пишет М.Ю. Шамрин, заключается в том, что омбудсмены в субъектах Федерации в отличие от Федерального Уполномоченного не обладают правом рассмотрения жалоб детей на действия территориальных органов федеральных исполнительных органов государственной власти. Это, во-первых, дестабилизирует осуществление государственного управления защитой детства в субъектах России и делает его малоэффективным, а, во-вторых, приводит к наступлению различных негативных последствий для ребёнка. Уполномоченные в субъектах Российской Федерации вы-

нуждены перенаправлять такие жалобы на рассмотрение Федеральному Уполномоченному по правам ребёнка, а также иным компетентным субъектам, в частности, прокурору и даже Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, что затягивает сроки их рассмотрения и разрешения. В качестве решения проблемы исследователем обоснованно предлагается нормативно закрепить обязанность уполномоченных в субъектах России незамедлительно информировать федерального омбудсмена о выявленных ими случаях нарушений территориальными органами федеральных исполнительных органов государственной власти прав, свобод и законных интересов детей [4, с. 303-304].

Несмотря на тренд специализации Уполномоченный по правам человека в Республике продолжает осуществлять значимую работу по защите прав детей. Например, в 2020 г. в адрес Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике с просьбой о содействии в защите конституционных прав своих сыновей обратились жители с. Чечен-Аул Грозненского района Республики [2, с. 50]. Еще один актуальный пример, когда на электронный почтовый адрес Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике 23 сентября 2019 г. поступило заявление гражданина Российской Федерации Исрапилова Рамзана Сайтелиевича с просьбой оказать содействие в возвращении несовершеннолетних племянников из Турции в Российскую Федерацию [2, с. 52].

Представленная информация нами получена из ежегодного официального доклада регионального уполномоченного по правам человека в Республике, размещенного на официальном интернет-сайте (<http://chechombudsman.ru/>). Обращение к официальному интернет-сайту уполномоченного по правам ребенка в Чеченской Республике, к сожалению, не позволило нам получить аналогичную информацию в части нормативного или фактического материала о его деятельности. Полагаем, в целях популяризации правозащитного функционала детского омбудсмена в Республике надлежит своевременно отражать информацию на официальном сайте.

Специализации института омбудсмена поддержана Законом Чеченской Республики от 8 июля 2013 г. № 25-РЗ учреждением должности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Чеченской Республике в целях обеспечения государственных гарантий защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, зарегистрированных на территории Чеченской Республики, и субъектов предпринимательской деятель-

ности, права и законные интересы которых были нарушены на ее территории (ч. 1 ст. 1)¹.

Основными задачами этого Уполномоченного являются:

- 1) защита прав и охраняемых законом интересов субъектов предпринимательской деятельности;
- 2) содействие восстановлению нарушенных прав и охраняемых законом интересов субъектов предпринимательской деятельности;
- 3) правовое просвещение субъектов предпринимательской деятельности в вопросах, принадлежащих им прав и способов их защиты;
- 4) содействие улучшению делового и инвестиционного климата в Чеченской Республике;
- 5) информирование общественности Чеченской Республики о соблюдении и защите прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности на территории Чеченской Республики;
- 6) осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности органами исполнительной власти Чеченской Республики и органами местного самоуправления на территории Чеченской Республики;
- 7) взаимодействие с предпринимательским сообществом;
- 8) содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;
- 9) участие в реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности (ст. 2 Закона Чеченской Республики от 8 июля 2013 г. № 25-РЗ).

Правовое просвещение субъектов предпринимательской деятельности по вопросам защиты их прав и законных интересов, форм и методов их защиты является одним из основных направлений деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Чеченской Республике и направлено на:

- профилактику правового нигилизма;
- повышение уровня правовых знаний предпринимателей;
- повышение уровня правовой культуры субъектов предпринимательской деятельности;

---

¹ <http://uzppchr.ru/d/25-rz.pdf> (дата обращения 12.01.2022 г.).

– формирование у предпринимателей навыков правомерного поведения и правовой активности;

– предотвращение злоупотреблений в отношении субъектов предпринимательской деятельности со стороны должностных лиц государственных и муниципальных органов власти.

О доверии предпринимателей данной разновидности уполномоченных свидетельствует статистика – 371 обращение в 2020 г.¹ То есть количество, сопоставимое с обращениями, поступающими республиканскому уполномоченному по правам человека.

В целом, можно сделать вывод о комплектности на республиканском уровне института уполномоченного по правам человека с присущими ему федеральными трендами развития и учетом национальной специфики.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Права ad hoc: нюансы конституционной идентификации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4 (143). С. 90-94.

2. Демидов А.А. Закрепление института прав и свобод человека и гражданина в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016. 29 с.

3. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике в 2020 году. Грозный, 2021. 309 с.

4. Шамрин М.Ю. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка: историко-теоретический аспект: монография / под ред. проф. Д.К. Нечевина. М.: МГЮА, 2015. 593 с.

---

¹ Ежегодный доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Чеченской Республике; за 2020 год // http://uzppchr.ru/f/doklad_za_2020_god_20.pdf (дата обращения 12.01.2022 г.).

Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРАВООЗАЩИТНО-УСТАВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты анализа Устава Белгородской области в связи с выявлением в нем норм правозащитной направленности.

Ключевые слова: права человека, устав Белгородской области, гарантии права человека, закон, уполномоченный по правам человека.

«Поэтому юриспруденция вырабатывает свою систему категорий, отвечающую функциям права в части формализации поведения людей там, где это является необходимым. Общественный престиж права в огромной степени основан на его способности «держат форму» против всякой расслабленности и размягчения структур, аморфности безгранично свободных состояний, сопутствующих кризисам и социальному регрессу» : Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 429.

Федеративное устройство России обуславливает участие в защите прав человека не только органов федерального уровня, но и ее субъектов. Не случайно регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина отнесены к ведению Федерации, тогда как защита прав и свобод человека и гражданина отнесена к совместному ведению Федерации и ее субъектов (п. «в» ст. 71 и п. «б» ч. 2 ст. 72 Конституции России¹). Учитывая, приведенные основополагающие конституционные нормы, продемонстрируем на примере Устава Белгородской области правозащитный потенциал данного субъекта Российской Федерации [1, с. 21-25; 2, с. 96-101; 2, с. 113-119; 4, с. 722-728; 5, с. 402-409].

---

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля

Итак, в Главе 1 «Статус Белгородской области» Устава Белгородской области сосредоточены ключевые правозащитные установления несмотря на то, что термин «защита» в этих нормах не употребляется¹. Так, в ч. 2 ст. 3 закреплено, что в Белгородской области признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и Конституции Российской Федерации. Уточним, именно представленная норма объясняет отсутствие на региональном уровне «классических» правозащитных институтов и механизмов, традиционных для федерального уровня [6, с. 163-169; 7, с. 2425-2428; 8, с. 2367-2370], а также доктринальных изысканий с учетом фактора риска [9, с. 38-40; 10, с. 89-102].

Часть 3 данной статьи содержательно усилена тем, что учреждает специализированную правозащитную должность Уполномоченного по правам человека в Белгородской области в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина на территории Белгородской области.

В Главе 1 Устава Белгородской области в числе правозащитно-необходимых норм следует назвать положения о мировых судьях ч. 3 ст. 5, а также правило соответствия Конституции и иным нормативным правовым актам принимаемых решений в Белгородской области (ч. 4 ст. 1).

Что касается мировых судей, то они входят в единую судебную систему Российской Федерации (ч. 3 ст. 5 Устава Белгородской области). В настоящее время им посвящена самостоятельная Глава 5 «Мировые судьи Белгородской области» Устава Белгородской области. В ней указано, что мировые судьи Белгородской области являются судьями общей юрисдикции Белгородской области (ч. 1 ст. 51) и осуществляют правосудие именем Российской Федерации (ч. 2 ст. 51).

В ст. 52 конкретизирован порядок назначения мировых судей на основании действующего законодательства.

В отношении правила конституционного соответствия принимаемых нормативных правовых актов следует акцентировать их широкий перечень: законы Белгородской области (ч. 2 ст. 29), распоряжения и постановления Губернатора Белгородской области (ч. 5 ст. 14 и ч. 6 ст. 15), постановления Белгородской областной Думы (ч. 4 ст. 28), распоряжения и постановления Правительства Белгородской области (ч. 4 ст. 43 и ч. 5 ст. 44).

---

¹ Устав Белгородской области от 31.12.2003 г. № 108 (с изменениями на 30.03.2022 г.) // <https://docs.cntd.ru/document/469020331> (дата обращения 11.04.2022 г.)

Полагаем, в числе правозащитных норм Главы 1 Устава Белгородской области надлежит назвать п. «е» ч. 3 ст. 6, согласно которому к ведению Белгородской области относятся областные программы в сфере экономического, социального, культурного и иного развития Белгородской области. Как видим, разновидности программ совпадают с разновидностями субъективных прав личности.

В Главе 2, посвященной Губернатору Белгородской области, также обнаружены полномочия правозащитного содержания. Он:

- подписывает и обнародует либо отклоняет законы Белгородской области, принятые Белгородской областной Думой;

- осуществляет нормативное регулирование общественных отношений;

- ежегодно представляет в Белгородскую областную Думу обязательный публичный отчет о результатах независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания, которые расположены на территории Белгородской области и учредителем которых является Белгородская область, и принимаемых мерах по совершенствованию деятельности указанных организаций.

Уточним, что в числе институтов правозащитной направленности рассматриваем образования с участием общественности Белгородской области. Здесь мы выделяем комиссии и советы при Губернаторе Белгородской области. Они, как совещательные и консультационные органы могут создаваться в целях координации деятельности органов государственной власти Белгородской области и органов местного самоуправления муниципальных образований в Белгородской области, а также в целях привлечения общественности к процессу осуществления государственной власти Губернатор Белгородской (ч. 1 ст. 17 Устава Белгородской области).

Подчеркивается, что советы и комиссии при Губернаторе Белгородской области не могут наделяться самостоятельными полномочиями, не входят в систему органов государственной власти Белгородской области (ч. 3 ст. 17 Устава Белгородской области).

Несмотря на отсутствие прямого упоминания правозащитной функции, Белгородская областная Дума, тем не менее, реализует ее, исходя из собственных полномочий. Согласно ст. 26 Устава Белгородской области к полномочиям Белгородской областной Думы относится:

- принятие Устава Белгородской области и поправок к нему;

– осуществление нормативного регулирования общественных отношений;

– толкование законов Белгородской области, осуществление контроля за их исполнением;

– назначение на должность мировых судей Белгородской области.

При этом ключевым является положение ч. 1 ст. 29 Устава Белгородской области о том, что при осуществлении нормативного регулирования общественных отношений Белгородская областная Дума принимает законы Белгородской области. В форме закона Белгородской области в случаях, предусмотренных федеральным законом, Уставом или законом Белгородской области, принимаются также решения по вопросам осуществления иных полномочий Белгородской областной Думы.

В данном аспекте следует упомянуть принятие принципиальных для Белгородской области законов, содержащих превентивные и правозащитные меры для различных групп населения и субъективных прав. Лишь некоторыми из них являются законы Белгородской области от 13 декабря 2000 г. № 123 «О защите прав ребенка в Белгородской области»¹, от 23 сентября 1998 г. № 41 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»², от 2 апреля 2009 г. № 265 «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам социальной, транспортной, инженерной, производственной инфраструктуры, средствам информации и связи в Белгородской области»³ и др.

Правозащитный потенциал на уставном уровне легализован за Правительством Белгородской области. Буквальным образом это формализовано в ст. 42, указывающей, что Правительство Белгородской области:

а) осуществляет нормативное регулирование общественных отношений;

б) осуществляет меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью;

б.1) осуществляет в пределах своих полномочий меры по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов че-

---

¹ Белгородские известия. 2000, 19 декабря; 2020, 7 июля.

² Белгородские известия. 1998, 30 сентября; 2020, 21 мая.

³ Белгородские известия. 2009, 21 апреля; 2020, 21 мая.

ловека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории Белгородской области, их языков и культуры; защите прав национальных меньшинств; социальной и культурной адаптации мигрантов; профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия;

з) разрабатывает и реализует меры по развитию социальной сферы Белгородской области, росту благосостояния населения, охране труда и здоровья населения, организует систему социальной защиты населения и обеспечивает ее функционирование;

и) осуществляет мероприятия по воспитанию, образованию, охране семьи, материнства, отцовства и детства, разрабатывает и реализует программы по развитию науки, культуры и спорта, а также государственную молодежную политику.

Полагаем, такие «широкие» правозащитные полномочия Правительства Белгородской области следуют из положения ч. 2 ст. 35 Устава Белгородской области о том, что Правительство Белгородской области обеспечивает исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, Устава Белгородской области, законов Белгородской области и иных правовых актов органов государственной власти Белгородской области на территории Белгородской области.

Подводя итоги осуществлённого анализа Устава Белгородской области, полагаем, что в него включены необходимые правозащитные нормы, а, если учитывать современные тренды, то и установления минимизации правозащитных рисков.

Список литературы

1. Новикова А.Е. Проблемы институционализации правозащитных рисков в современной конституционно-правовой науке России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. №. 10. С. 21-25.

2. Новикова А.Е. Региональные институты минимизации правозащитных рисков (на примере Белгородской области) // Конституционализм: симбиоз науки и практики. Материалы Международного круглого стола, посвя-

щенного памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. Ответственный редактор Мархгейм М.В. Белгород, 2017. С. 96-101.

3. Новикова А.Е. Субъект Российской Федерации в механизме минимизации правозащитных рисков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 17 (266). С. 113-119.

4. Makogon B.V., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Nikonova, L.I., Stus, N.V. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Т. 7. № 2. С. 722-728.

5. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № S2-5. С. 402-409.

6. Новикова А.Е., Жорник А.М. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). С. 163-169.

7. Markhgeym M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E., Butko L.V. Moral support of the constitution: modern approaches and regularities // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Т. 11. № 10. С. 2425-2428.

8. Kuksin I.N., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E. Justice as principle: aspects of genesis in social and regulatory systems // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Т. 11. № 10. С. 2367-2370.

9. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ // История государства и права. 2008. № 6. С. 38-40.

10. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Роль межотраслевой конвергенции в развитии категории «риск» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 89-102.

Понкин Игорь Владиславович

профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

О ПРАВОМЕРНОСТИ И ПРАВОВОЙ ОБОСНОВАННОСТИ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ, ПОРЯДКА И СОДЕРЖАНИЯ ДООБОРТНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросу о правомерности и правовой обоснованности нормативного закрепления внутренним приказом медицинской организации или приказом уполномоченного органа государственной власти или органа местного самоуправления в сфере охраны здоровья обязательности, порядка и содержания предварительного (доабортного) консультирования беременных женщин, изъявивших желание об искусственном прерывании беременности.

Ключевые слова: правосубъектность ребёнка на пренатальной стадии развития, безопасность здоровья беременной, доабортное консультирование, медицинское право, здравоохранение.

«Поскольку моральная установка не изменилась и даже в наше время никто не осмеливается утверждать, что разводы и аборты – дело якобы доброе или нравственно нейтральное, в будущем нельзя исключить иные законодательные решения, вплоть до запрета указанной практики» : Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2019. 400 с. С. 210.

Предметом настоящей статьи является вопрос о правомерности и правовой обоснованности (с точки зрения законодательства Российской Федерации) нормативного закрепления внутренним приказом медицинской организации (а равно приказом уполномоченного органа государственной власти или органа местного самоуправления в сфере охраны здоровья) обязательности, порядка и содержания предварительного (доабортного) консультирования (информирования) беременных женщин, изъявивших желание об искус-

ственном прерывании беременности, и получения от них информированного согласия.

Исследование законодательства Российской Федерации (на указанный выше предмет) позволяет сделать вывод о наличии в нём референтных обозначенному вопросу положений.

Часть 1 статьи 56 «Искусственное прерывание беременности» Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает в качестве обязательного условия для проведения искусственного прерывания беременности – наличие информированного добровольного согласия, содержание и форма которого предусмотрены Приказом Минздрава России от 07 апреля 2016 г. № 216н «Об утверждении формы информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины».

Данное положение дел, определяемое требованием об обеспечении и проведении определённого информирования (консультирования) беременной женщины для получения её информированного согласия как обязательного условия для получения ею от уполномоченного медицинского персонала (медицинской организации) медицинских манипуляций по искусственному прерыванию беременности, не является и не может оцениваться как некое искусственно навязываемое обременение обязательствами, поскольку является частным случаем более общего правового порядка, определяемого требованием обязательности информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (или на отказ от медицинского вмешательства), согласно статье 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». И это положение дел определяется императивами охраны прав такого лица на охрану здоровья и на обеспечение безопасности медицинского вмешательства в отношении этого лица (согласно статье 41 Конституции Российской Федерации, статьям 18 и 19, пунктам 1, 2 и 6 статьи 4, статьям 5, 6, 10 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), а равно определяется императивами превенции дефектов оказания медицинского вмешательства в отношении беременной женщины (защищая от этого не только её саму, но и медицинский персонал, обеспечивая тем самым защиту их прав и законных интересов, в том числе и в части превенции уголовного преследования).

Наличие возможных опасностей и рисков, возможных негативных последствий для здоровья и жизни женщины в непосредственной взаимосвязи

и вследствие производства искусственного прерывания её беременности очевидно, общеизвестно в профессиональном медицинском сообществе, не требует дополнительного доказывания. Но для целей настоящей статьи важно наличие отражения в нормативных документах возможностей наличия таких опасностей и рисков, возможностей негативных последствий. Так, согласно Порядку оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология», утверждённому Приказом Минздрава России от 20 октября 2020 г. № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “акушерство и гинекология”» (приложение № 1), предусмотрен значительный объём мер, гарантирующих как максимальную заботу о здоровье женщины и защиту её прав и законных интересов, так и защиту прав и законных интересов медицинского персонала, поскольку, как обоснованно отражается в этом документе, возможны различные осложнения (пункты 4, 5, 10 и др., а также Приложение № 10 к названному Приказу), угрожающие здоровью и жизни такой женщины.

Поэтому речь идёт (должна идти) не об имитации, а о содержательном добросовестном информировании для обеспечения должного наполнения объёма фактических гарантий указанных прав.

Часть 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет минимальный состав содержания надлежащего доабортного информирования (консультирования), требуя предоставления «в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах». По смыслу этой нормы, должны (во всяком случае не исключается этого) существовать нормативно закреплённые порядки, детализирующие и конкретизирующие содержание такого информирования (консультирования), которые, очевидно, устанавливаются подзаконными актами (конкретно, Приказом Минздрава России от 07 апреля 2016 г. № 216н «Об утверждении формы информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины»), в том числе и (исходя из пункта 3 части 3, пункта 6 части 1 и пункта 2 части 4 статьи 29 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») внутренними приказами медицинских организаций, основанными на вышеуказанных нормах.

Врачебный персонал (медицинская организация) просто не может самовольно уклониться от исполнения обязанностей по доабортному инфор-

мированию (консультированию), поскольку произвольное самовольное игнорирование указанных выше требований, то есть непредоставление (отказ от предоставления) надлежащего доабортного информирования (консультирования) может образовывать (в зависимости от обстоятельств) признаки составов преступлений, предусмотренных статьёй 293 «Халатность», статьёй 237 «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей», статьёй 330 «Самоуправство», статьёй 286 «Превышение должностных полномочий» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 марта 2022 г.). В определённых случаях такое игнорирование может быть причинно-следственно связано с деяниями, образующими (опять же в зависимости от обстоятельств) признаки составов преступлений, предусмотренных статьёй 109 «Причинение смерти по неосторожности», статьёй 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», статьёй 124 «Неоказание помощи больному», статьёй 124.1 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи», статьёй 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», статьёй 125 «Оставление в опасности» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно пункту 9 Правил организации деятельности женской консультации (Приложения к Порядку оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология», утверждённому Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 октября 2020 г. №1130н), *«проведение консультаций по вопросам психологической, социальной поддержки женщин, обращающихся по поводу прерывания нежеланной беременности»*, а также *«консультирование и оказание услуг по вопросам охраны и укрепления репродуктивного здоровья, ... профилактики аборт и подготовки к беременности и родам»*, *«проведение мероприятий в части информирования... по различным аспектам... позитивного родительства, сохранения и укрепления репродуктивного здоровья женщин..., профилактики абортов»*, *«оказание правовой, психологической и медико-социальной помощи женщинам... на основе индивидуального подхода с учетом особенностей личности»* – прямо отнесены к функционалу женских консультаций, то есть, иными словами, это их прямые обязанности.

Пунктом 7 Положения об организации деятельности кабинета медико-социальной помощи женской консультации (Приложение № 1 к Приказу Минздравсоцразвития РФ от 01 июня 2007 г. № 389 «О мерах по совершен-

ствованию организации медико-социальной помощи в женских консультациях»), в числе основных функций кабинета медико-социальной помощи были предписаны нижеследующие: «медико-социальный патронаж беременных, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в медико-социальной защите и поддержке, выявление факторов социального риска у женщин для благополучного завершения беременности; оказание медико-психологической помощи женщинам и членам их семей на основе индивидуального подхода с учетом особенностей личности; осуществление мероприятий по предупреждению аборт, проведение консультаций по вопросам социальной защиты женщин, обращающихся по поводу прерывания нежеланной беременности, формирование у женщины сознания необходимости вынашивания беременности и дальнейшая поддержка в период беременности».

Соответственно, вполне обоснованно направление органами государственной власти в сфере охраны здоровья методических разъяснений на этот счёт – Письмом Министерства здравоохранения РФ от 17 июля 2017 г. № 15-4/10/2-4792 «О направлении методического письма “Психологическое консультирование женщин, планирующих искусственное прерывание беременности”», а равно основанными на нём (сопровождающими его) письмами региональных органов государственной власти в сфере охраны здоровья (например, см. Информационное письмо Министерства здравоохранения Забайкальского края от 10 августа 2017 г. №8372 «Психологическое консультирование женщин, планирующих искусственное прерывание беременности»).

Важно также отметить, что такие предварительные действия медицинского персонала в отношении изъявившей желание на искусственное прерывание беременности беременной женщины составляют предмет строгой статистической отчётности – в частности, согласно Разделу I «Результаты доабортного консультирования» формы № 13 «Сведения о беременности с абортным исходом», предусмотренной Приказом Росстата от 30 декабря 2020 г. № 863 (ред. от 20 декабря 2021 г.) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации Министерством здравоохранения Российской Федерации федерального статистического наблюдения в сфере охраны здоровья». А соответственно, непредоставление такой статистической отчётности повлекло бы наступление соответствующих мер административной ответственности, а фальсификация такой статистической отчётности могла бы повлечь в опре-

делённых ситуациях и наступление уголовной ответственности соответствующих лиц.

Следует также отметить, что перечисленные в ряде документов позиции в содержании доабортного консультирования (информирования) нет оснований позиционировать как закрытый их список; существенно важно, чтобы содержание такого консультирования (информирования) отвечало вышеуказанным нормам.

Таким образом, нормативное закрепление внутренним приказом медицинской организации (а равно приказом уполномоченного органа государственной власти или органа местного самоуправления в сфере охраны здоровья) обязательности, порядка и содержания предварительного (доабортного) консультирования (информирования) беременных женщин, изъявивших желание об искусственном прерывании беременности, и получения от них информированного согласия – в полной мере правомерно, юридически обоснованно и прямо вытекает из норм законодательства Российской Федерации.

Стус Нина Владимировна
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук
(Краснодар, Россия)

Намитоков Юрий Азметович
главный специалист отдела организационно-
правового обеспечения деятельности судов
Управления Судебного департамента в Краснодарском крае
(Краснодар, Россия)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС РОССИИ

Аннотация. В статье с опорой на правовые и теоретические источники рассмотрен государственный суверенитет в качестве фундаментального национального интереса России. Сделан вывод, что в общеметодологическом плане государственный суверенитет целесообразно рассматривать как верховенство государственной власти на территории государства, при котором государство наделяется полным правом формировать и реализовывать свою модель налаживания отношений с другими государствами в целях обеспечения невмешательства во внутренние дела с учетом национальных интересов.

Ключевые слова: национальные интересы, государственный суверенитет, национальная безопасность, верховенство государственной власти, независимость государственной власти, самостоятельности государственной власти.

«Наше время не требует отказа от суверенитета национальных государств, но оно меняет акценты в понимании и применении соответствующего принципа. Поскольку судьба национальных интересов все чаще решается на интернациональном уровне, в международных организациях и на мировых форумах, государство должно быть во всеоружии суверенных средств и возможностей» : Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 503-504.

Существование, самосохранение и прогрессивное развитие России как суверенного государства зависит от целенаправленной политики защиты ее

национальных интересов. Важно отметить, что национальные интересы России отражают фундаментальные ценности и извечные стремления российского народа, его потребности в обеспечении достойных условий жизнедеятельности, а также цивилизованные пути их создания и способы удовлетворения.

Национальная безопасность России как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз является необходимым условием сохранения и приумножения материальных и духовных ценностей нашего государства.

Казалось бы, в эпоху постмодерна с ее интеграционными тенденциями и приматом права в международных отношениях стратегический контекст дискурса безопасности должен был эволюционировать в направлении поиска таких форм сосуществования социально-политических систем и их конвергенции, которые обусловлены процессами глобализации. Однако утверждение рядом государств доктрин, стратегий, концепций и программ в военной сфере, посвященных противостоянию с Россией, наращивание военной активности Организации Североатлантического договора (НАТО) и приближение его военной инфраструктуры к российским границам, а также открытые официальные заявления на уровне руководства приграничных государств о том, что они претендуют на целый ряд российских территорий (Калининградская область¹, Сахалинская область², Республика Крым и г. Севастополь³ и др.), заставляют сосредоточиться на решении «традиционных» вопросов национальной безопасности.

Подчеркивая проблему понимания национальной безопасности, мы всегда помним о том, что это определенный уровень защищенности конституционного строя, государственного суверенитета, территориальной целостности и других национальных интересов от реальных и потенциальных угроз. При этом анализ и исследование упомянутых национальных интере-

---

¹ Депутат сейма Литвы предложил забрать у России Калининградскую область // РБК. – URL:

https://www.rbc.ru/rbcfreenews/588e29409a7947d164c1e2a7?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 14.05.2022).

² Япония вновь начала называть Южные Курилы незаконно оккупированными // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20220331/yaponiya-1780989376.html> (дата обращения: 14.05.2022).

³ Зеленский утвердил стратегию для «возвращения» Крыма и вступления в НАТО // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2021/605cdbc39a794764ad97628d> (дата обращения: 14.05.2022).

сов в современных условиях развития российского общества имеет большую актуальность. Научное осмысление этих интересов позволяет создать эффективную систему противодействия угрозам, посягающим на национальную безопасность России.

Концептуальные аспекты становления и формирования национальных интересов всегда привлекали внимание отечественных [1, 2, 3, 4, 5] и зарубежных [6, 7, 8, 9, 10] ученых. Вместе с тем, несмотря на особый интерес к этой проблематике, на сегодняшний день отсутствуют какие-либо однозначные выводы и положения.

В определенной степени мы не ставим перед собой задачу детально проанализировать понятие национальных интересов, но без определения собственной позиции в этом вопросе нельзя достичь основной цели нашего научного исследования.

В большинстве исследовательских подходов сущность национальных интересов сводится к их пониманию как жизненно важных потребностей государства и общества в обеспечении их защищенности и устойчивого развития.

В отечественной правовой науке наиболее удачно и полно определил содержание российских национальных интересов В.Ю. Турагин. По его мнению, «национальные интересы – это симбиоз внутренних и внешних интересов народа России, направленных на поступательное развитие в социальной, экономической, политической и духовной сферах, а также на предотвращение существующих угроз национальной безопасности, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности страны, формирование лидирующих позиций в мире, поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений с другими странами» [11, с. 7].

Каждое государство имеет свои научно обоснованные подходы к определению определенного массива национальных интересов и их приоритетов, реальных и потенциальных угроз национальной безопасности, согласно которым определяет на нормативном уровне перечень этих составляющих.

Основным нормативным правовым актом, определяющим актуальные вызовы и угрозы национальной безопасности России и направляющим деятельность органов публичной власти на обеспечение национальных интересов, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 (далее – Стратегия), разработка и обновление которой предусмотрены

действующим Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (п. 3 ст. 4).

Стратегия определяет национальные интересы Российской Федерации как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» (п. 5).

В числе национальных интересов России Стратегия закрепляет защиту «конституционного строя, суверенитета, независимости ... Российской Федерации» (п. 25).

Для понимания сущности суверенитета как базового национального интереса России полагаем целесообразным установить содержание понятия «государственный суверенитет».

В Декларации СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (далее – Декларация) суверенитет закреплен как естественное и необходимое условие существования государственности России. Декларация провозгласила суверенитет государства на всей ее территории, предусмотрев политические, экономические и правовые гарантии суверенной России.

Основные положения Декларации нашли свое отражение в действующей Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ): суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию; Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации; Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ст. 4).

Концептуально понятие суверенитета в отечественной правовой науке сформулировано И.Д. Левиным, который под ним понимал «состояние полной власти государства на своей территории и ее независимость от других государств» [12, с. 156].

Современной юриспруденции характерно многообразие взглядов на понятие суверенитета государства, под которым учеными предложено понимать «специфический признак государства, выражающий верховенство государственной власти по отношению ко всем иным организациям и лицам в стране и независимость ее в сфере взаимоотношений данного государства с другими государствами» [13, с. 80]; «верховенство на своей территории по отношению к собственным гражданам и независимость в международных отношениях» [14, с. 75]; «свойство государства самостоятельно и независи-

мо от других государств осуществлять свои функции на своей территории и за ее пределами, в международном общении» [15, с. 114].

Согласно приведенным воззрениям, государственный суверенитет Российской Федерации проявляется в верховенстве, независимости и самостоятельности осуществления государственной власти как внутри государства, так и на международной арене.

Для наиболее полного уяснения содержания государственного суверенитета обратимся к анализу его юридически значимых признаков, а именно: единство, верховенство и независимость государственной власти.

Единство государственной власти как признак государственного суверенитета характеризуется тем, что существует единый орган или система органов, образующих в своей совокупности высшую государственную власть.

Государственное единство является неотъемлемым качественным признаком государственности, к тому же находится в самой основе государственного суверенитета. Без единства государственной власти немыслима ее универсальность – одна из составляющих верховенства как ее суверенное качество. Универсальность государственной власти означает распространение на всю территорию, весь народ, всех индивидуальных и коллегиальных субъектов.

Исследуя вопросы единства государственной власти, И.А. Умнова сосредоточивает наше внимание на том, что «единство системы государственной власти выражается в единой политике законотворчества, государственного регулирования и управления, в наличии механизмов координации деятельности и институтов представительства» [16, с. 37].

Сущность верховенства государственной власти состоит в том, что оно определяет соответствующий механизм правовых отношений в государстве, устанавливает общий правопорядок, правоспособность, права и обязанности государственных органов, общественных объединений, должностных лиц и граждан.

С.Н. Туманов отмечает: «верховенство власти государства выражается в возможности установления и поддержания универсального порядка, в приоритете по отношению к другим властвующим субъектам и всем лицам, находящимся в пределах территориальной сферы ее распространения, в монополии на применение принуждения. При этом верховенство государственной власти не замыкается на объеме властных полномочий, поскольку в зависимости от уровня развития государства, характера его отношений с обществом, принципами на которых строится взаимодействие государства

внутри страны, они могут меняться. Поэтому верховенство выражается еще и в самостоятельности определения набора средств реализации властных полномочий, установления порядка их обеспечения» [17, с. 40].

Верховенство государственной власти характеризуется тем, что государственная власть посредством правотворчества регулирует весь комплекс общественных отношений (за исключением отношений, не регулируемых правом) в государстве.

Что касается независимости государственной власти, С.С. Алексеев, а вместе с ним и другие ученые понимают ее как возможность государства самостоятельно решать свои внутренние и внешние задачи и функции [18, с. 50]. При этом полагаем, что данная проблема не носит дискуссионного характера. Под независимостью понимается возможность принимать самостоятельные решения, которые подчиняются собственным желаниям и интересам. В результате этого логично понимать тот факт, что независимость государственной власти – это неподвластность или неподчиненность каким-либо внешним воздействиям.

Следовательно, в общеметодологическом отношении государственный суверенитет целесообразно рассматривать как верховенство государственной власти на территории государства, при котором государство наделяется полным правом формировать и реализовывать свою модель налаживания отношений с другими государствами и таким образом обеспечивать, чтобы они не вмешивались во внутренние дела с учетом национальных интересов.

Список литературы

1. Колокольцев, В. А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Санкт-Петербург, 2005. 54 с.
2. Студеникина, С. В. Национальные интересы в правовой политике России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 23 с.
3. Быков, О. Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 274 с.
4. Бидова Б.Б. Концептуальные основы теории национальных интересов в юридической науке: монография. Кисловодск: Магистр, 2018. 156 с.
5. Беляев В.П., Бидова Б.Б. Сущность национальных интересов: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7 (116). С. 11-21.

6. Beard, C. A. *The Idea of National Interest: An Analytical Study in American Foreign Policy* / C.A. Beard. New York: Macmillan, 1934.
7. Good, R. C. *The National Interest And Political Realism: Niebuhr's "Debate" With Morgenthau And Kennan* // *The Journal of Politics*. November 1960. Vol. 22. Iss. 4.
8. Morgenthau, H. J. *In Defense of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy* / H.J. Morgenthau. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1952.
9. Nincic, M. *The National Interest and Its Interpretation*. *The Review of Politics*, December 1999, vol. 61, no. 1, pp. 29-55.
10. Ризоен, Ш. Ш. *Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан: структура и специфика: диссертация ... кандидата юридических наук*. Душанбе, 2017. 186 с.
11. Турагин, В. Ю. *Национальные интересы: подходы к определению понятия* // *Российская юстиция*. 2021. № 1.
12. Левин, И. Д. *Суверенитет*. – М.: Ассоц. юрид. центр, 2003.
13. Тихомиров, Ю. А. *Суверенитет в условиях глобализации* // *Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: сборник статей и материалов*. – М., 2007.
14. Манелис, Б. Л. *Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях*. – Ташкент: Государственный университет им. В. И. Ленина, 1964.
15. Бархатова, Е. Ю. *Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный)*. – М.: Проспект, 2020.
16. Умнова, И. А. *Как обеспечить единство законодательной и исполнительной власти в условиях федерации* // *Журнал российского права*. 1998. № 4-5.
17. Туманов, С. Н. *Суверенитет государства: верховенство власти и способы его ограничения* // *Правовая культура*. – 2016. – № 3 (26).
18. *Проблемы теории государства и права. Учебник* / С.С. Алексеев, И.Я. Дюрягин, В.Б. Исаков [и др.]; Под редакцией С. С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1987. 446 с.

Туранин Владислав Юрьевич
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

Нестеренко Виктория Викторовна
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье проведен анализ историко-правового опыта кодификации законодательства, преимущественно, в советский период, с учетом присущих советскому государству специфических особенностей. Сделаны выводы о характере и целесообразности кодификации законодательства на соответствующем этапе его развития.

Ключевые слова: кодекс, кодификация, законодательство, историко-правовой опыт.

«Право в своей социальной эволюции и в историческом существовании предстает результатом развития многих факторов и показывает множество форм своего конкретно-исторического воплощения. Предельно общий историко-эволюционный подход ... позволяет нам видеть такие эпохи правовой истории, как эпоха традиционного права, самая длительная по времени и богатейшая по содержанию, эпоха индустриального права и эпоха постиндустриальная, которую называют то технотронной, то информационной, но название ее пока еще не определилось» : Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства. М.: Издательство РАГС, 2010. С. 315.

Общественные отношения регулируются с помощью множества нормативных правовых актов. В целях рациональной организации нормативного материала, действующие правовые источники, зачастую, приводятся в определенную систему. Одним из видов систематизации нормативных правовых актов является кодификация, то есть «деятельность, направленная на внешнюю и внутреннюю переработку действующего законодательства путем подготовки и принятия нового кодификационного акта» [1, с. 162].

В дореволюционный период развития России полноценная кодификация, в её современном понимании, практически не осуществлялась (исключением может быть, разве что Свод законов Российской империи). Ситуация изменилась с установлением советской власти в 1917 г. Уже в 1918 г. принят Кодекс законов о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. По мнению П.Л. Полянского, «семья в данный период рассматривалась с точки зрения решения одной задачи – служить «временной заменой всеобщего социального обеспечения», что было обосновано возникновением иного понимания функций семьи [2, с. 20]. Однако вскоре он утратил свою силу в связи с принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. Также в качестве одного из первых советских кодексов в историю вошел Кодекс законов о труде РСФСР. Однако сразу же после принятия в него стали вноситься изменения и дополнения. Кроме того, в научном сообществе обращается внимание на то, что в полном объеме он фактически не применялся [3, с. 61]. В связи с этим в 1922 г. принят новый Кодекс законов о труде, более приближенный к существовавшим в то время тенденциям развития трудовых отношений.

В 1922 г. образовано первое в мире социалистическое государство – СССР. В связи с возникновением нового государства на мировой арене и началом мирного строительства назрела острая необходимость в кодификации законодательства, учитывая, что был накоплен значительный нормативный материал. Примечательно, что работа по кодификации была произведена в достаточно короткий срок – с 1922 по 1924 гг. Рассмотрим особенности кодификации законодательства в советский период на примере такой союзной республики как РСФСР. За это время разработаны и приняты Гражданский, Уголовный, Гражданский процессуальный, Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР и др., в результате чего был сформирован достаточный для того времени массив кодификационных актов, а основным источником для каждой из отраслей права стал республиканский кодекс. Примечательно, что в период «сталинизма» особое внимание уделялось кодификации конкретно уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Оно стало своеобразной составляющей механизма реализации репрессивной политики. В связи с этим О.Д. Максимова отмечает, что «оно имело целью закрепить правовые средства для борьбы с классовыми врагами советского строя» [4, с. 311]. В 1926 г. советским законодателем осуществлена редакция Уголовного кодекса РСФСР. Учитывая ее масштабы, по сути, был принят новый уголовный кодекс. Отметим, что в данный период кодификации законодательства некоторые акты, несмотря на приложенные к их разработке усилия, остались нереализованными. Например, не был принят Административный

кодекс РСФСР. По мнению Т.Ф. Ящук, «главная причина, которая помешала завершить работу над ним, состояла в невозможности разграничить отношения, которые в современном российском праве составляют предмет административного права и конституционного права» [5, с. 59]. Одновременно велась и разработка Жилищного, а также Строительного кодексов РСФСР. Однако их юридическая судьба также не сложилась. В частности, причиной этому явилась имевшаяся неопределенность по поводу предмета и метода правового регулирования указанных отраслей права.

Великая Отечественная война приостановила процесс кодификации законодательства. Однако с установлением мирных отношений вновь назревает необходимость в нем. С последней кодификации законодательства прошло достаточное количество времени, учитывая, что общественные отношения находятся в непрерывном развитии и подстраиваются под реалии соответствующего времени. Говоря о кодификации законодательства в период так называемой «оттепели», в научном сообществе отмечают, что «общий дух норм советской кодификации в указанный период следует характеризовать как умеренно позитивный с точки зрения правового положения» [6, с. 226]. Принятие в 1960 г. новых законодательных актов, в частности, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР ознаменовало своеобразный разрыв с системой правотворчества и правоприменения, существовавшей период «сталинизма». Законодательство, с одной стороны, действительно, стало более гуманизированным. Например, возраст уголовной ответственности был повышен с 14 до 16 лет. С другой же стороны, предписания закона иногда игнорировались, несмотря на приложенные к кодификации усилия. Приведем в пример дело Рокотова – Файбишенко – Яковлева, когда за незаконные валютные операции данные лица приговорены к высшей мере наказания – смертной казни. Указанная санкция была установлена принятым в срочном порядке указом не до совершения преступления, а после. Вопреки законодательно установленным правилам имела место обратная сила закона. В период «оттепели» также приняты новые Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР (1964 г.). Однако регулирование указанных сфер можно оценить двояко. С одной стороны, в условиях командно-административной экономики оно имело свои специфические особенности, в том числе связанные с непризнанием частной собственности. Современное гражданское законодательство исходит из иных постулатов. С другой стороны, некоторые нормы, в большей мере процессуальные, стали одним из источников рецепции для действующего законодательства.

Далее новой предпосылкой кодификации выступила необходимость приведения законодательства в соответствие с задачами развитого социализма, поставленными КПСС и принятием новой Конституции, вошедшей в историю как «Конституция развитого социализма». В период «застоя» приняты новые Кодекс о браке и семье РСФСР (1969 г.) и Кодекс законов о труде РСФСР (1971 г.). В научном сообществе отмечается, Кодекс законов о труде РСФСР 1971 г. отличался своим качеством, поскольку советский законодатель сосредоточил в нем нормы, направленные на эффективное регулирование труда всех категорий работников и служащих. Кроме того, он содействовал поощрению роста производительности труда и укреплению трудовой дисциплины [6, с. 226]. После периода «застоя» кодификация законодательства продолжается. На наш взгляд, положительной тенденцией в 80-е гг. выступило выделение в отдельную отрасль жилищного права. В связи с этим приняты Основы жилищного законодательства СССР и союзных республик, которые наметили общие тенденции его развития. На их основе разработаны жилищные кодексы союзных республик. Примечательно, что принятый в 1983 г. Жилищный кодекс РСФСР действовал в России напрямую до 2005 г., до принятия нового. Новеллой также стало принятие в 1984 г. Кодекса РСФСР об административных нарушениях, поскольку данная сфера продолжительное время не была урегулирована должным образом. Говоря о современном административном законодательстве, А.Н. Жеребцов отмечает, что «именно в советский период сформировалась управленческая концепция административного права, которая сохранила свое значение до настоящего времени, но сейчас подвергается обоснованной критике» [7, с. 212]. Не отрицая значимости некоторых аспектов данной концепции, отметим, что все же современная концепция имеет свою специфику, обусловленную реалиями настоящего времени, учитывая, кроме того, что государственность СССР и России различна.

Обобщая, отметим, что кодекс играл важную роль в системе источников права в советский период, учитывая, что полномочиями по его принятию был наделен высший орган государственной власти. Кроме того, его важность советский законодатель подчеркнул уровнем нормотворчества и общественных отношений, составлявших предмет правового регулирования соответствующего кодификационного акта.

Кроме того, проанализировав различные исторические периоды развития права в советский период на примере такой союзной республики как РСФСР, отметим, что механизм кодификации советского законодательства

достаточно специфичен. Существовала двухуровневая система отраслевого регулирования. Новый законодательный акт принимался с учетом федеративного характера СССР и принятых на уровне государства нормативных правовых актов, носивших зачастую более декларативный, нежели юридический характер. Иными словами, требовалось наличие «типового закона», закреплявшего основополагающие начала, на основании которых осуществлялась кодификация в союзных республиках. Таковыми являлись Основы законодательства СССР и союзных республик по различным отраслям права (например, Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье 1968 г.). Несмотря на это, имелись определенные расхождения в законодательных актах различных союзных республик. Например, Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. установил брачный возраст в 18 лет, а Кодекс о браке и семье УССР 1969 г. установил брачный возраст 17 лет для женщин и 18 лет для мужчин.

Кроме того, при кодификации в советский период прослеживается тенденция ориентации законодательства под политику находившихся у власти лиц. Например, в период «сталинизма» содержание кодификационных актов характеризуются большей жесткостью, во времена «оттепели» – направленностью на гуманизацию. То есть в большей мере инициатива кодификации исходила от верховной власти. Союзные республики в полной мере не были заинтересованы в правотворческой деятельности. На этот счет мы согласны с фразой из вступительного слова Л.В. Головки к работе Р. Кабриака, который отмечал, что «нет успешного кодекса без социальной потребности в нем, то есть кодекс должен идти не только и не столько “сверху”, сколько “снизу”» [8, с. 2].

Таким образом, кодификация является составной частью механизма конструирования системы законодательства, способствует укреплению его системности и юридического единства. В советский период кодификация законодательства имела свои специфические особенности, обусловленные как государственным устройством СССР, принадлежностью его системы права к социалистической правовой семье, так и веяниями соответствующего времени. За период существования советского государства осуществлено несколько крупных кодификаций, в результате которых сформирован обширный законодательный массив. В этом мы убедились на примере такой союзной республики как РСФСР. Советский законодатель уделял пристальное внимание кодификации законодательства, стараясь максимально приблизить его к существовавшим реалиям и тенденциям развития общественных отношений.

Однако иногда законодательство становилось инструментом реализации политики, обусловленной интересами находившегося у власти лица, создавая противоречия. Однако в целом опыт кодификации законодательства в советский период достаточно успешен. Об этом, в частности, свидетельствует то, что после распада СССР некоторые кодификационные акты, принятые в период его существования, продолжали действовать в государствах, являвшихся ранее его союзными республиками, достаточно продолжительное время.

Список литературы

1. Теория государства и права: учебно-методическое пособие / Е.Е. Тонков, В.Ю. Турагин, Л.А. Пожарова, В.В. Кутько. Белгород: ИД «БелГУ», 2020. 254 с.
2. Полянский П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 3-33.
3. Горшенин К.П. Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы // М.: Юридическая литература, 1967. 224 с.
4. Максимова О.Д. Законотворчество в Советской России в 1917-1922 гг. // М.: Зерцало-М, 2011. 398 с.
5. Ящук Т.Ф. Нереализованные проекты кодификации советского законодательства в 1920-1930-е гг. // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 57-61.
6. Эмирсултанов Я.А. Проблема кодификации советского права в период государственно-партийного социализма // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 225-227.
7. Жеребцов А.Н. Система современного административного права и критерии ее построения // Общество и право. 2013. № 2. С. 211-216.
8. Кабрияк Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. 474 с.

Кулишенко Екатерина Алексеевна

преподаватель кафедры административного и
финансового права СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»,
кандидат юридических наук
(Краснодар, Россия)

Стус Нина Владимировна

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук
(Краснодар, Россия)

ИНСТИТУТ ВОЕННОГО ОМБУДСМЕНА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы введения в России военного омбудсмена в качестве разновидности института уполномоченного по правам человека. Сделан вывод, что востребованность данного института подчеркивается современными вызовами и ситуациями. Авторы полагают, что независимый от органов исполнительной власти Уполномоченный по правам военнослужащих может явиться реальным гарантом прав и свобод граждан, проходящих военную службу.

Ключевые слова: права человека, уполномоченный по правам человека, военный омбудсмен, национальные интересы.

«Социальный институт в соответствии с изначальным смыслом этого слова ... означает некую сознательно сконструированную людьми устойчивую структуру, культурный артефакт и позитивное установление, развернутые в сторону регулирования и упорядочения массивов человеческого поведения» : Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 389.

В мире в настоящее время идет серия локальных войн и международных напряженностей на грани войны, и многие из этих ситуаций прямо или косвенно затрагивают национальные интересы России. Объективной реальностью сегодняшнего дня стало участие Вооруженных Сил Российской Федерации в военных операциях за пределами территории Российской Федерации и мест дислокации национальных военных формирований, а тема специальной военной операции, проводимой Вооруженными Силами Российской

Федерации на территории Украины, является сегодня одной из самых актуальных тем международной политики.

Указанные выше обстоятельства, а также специфика военной организации государства и особенности правового статуса лиц, обеспечивающих ее функционирование, обуславливают необходимость специальных гарантий обеспечения конституционных прав военнослужащих в России. Не случайно во многих зарубежных государствах функция защиты прав военнослужащих возложена на специальных военных омбудсменов. В этой связи отметим, что институт омбудсмана «продолжает приобретать новые грани трактовки и конституционной формализации. Суверенный взгляд на данный институт предложили и государства, возникшие на постсоветском пространстве, придерживаясь при этом традиций его сопряжения с парламентом» [1, с. 83]. Россия также представляет группу таких стран, учредивших и развивающих данный институт. Одним из направлений развития видится введение военного омбудсмана.

В России функцию защиты прав военнослужащих осуществляет Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации на основе его общих полномочий (безотносительно к профессиональной или служебной принадлежности лиц, чьи права поддержат защите).

Безусловно, институт Уполномоченного по правам человека по своей правовой природе является важным элементом системы гарантий прав и свобод военнослужащих. Однако определенная специфика регулирования их деятельности предопределило наше внимание к вопросу о возможности учреждения в России специализированного института Уполномоченного по правам военнослужащих.

На современном этапе построения правового государства в России актуальным является развитие института омбудсмана в направлении углубления специализации. Так, в настоящее время в Российской Федерации учреждены Уполномоченный при Президенте по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации; Уполномоченный при Президенте по защите прав предпринимателей и уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации; уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг и др. С их помощью углубляются правозащитные возможности путем фокусирования на проблемах конкретной категории лиц [1, с. 4].

За последние несколько лет предлагалось учредить уполномоченного по правам женщин, по правам автомобилистов, по правам изобретателей, а также по защите прав граждан на свободу вероисповедания. На фоне данных

инициатив, должность Уполномоченного по правам военнослужащих выглядит гораздо убедительнее.

Нельзя не отметить, что специализированные военные омбудсмены действуют в ряде демократических стран, таких как: Германия, Франция, США, Канада и т.д. [2, с. 97]. Широкие надзорные функции за деятельностью государственных органов и должностных лиц всех уровней в целях обеспечения прав и законных интересов военнослужащих, которыми наделен омбудсмен в указанных странах, свидетельствуют о высоком авторитете данного института. Главной задачей специализированного уполномоченного является гарантирование прав и свобод военнослужащих, их соблюдение и уважение государственными органами и должностными лицами власти. Его основными чертами являются независимость от органов исполнительной власти и прежде всего от министерства обороны и других органов военного управления; строгое соблюдение закона; наличие реальных властных полномочий, правовых рычагов и механизмов воздействия на органы военного управления для восстановления нарушенных прав и интересов военнослужащих.

Впервые должность военного омбудсмана была учреждена парламентом Швеции в 1915 г., а в 50-х годах XX столетия военный омбудсмен был введен во всех странах скандинавского региона. Это было обусловлено рядом факторов, связанных с особенностями исторического, географического, геополитического и экономического характера, которые влияли на формирование оборонной политики каждым государством и необходимостью совместного решения проблем безопасности, стоящих перед скандинавскими государствами после Второй мировой войны [3, с. 41].

В целом институт омбудсменов, занимающихся вопросами защиты прав военнослужащих, имеет значительную специфику и занимает особое место в системах зарубежных омбудсменовских служб. При этом проведенный анализ показывает, что организация и деятельность такой институции (ее модель) в разных странах различаются.

Наиболее распространенной в современном мире является модель омбудсмана «общей юрисдикции», уполномоченный осуществлять парламентский контроль, в том числе над вооруженными силами. В отдельных государствах омбудсмен в военных вопросах может быть гражданским должностным лицом, наделенным функциями контроля над вооруженными силами. Такая модель функционирует в Норвегии (Парламентский уполномоченный по делам Королевских вооруженных сил), Германии (Уполномоченный Бундестага по делам Вооруженных сил), Великобритании (Уполномоченный по жалобам военнослужащих) и др.

Третью группу занимают омбудсмены, организационно интегрированные в вооруженные силы. Такие омбудсмены, как правило, являются офицерами. Они назначаются военным командованием и ему подчиняются. Примерами институтов, интегрированных в вооруженные силы, являются: Генеральный инспектор Министерства обороны США, Генеральный инспектор-посредник Бельгии, Генеральный инспектор Министерство обороны Чешской Республики, Генеральный инспектор Королевских вооруженных сил Нидерландов, Генеральный инспектор вооруженных сил Франции, Генеральный инспектор вооруженных сил Эстонии.

В свою очередь, Уполномоченный по армейским жалобам Армии обороны Израиля имеет двойное подчинение: министру обороны и Комитету Кнессета по вопросам безопасности. Институт военного омбудсмена может функционировать и посредством коллегиальных структур, как то: Военный апелляционный совет во Франции, Инспекторская служба Министерства обороны в Чехии, Служба военных советников в Дании.

Каждая из моделей военного омбудсмена имеет свои преимущества и недостатки.

Так, преимущества омбудсмена, интегрированного в вооруженные силы, обеспечиваются профессиональным фактором, что может положительно сказываться не только на состоянии соблюдения прав человека в вооруженных силах, но и в повышении эффективности (боеготовности) вооруженных сил. С другой стороны, могут возникать вопросы независимого выполнения функций по защите прав военнослужащих должностным лицом, которое находится в служебном подчинении.

Ряд преимуществ имеет и модель гражданского (парламентского) омбудсмена, чья юрисдикция распространяется только на вооруженные силы. Его специализация на военных вопросах обеспечивает приобретение специальных знаний и практического опыта в сфере защиты прав военнослужащих, а широкое обнародование его отчетов и докладов способствует повышению эффективности демократического гражданского контроля, обеспечения прозрачности вооруженных сил и демократизма в них. Правда, введение такой организационной структуры требует бюджетных ассигнований.

Относительно защиты прав военнослужащих институтом омбудсмена с общей (универсальной) юрисдикцией, по нашему мнению, такая модель может быть эффективной в демократических государствах с нейтральным статусом, не имеющих вооруженных сил, или в таких, где существуют разнообразные структуры с соответствующими правозащитными функциями, а

также в странах, в которых длительное время не было вооруженных конфликтов.

Относительно возможной теоретической модели института военного омбудсмана в России, с учетом имеющихся общественно-политических и экономических условий, полагаем, что потребности защиты прав военнослужащих институтом омбудсмана лучше всего может удовлетворить самостоятельный в организационном плане Уполномоченный по правам военнослужащих.

Специализированный военный омбудсмен как особый правозащитный институт, независимый от каких-либо органов власти, способен более эффективно защищать права военных. Этот институт, как нам представляется, будет способствовать демократизации национальной военной администрации и военных отношений вообще, обеспечению соблюдения законности в сфере функционирования вооруженных сил и обеспечению правовой безопасности в армии. Кроме того, военный омбудсмен должен стать важным фактором демократизации общества в целом и военной администрации в частности, обеспечить выполнение норм законодательства Российской Федерации, гарантирующих права и свободы военнослужащих, способствовать созданию в обществе атмосферы доверия к армии.

Именно Уполномоченный по правам военнослужащих, независимый от органов исполнительной власти и прежде всего от Министерства обороны Российской Федерации и других органов военного управления, может явиться реальным гарантом прав и свобод граждан, проходящих военную службу.

Указанный вопрос требует дальнейших исследований, а также разработки и принятия соответствующего законодательного акта, определяющего основные принципы контроля за соблюдением конституционных прав и свобод военнослужащих, который будет осуществлять на постоянной основе Уполномоченный по правам военнослужащих, его полномочия, правовые рычаги и механизм воздействия на органы военного управления и органы государственной власти в целях восстановления нарушенных прав и законных интересов военнослужащих.

Список литературы

1. Мархгейм М.В., Безуглая А.А. Истоки постсоветского омбудсмана: конституционно-правовые прерогативы и интегральные возможности парламента // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4 (119). С. 83-87.

2. Кулишенко Е.А. Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2021. – 181 с.

3. Иванов Ю.А. Учреждение в России должности уполномоченного по правам военнослужащих // Вестник науки. 2021. № 11 (44). С. 94-100.

4. Шемшученко Ю.С., Мурашин Г.А. Институт омбудсмана в современном буржуазном государстве // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 39-44.

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

Безуглая Анна Артуровна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ИНТЕГИРИРУЮЩАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В СТРАНАХ СНГ

Аннотация. В статье на основе анализа текстов конституций стран СНГ делается вывод о наличии в них конституционного оформления нравственности как важнейшей фундаментальной ценности общества, выступающей и объектом конституционной защиты, и одновременно критерием (границей) для установления пределов действия субъективных прав и свобод.

Ключевые слова: нравственность, мораль, ценности современного общества, конституционно-правовая защита, институт ограничения прав и свобод личности, конституции постсоветских государств.

«Нравственность дает возможность конструировать правильные и социально одобренные эталоны поведения членов общества на основе широкого ценностного опыта, относящегося ко все сферам регулирования. Она вырабатывает единый масштаб, систему отсчёта, применительно к дей-

ствующим регуляторам поведения...» : Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 41.

Право призвано защищать фундаментальные, базовые ценности нашего многонационального народа, которые в современном российском обществе, зачастую, вытесняются рекламой преимуществ потребительского образа жизни, популяризацией индивидуалистического поведения, подменяются привлекательностью «деловой морали» [1, с. 13], ориентированной на развитие специфических качеств, высоко ценимых людьми, целью которых является только материальный успех. Нравственные императивы, сложившиеся в процессе культурного и духовного развития общества, являясь очень значимыми в структуре системы его ценностей, должны быть закреплены и защищены на конституционном уровне, т.к. приобретая характер конституционных положений и трансформируясь в правовые нормы, они позволяют государству эффективно воздействовать на общественные отношения.

Характеризируя нравственность в конституционно-правовом измерении, А.А. Фомичев считает, что она может иметь несколько значений и выступать как «объект конституционно-правовой защиты, конституционная ценность, критерий, основание и цель ограничения прав и свобод личности», связывая все эти смысловые аспекты нравственности с правовым институтом ограничения прав и свобод человека и гражданина [2, с. 23-24].

Конституционная обязанность государства защищать нравственность в контексте института ограничения прав и свобод личности была закреплена в исходном тексте Базового закона Российской Федерации 1993 г. [3]. Формулировка ч. 3 ст. 55 Конституции России полностью соответствует общепризнанным международным актам в этой области. Так, ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливает, «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [4]. Хотя в Декларации используется определение «требования морали», термин «нравственность», применяемый в российской конституции, нашел свою формализацию в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 9, ч. 2 ст. 10, ч. 2 ст. 11) [5].

Анализ текстов конституций постсоветских государств показал, что большинство из них содержат схожие с российским Базовым законом формулировки. Так, ч. 1 ст. 23 Конституции Республики Беларусь предусматри-

вает возможность ограничения прав и свобод личности, которые допускаются «только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [6].

В Конституции Республики Армения конкретизированы права и свободы личности, которые могут быть законодательно ограничены в целях защиты нравственности – это право на физическую и психическую неприкосновенность (ч. 2 ст. 25), неприкосновенность частной и семейной жизни, чести и доброго имени (ч. 2 ст. 31), неприкосновенность жилища (ч. 2 ст. 32), свобода и тайна сообщения (ч. 2 ст. 33), защита персональных данных (ч. 4 ст. 34), свобода вступления в брак (ч. 3 ст. 35), право на свободное передвижение (ч. 4 ст. 40), свобода мысли, совести и религии (ч. 2 ст. 41), свобода выражения мнения (ч. 3 ст. 42), свобода собраний (ст. 44) и свобода объединений (ч. 3 ст. 45) [7], что корреспондирует статьям Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

В контексте осуществления прав и свобод личности ч. 5 ст. 12 Конституции Республики Казахстан содержит термин «общественная нравственность», а ч. 1 ст. 39 этого же конституционного акта допускает законодательное ограничение прав и свобод человека и гражданина лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты «нравственности населения» [8]. О защите «нравственности населения» в рассматриваемом ракурсе говорится и в ч. 2 ст. 23 Конституции Кыргызской Республики [9].

В ч. 1 ст. 57 Конституции Республики Узбекистан термин нравственность используется, но применяется в отношении запрета создания и деятельности политических партий, а равно других общественных объединений, «...посягающих на здоровье и нравственность народа...» [10]. Принудительный характер защиты государством «нравственности народа», устанавливающий правовой запрет на создание и деятельность политических партий и иных общественных объединений, посягающих на нее, содержится также в ч. 2 ст. 44 Конституции Туркменистана [11]. При этом, определяя границы нарушения субъективных прав личности и необходимость применения государством правоохранительных мер, при реализации прав и свобод другими людьми, конституционная норма (ст. 30) этой страны содержит термин «нормы морали».

В ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Таджикистан термин «нравственность» не употребляется, но использована формулировка «общественная мораль») [12].

Полагаем, что использование разных терминов в конституционных актах постсоветских стран связано с представлениями законодателей о тожде-

ственности или дивергенции понятий «мораль» и «нравственность». В научной доктрине по этому вопросу также не существует единого мнения. Например, Г.Ф. Шершеневич, считал, что нравственность представляет собой не требования человека к самому себе, а требования общества к человеку, нравственное поведение человека всегда определяется социумом и исторически обусловлено [13, с. 61].

Схожей точки зрения придерживаются К.В. Арановский и О.Е. Шишкина, по мнению которых «нравственность представляет сложное социально-этическое образование, где сочетаются ценности, соотнесенные с ними идеи, принципы, а также правила, усвоенные в обществе вслед за ценностными, идейно-принципиальными основаниями. Общественная нравственность выражает укоренившиеся либо сравнительно новые и подвижные убеждения, аксиоматические положения, императивы морально состоятельного поведения и мышления, сопряженные с прожитой историей, оценкой наличного состояния общества, а также с его ожиданиями» [14, с. 49].

Распространена также позиция об абсолютно социальном характере норм морали, отсутствии в них какого-либо индивидуального фактора. Б.М. Берсиров пишет, что «мораль – это сумма установившихся в обществе неписаных нормативов поведения, сборник социальных предрассудков. Нравственность же понимается как категория, относящаяся к состояниям души, а мораль же относится к внешнему поведению, поступкам человека. Главное различие между ними в том, что мораль всегда предполагает внешний оценивающий объект: социальная мораль – общество, толпу, соседей; религиозная мораль – Бога и др., а нравственность – это внутренний самоконтроль» [15, с. 15].

Отсутствие тождественности между моралью и нравственностью признавал и Г.В. Мальцев, по мнению которого, «нравственность предстает как совокупность всех действующих в обществе нравов, правил, обычаев, традиций и всех видов стандартизированного поведения, как нормативная сторона созданного и поддерживаемого на базе идеологических, социально-ценностных принципов порядка деятельности общества» [1, с. 46-47]. Нравственность выступает интегрирующей сферой для нормативно-регулятивных систем, к которым относятся мораль, право, политика и др., но охватывает их в строго определённом и практическом аспекте через формирование системы общественных нравов, образов действия, типов и установок поведения, привычек, навыков... [1, с. 40].

В.С. Нерсисянц основным отличительным признаком рассматриваемых понятий считал их спектр регулирования в сфере этических отношений, где нравственность выступает внешним, а мораль – внутренним регулятором этих отношений, мотивирующим индивида на участие в социальной жизни [16, с. 287].

Вероятно, что использование в конституционных текстах постсоветских государств разных терминов связано с тесной взаимосвязью и взаимозависимостью этих понятий, т.к. направленные на регулирование социального спектра общественных отношений они органически дополняют и взаимодействуют друг с другом.

Поправки в Базовый закон Российской Федерации 2020 г. на конституционном уровне формализовали глубинный смысл нравственности не только как объекта конституционно-правовой защиты, связанного с институтом ограничения прав и свобод личности, но и как одной из главных фундаментальных ценностей российского общества. Часть 4 ст. 67^{1*} Конституции России установила обязанность российского государства создавать условия, способствующие «всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим».

Сегодня воспитание детей рассматривается как стратегический общенациональный приоритет России [17], т.к. дети – будущее нашей страны, новое поколение российских граждан, нуждающееся в пристальной заботе, защите и охране государства. Нравственные ценности, закладываемые и формируемые в детском и юношеском возрасте, в период первичной социализации личности остаются стабильными и практически неизменяемыми на протяжении всей жизни, поэтому духовно-нравственное развитие подрастающего поколения будет способствовать «предотвращению отчужденности современной молодёжи от культурно-исторического прошлого нашей страны, от потери нравственных идеалов, носителями которых выступали предки» [18, с. 15].

Конституционные нормы государств постсоветского пространства, связанные с определением нравственности как базовой ценности для подрастающего поколения, могут быть разделены на две группы: первые закрепляют обязанность государства способствовать созданию условий для нравственного развития детей и молодежи (ст. 32¹ Конституции Республики Беларусь, ч. 3 ст. 20, ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 47 Конституции Кыргызской Республики); вторые – устанавливают запрет на привлечение детей к деятельности

или работе, которая может представлять угрозу их жизни, здоровью или нравственности (ч. IV ст. 17 Конституции Азербайджанской Республики [19], ч. 3 ст. 32 Конституции Республики Беларусь, ч. 4 ст. 50 Конституция Республики Молдова).

Интересной особенностью Конституции Кыргызстана (ч. 4 ст. 10) является отдельное упоминание о государственной защите подрастающего поколения, предполагающей законодательное ограничение «мероприятий, противоречащих моральным и нравственным ценностям, общественному сознанию народа Кыргызской Республики».

Только в двух рассмотренных конституциях встречается упоминание о конституционной защите «общественной нравственности», связанной с отправлением религиозных обрядов или выражением свободы мысли, совести и религии (ч. III ст. 48 Конституции Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 41 Конституции Республики Армения).

В современном мире одним из важнейших принципов демократического государства является конституционно-правовое регулирование свободы СМИ, при этом, «несмотря на всю полноту гарантируемой свободы, важное значение приобретает ограничение деятельности СМИ в соответствии с устоявшимися требованиями морали» [2, с. 106]. Согласно ч. II ст. 50 Конституции Азербайджана, несмотря на установление запрета на государственную цензуру в средствах массовой информации, существует возможность ограничения этой свободы при условии нарушения «общественного порядка и общественной нравственности».

Мархгейм М.В., исследуя ценности, отраженные в конституционной преамбуле, по ее словам, в «конституционной увертюре», подчеркнула, что преамбула «даже не используя ресурса юридической силы, позволяет понять ценностные подходы, опоры, приоритеты и ориентиры конституционного строительства государства. Они выступают своего рода посланиями во внутрисоциальную и внешнюю среду. Их выявление и осмысление в идеале должно способствовать формированию «ценностной почвы» для обеспечения гражданского мира и согласия, для сотрудничества государств на основе их согласованных добрых волей» [20, с. 73]. Продолжая мысль, дополним – и для интеграционных на нравственной основе целей.

Делая вывод, отметим, что исследованные конституций стран СНГ включают нормы о нравственности как о конституционной ценности, занимающей важное место в государственно-правовой культуре этих государств. Совместное культурное, историческое, политическое и социально-

экономическое прошлое наших стран, обусловили схожие черты в характере конституционных положений о нравственности. Различие основывается на понятийном своеобразии, свойственном суверенным государствам.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М.: Изд-во: СГУ, 2008. 552 с.

2. Фомичев А.А. Конституционно-правовые основы защиты нравственности органами внутренних дел: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Фомичев Андрей Андреевич; [Место защиты: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации]. – М., 2020. 298 с. // URL: https://xn--b1aew.folder_page/021/242/019/Dissertatsiya_A.A._Fomicheva.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.

4. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 ноября 1948 г. // URL: <https://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 02.06.2022).

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Заклучена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1970 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. С. 2143; 2001. № 2. С. 163.

6. Конституция Республики Беларусь // URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 01.06.2022).

7. Конституция Республики Армения/ Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения // URL: <http://www.parliament.am/parliament>. (дата обращения: 01.06.2022).

8. Конституция Республики Казахстан // URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 30.05.2022).

9. Конституция Кыргызской Республики // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru> (дата обращения: 01.06.2022).

10. Конституция Республики Узбекистан // URL: <https://constitution.uz/ru/ clause/index#section2> (дата обращения: 02.06.2022).

11. Конституция Туркменистана // URL: [https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-turkmenistana-\(novaya-redaktsiya\)](https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-turkmenistana-(novaya-redaktsiya)) (дата обращения: 02.06.2022).

12. Конституция Республики Таджикистан / Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан // URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 02.06.2022).

13. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. Лекции. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1908 / Электронный ресурс // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/obchee1/index.htm> (дата обращения: 02.06.2022).

14. Арановский К.В., Шишкина О.Е. О конституционных основаниях запрета негативной предвыборной агитации // Российский юридический журнал. 2009. № 6. С. 43-51.

15. Берсиров Б.М. Нравственность: эволюция понятия и основы вербального поведения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: Философия, история социология, юриспруденция, политология и культурология. 2013. № 3 (124). С. 14-21.

16. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. 592 с.

17. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 23. Ст. 3307.

18. Файзуллин Ф.С. Качественные изменения ценностных ориентаций и ментальности в современной России // Проблемы востоковедения. 2015. № 3(69). С. 12-18.

19. Конституция Азербайджанской Республики // URL: <https://mincom.gov.az/ru/view/pages/13/> (дата обращения: 02.06.2022).

20. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.

Пожарова Любовь Анатольевна
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
(Россия, г. Белгород)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Автор статьи приводит аргументы, доказывающие, что осознание личностью своего субъективного права нередко инициирует ее активное противодействие по отношению к несправедливости и попытку восстановить нарушенные права. По его мнению, имеющийся в современной России существенный разрыв между высоким уровнем развития конституционного права и недостаточными мерами по совершенствованию отраслевого законодательства во многом определяет не только состояние государственных связей, но и состояние защищенности человека и гражданина в обществе.

Ключевые слова: конституция, субъективное право, государство, общество, личность, правовой статус, гарантии, реализация, условия, обеспечение.

«Мы сегодня явно недооцениваем волевое содержание субъективного права, как и другие возможности, вытекающие из волевой трактовки права. Право становится субъективным, когда лицо, используя или применяя управомочивающую норму объективного права, вступает в отношения с другими людьми, преследует определенные интересы. Конструкция субъективного права, как она дана потенциально в управомочивающей норме, в законе, устанавливающем субъективное право, наполняется на стадии правоотношения волевой властью заинтересованного субъекта, благодаря чему абстрактное право становится реальным, требующим от его носителя творческой активности, свободно-волевых усилий» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 350.

Права и свободы личности – это основные, первостепенные, неотчуждаемые ценности, которые государство в своей деятельности призвано привести в сбалансированное взаимодействие с собственными интересами. Уважение к праву, а не страх перед ним, может быть сформировано только в гражд-

данском обществе, основанном на принципах законности, справедливости, взаимной ответственности государства и личности.

Как подчеркивал Г.В. Мальцев, «по форме и по существу, право есть властный феномен, нормативно-регулятивная система, устроенная на принципах власти авторитета» [1, с. 6-7]. Хотя и невозможно игнорировать полностью специфически властную структуру права (а это вполне убедительно доказывается осуществленными им социологическими, антропологическими и нравственными обоснованиями властной природы права), но закрепление в законодательном порядке прав человека означает перевод части надпозитивного права в действующее позитивное право, т.е. создание права прав человека – уникального нормативно-правового комплекса, состоящего из совокупности международных и национальных норм и принципов [2, с. 3].

Право опосредовано сложно организованной системой связей, в которой происходит непрерывное появление все новых аспектов, в связи с чем приоритетный подход заключается в комплексном взгляде на междисциплинарные проблемно-ориентированные формы исследования. Вследствие этого исчезают жесткие разделительные линии в предметно-содержательном представлении прав человека.

Безусловно, следует согласиться что с Г.В. Мальцевым, что «право никогда не бывает всего лишь инструментом в руках государства, оно по сути должно нести некий «высший план» общественного развития, предначертанный правопорядок, по отношению к которому государство и его управление, в свою очередь, выступают в инструментальной роли, т.е. являются средствами его достижения, постоянно корректируемыми по юридическим схемам» [3, с. 29].

Осознание личностью своего субъективного права нередко инициирует противодействие по отношению к несправедливости и попытку восстановить нарушенные права. Именно поэтому история развития общества во многом сопровождается отстаиванием человеком своих прав и свобод. В современной России наблюдается существенный разрыв между уровнем развития правовой науки в целом и уровнем развития отраслевого законодательства в частности, от чего в значительной мере зависит не только состояние государственных связей, но и состояние защищенности человека и гражданина. Несмотря на многие попытки так и не принято на законодательном уровне решение о создании административных судов, в юрисдикции которых оказались бы непременно многочисленные факты нарушений прав личности. Тем более, что конституционные основания для принятия федерального конституционного закона «Об административных судах в Российской Федерации» имеются, так как в соответствии с п. 2 ст. 118 Конституции РФ [4] судебная

власть в нашей стране осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Еще в 2000 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении проект Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации», но затем дальнейшая работа над данным законопроектом была приостановлена и развития так и не получила.

В.Ф. Тарановский усматривал однородность по своей сути субъективного права и правомочий, опираясь на то основание, что само название «субъективное право» предполагает у индивида наличие способности требования осуществления общепризнанных прав, следующих из возможности обратить в свою пользу закрепленный долг третьих лиц перед ним [5, с. 157].

О.С. Иоффе определял субъективное право как средство регулирования поведения граждан, не противоречащего интересам государства [6, с. 64].

М.М. Агарков отождествлял субъективное право с притязанием, рассматривая последнее как предоставляемую лицу возможность привести в действие аппарат государственного принуждения [7, с. 12].

Подвергая критике его позицию, М.А. Гурвич обращал внимание на то обстоятельство, что в упомянутой дефиниции субъективного права отсутствует момент требования, возникновение которого не всегда предполагает нарушение обязанности, поэтому более корректным было бы признать неотъемлемым свойством субъективного права способность быть осуществленным в порядке принуждения [8, с. 142].

С.Н. Братусь предлагал рассматривать субъективное право как обеспеченную законом определенную меру возможного поведения лица и в качестве основы субъективного права называл интерес, утеря которого, по его мнению, может привести к тому, что «субъективное право утратит свое значение и свою ценность» [9, с. 34].

Субъективное право, выступая в качестве аксиологической детерминанты взаимоотношений государства и личности, формирует самооценку гражданина и (одновременно) – оценку ее со стороны общества. В субъективном праве воплощаются представления человека о своих притязаниях и о признанности этих притязаний окружающими – отдельными лицами, социальной группой, обществом в целом, государством. В нем, как в зеркале, экстраполируются представления человека о комплексе своих обязанностей, ибо только через это в полной мере может сложиться представление о ценности себя как субъекте правовых отношений.

Проведенный нами ретроспективный анализ различных представлений ученых о понятии субъективного права позволил нам выделить наиболее часто встречающиеся подходы к исследуемому феномену:

– личность является полноправным субъектом, который может защищать свои права всеми незапрещенными способами, как от посягательств третьих лиц, так и государства, в том числе оспаривая решения и действия последнего);

– общественные отношения, складывающиеся по поводу субъективного права, которые в том или ином объеме являются предметом регулирования уголовного, гражданского, семейного, административного и др. отраслей права при руководящей роли конституционных положений;

– основа правового статуса личности, являющаяся связующим звеном всей системы конституционных прав и свобод человека и гражданина.

По нашему мнению, субъективное право представляет собой конституционно обусловленный и нормативно конкретизированный интегральный принцип правового статуса личности, позволяющий ей находиться под охраной государства в виде законодательных, институциональных и процессуальных гарантий, а также осуществлять формализованную и неформализованную самозащиту в случае посягательства на ее права и свободы.

Социальное государство, к созданию которого стремится Россия, базируется на совершенном, организационно устроенном гражданском обществе, не только юридически развитом с точки зрения позитивного права, но и характеризующимся гуманистической идеологией. основополагающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством достоинства личности как магистральной, стержневой ценности всех существующих правоотношений.

Личность наделяется возможностью выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство реализации данного права и его охраны от посягательств третьих лиц, а также обеспечение уважительного отношения к населению, в том числе, и со своей стороны. Равные возможности в обеспечении реализации прав человека служат показателем соблюдения государством субъективного права личности.

При этом процесс конституционного обеспечения реализации субъективного права включает совокупность норм, способов, средств и процедур, способствующих его воплощению с учетом объективных социально-экономических и политических условий государства и формирующих системную устойчивую мотивационно-правовую аргументацию личности и общества.

Реализация субъективного права предполагает невмешательство госу-

дарства в частные дела, уважение частной жизни лица, служит барьером на пути создания в государстве тотальной регламентации повседневной жизни граждан, запрещающей любое свободомыслие. Исторический опыт свидетельствует, что игнорирование субъективного права очень быстро может привести к ситуации, когда вмешательство в сферу частной жизни станет нормой повседневной деятельности государственного аппарата, повлечет масштабные злоупотребления властью и должностным положением.

В связи с этим субъективное права может проявляться на двух уровнях восприятия: во-первых, осознанно, как приобретенное неотъемлемое свойство, получающее конкретизацию в процессе самореализации (имеет формализацию на всех уровнях), а во-вторых, неосознанно, как универсальное качество человеческой личности, гарантированное государством.

Нарушение или несоблюдение в государстве личных прав и свобод человека и гражданина, в частности, гарантий субъективного права гражданина, его безопасности обуславливает правовую незащищенность населения, подрывает авторитет власти и вселяет неуверенность в возможность государства способствовать поддержанию правопорядка в обществе. В такой ситуации человек перестает ценить и уважать право в силу того, что не видит в нем опору и надежный гарант соблюдения своих прав.

Мы не склонны игнорировать тот факт, что нередко публичные и частные интересы не могут признаваться тождественными. Однако поиск баланса между ними и компромиссных решений, порождающих наименьшие негативные последствия, составляют одну из приоритетных задач конституционного государства. Процессы глобализации постепенно вовлекают в свою орбиту все цивилизованные страны. Именно поэтому концепция конституционных ценностей государства и отдельной личности может служить важным инструментом сохранения национальной идентичности, развития собственного суверенитета и конкурентоспособности и, одновременно, – надежным барьером на пути навязываемых Западом взглядов на общественные институты.

Вместе с тем, следует учитывать, что поступки человека должны соответствовать его субъективному праву. Рассматриваемое в единстве с нормативно-ценностными императивами равенства и справедливости, оно постулирует одинаковую меру свободы и равные условия (гарантии) для свободного развития человека. Одновременно речь идет о равных правовых возможностях людей по использованию социальных благ, взаимосвязи и

эквивалентности прав, обязанностей и ответственности личности и государства.

Кроме того, обеспечение условий для реализации субъективного права предполагает персонифицированный и дифференцированный подход к различным категориям граждан на основе учета юридически значимых объективных обстоятельств в целях обеспечения их равного с другими участия в правоотношениях, в пользовании правами и свободами. Тем самым субъективное право предстает как мера дозволительного поведения, состоящая в возможности самореализации нравственно-правового потенциала личности, обеспеченной со стороны государства гарантиями неприкосновенности от посягательств силой законодательно предусмотренного принуждения.

Список литературы

1. Право и политика современной России / Мальцев Г.В., Лукашева Е.А., Нерсесянц В.С. и др.; НИИ правовой политики и пробл. правоприменения и др. М.: Былина, 1996. 212 с.
2. Глухарева Л.И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: Автореф. ...канд. юрид. наук. М., 2004.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. № 144. 4 июля 2020.
5. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.
6. Иоффе О. С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7.
7. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. Гл.2. 1940.
8. Гурвич М.А. Право на иск. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Гл. 3.
9. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.

Тресков Алексей Павлович
доцент кафедры теории государства и права
юридического факультета ФГБОУ ВО РГУПС,
кандидат юридических наук,
федеральный судья в отставке
(Ростов-на-Дону, Россия)

ПРИНЦИП ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Конституционный принцип языка судопроизводства как один из основополагающих, получил свое отражение уже в первых конституционных проектах, разрабатываемых российскими правоведами и государственными деятелями. В данной статье проводится историческое исследование трансформации принципа языка судопроизводства и делопроизводства в законодательных актах России, а также делается попытка ответить на вопрос, является ли принцип языка судопроизводства ограниченным? Совокупность исследованного материала приводит автора к выводу о юридической невозможности в некоторых судах вести судопроизводство и делопроизводство на государственном языке республики, то есть применять принцип национального языка республики в своей судебной деятельности. Также в статье предлагается подразделить принцип языка судопроизводства на две категории: принцип использования государственного языка Российской Федерации и принцип использования государственного языка республики в составе Российской Федерации. Также предложено провести законодательную унификацию данного базового принципа языка судопроизводства, внося соответствующие изменения в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: конституция, принцип судопроизводства, конституционные принципы, судебная власть, суд, язык судопроизводства, национальный язык республики, государственные языки республик в составе Российской Федерации.

«В поле зрения юристов попадают прежде всего принципы, зафиксированные в конституции, законодательных и иных нормативных правовых актах, названные в них и структурно выделенные в юридических текстах. Сегодня не многие юристы пытаются осмыслить правовой принцип как юридическую норму, до и сам термин «норма-принцип» еще не стал общепотребительным... Многие кодексы и законы включают статьи, в которых закрепляются общие принципы, относящиеся к предмету их регулиро-

вания. *Количество и критерии подбора общих принципов для той или иной отрасли права не является унифицированным и зависит, в конечном счете, от предпочтений законодателя*»: Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 663.

Конституционные принципы, как отмечает М.В. Мархгейм, «сохраняют свою значимость в качестве объекта юридических исследований, выступая основополагающим началом, аксиологическим и легальным мерилom, критерием оценки деятельности (функционирования) публичных органов и в других ипостасях. В конституционно-правовой науке конституционные принципы разрабатываются в сущностном, содержательном, видовом, субъектном, статусном, институциональном, ином преломлении. При этом смысловые нагрузки и ценностные грани конституционных принципов представляются нам практически неисчерпаемыми. В числе таких смыслов и граней – интегральность конституционных принципов, щедро распространяющая свой потенциал на современное общество и государство. Отметим, что одни из них получили прямую конституционную формализацию, другие – обрели статус принципа через толкование Конституционным Судом России, третьи – доктринально возведены в такой ранг» [1, с. 49]. По словам Г.В. Мальцева, «Обычно правовые принципы характеризуют как некую первооснову, исходный пункт или руководящую линию в каком-либо деле» [2, с. 666]. Это в полной мере применимо к конституционному принципу языка судопроизводства. Как один из основополагающих, он получил свое отражение уже в первых конституционных проектах, разрабатываемых российскими правоведами и государственными деятелями.

Принцип языка судопроизводства, гарантируя и обеспечивая права и законные интересы субъектов процессуальных правоотношений, не владеющих языком, на котором осуществляется рассмотрение дела с их участием, одновременно обеспечивает сбалансированность и гармоничность применения процедур правосудия в зависимости от предмета разбирательства по делу и субъективных характеристик личности его участников [3, с. 47].

Так, одним из первых, как мы ранее отмечали [4, 5], стала Конституция Республики Семи Соединенных Островов 1799 г., автором которой стал адмирал Ф.Ф. Ушаков. В оригинале данный документ значится под № 388 и называется «Проект организации управления Республики Ионических островов, разработанный депутатами этих островов» (16-18 мая 1799 г.) или «План о учреждении правления на освобожденных от французов прежде бывших венецианских островах и об установлении во оных порядка», на что указывают и другие авторы [6, с. 381].

В частности? документ закрепил, что «Всякий суд производить на греческом языке, дабы всякий внятно разуместь мог, ибо много обывателей других языков не сведущи» [6, с. 525].

Позднее, в истории конституционного проектирования, но уже возведенные в закон акты, все же не все включали принципы судебной власти. К примеру, в Конституции РСФСР 1918 г. содержалось только положение о судеустройстве и судопроизводстве в качестве вопроса общегосударственного значения, отнесенного к ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (п. «о» ст. 49)¹. Данный подход объясним целевыми установками конституции, не совместимыми с детализацией принципов государственного аппарата.

При этом, несмотря на наличие Главы 7 «О Верховном Суде Союза ССР» Конституции СССР 1924 г., в ней не выявлены принципы его организации и деятельности².

В Конституции (Основном Законе) РСФСР 1925 г. ст. 13 в контексте признания права граждан РСФСР пользоваться родным языком, указала, в том числе, суд, как инстанцию реализации права³.

Что касается Конституции РСФСР 1937 г. (ст.ст. 110-113), то она непосредственно закрепляла принцип государственного языка судопроизводства (язык Союзной или Автономной республики, или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке в ст. 110 Конституции СССР 1936 г.). Логично, что ст. 114 Конституции РСФСР 1937 г. конкретизирован русский язык судопроизводства или же язык автономной республики, автономной области или национального округа.

Последующий принцип выявлен уже в специальных главах 20 «Суд и арбитраж» Конституции СССР 1977 г. и 21 «Судебная система Российской Федерации» Конституции РСФСР 1978 г.: государственный язык судопроизводства в ст. 159 Конституции СССР 1977 г. с конкретизацией языка союзной или автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности. В сравнении с конституциями 1936 г. и 1937 г. указанная формулировка дополнена установле-

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. 7 июля.

³ Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

нием о «языке большинства населения данной местности». В ст. 171 Конституции РСФСР 1978 г. содержится аналогичная норма и по отношению к конституции СССР 1977 г., и по отношению к конституции РСФСР 1937 г. в аспекте уточнения русского языка судопроизводства или же языка республики в составе Российской Федерации, автономной области, автономного округа или языке большинства населения данной местности.

В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 31.10.1924 г. были формализованы лишь единичные принципы. В частности, п. 14 закрепил публичность судебного заседания¹. Кроме того, была установлена публичность объявления судебных приговоров. В п. 15 был отражен принцип языка судопроизводства.

Полноценный закон, консолидировавший установления о судостроительстве в СССР, появился только в 1938 г.² и уже соответствовал нормам Конституции СССР 1936 г. (что было отражено в нормах самого закона). В ст. 5 зафиксированы такие начала осуществления правосудия, в частности ст. 7 указала, что судопроизводство в СССР ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

В 1958 г. были утверждены Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик³. Отметим, что их нормы, формализующие принципы судебной власти носят более конкретный и упорядоченный характер. В нем язык, на котором ведется судопроизводство установлен в ст. 11.

Одновременно с нормами рассмотренного универсального закона был принят Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»⁴, в котором также в ст. 11 установлен язык, на котором ведется судопроизводство.

---

¹ Постановление Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 г. «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

² Закон СССР от 16.08.1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

³ Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 12.

⁴ Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

Стоит отметить, и Закон СССР «О порядке разрешения хозяйственных споров Высшим арбитражным судом СССР»¹ в числе принципов порядка разрешения хозяйственных споров указан в том числе и язык, на котором ведется арбитражное производство (ст. 9).

6 мая 1991 г. был принят Закон «О Конституционном Суде РСФСР»². Уточним, что данный документ включает нормы материального и процессуального права, поэтому искомые нормы-принципы в нем касаются данной судебной инстанции в аспектах организации, судопроизводства, а также статуса судей. В ст. 28, 29 и 30 зафиксированы принципы гласности, устности разбирательства и языка производства.

Переходя к современной нормативно-правовой базе, посвященной принципам судопроизводства, обратим внимание, что отечественная доктрина также отмечает, что важнейшей особенностью правового статуса государственного языка является то обстоятельство, что он устанавливается не просто законом, а непосредственно Конституцией [3].

Исходя из видов судопроизводства, указанных в ст. 118 Конституции РФ (конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного), зафиксируем, что:

– Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», естественно допускает производство в Конституционном Суде РФ только на русском языке³.

– Уголовно-процессуальный кодекс РФ предполагает ведение судопроизводства на русском языке, а также на государственных языках входящих в РФ республик, однако отделяет относительно языка республики Верховный Суд РФ, кассационные, апелляционные суды общей юрисдикции и военные суды, в которых производство по уголовным делам ведется только на русском языке⁴.

– Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации своей ст. 12 предписывает ведение судопроизводства на русском языке, а также на государственных языках входящих в РФ республик только в федеральных судах общей юрисдикции. В данном кодексе нет оговорки о Верховном Суде РФ, кассационных, апелляционных судах общей юрисдикции.

---

¹ Закон СССР от 17.05.1991 г. № 2171-1 «О порядке разрешения хозяйственных споров Высшим арбитражным судом СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 23. Ст. 652.

² Закон РСФСР от 06.05.1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 19. Ст. 621.

³ Ст. 33 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

⁴ Статья 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

– Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации своей ст. 19 позволяет ведение судопроизводства на русском языке, а также на государственных языках входящих в РФ республик. При этом в кодексе есть оговорка о военных судах, в которых гражданское судопроизводство ведется на русском языке, но нет оговорки о Верховном Суде РФ, кассационных, апелляционных судах общей юрисдикции.

– Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях своей ст. 24.2 разрешает ведение судопроизводства на русском языке, а также на государственных языках входящих в РФ республик.

– Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации декларирует возможность ведения судопроизводства только на русском языке, без упоминания Верховного Суда РФ.

В связи с тем, что принцип языка судопроизводства разбросан весьма хаотично без какой-то определенной последовательности в процессуальном законодательстве, полагаем необходимым провести законодательную унификацию данного базового принципа, внося соответствующие изменения в процессуальное законодательство, приведя его формализацию к единому порядку закрепления в законе.

Следующим ключевым нормативно-правовым актом родового характера, на наш взгляд, является Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», который в ст. 10 закрепил, что судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах ведутся на русском языке – государственном языке РФ. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

Судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов РФ ведутся на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

Тезисы о языке судопроизводства содержатся и в специализированных нормативных правовых актах.

Положения вышеназванного Федерального конституционного закона практически дословно повторяются в ст. 18 Закона РФ от 25 октября 1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», с тем только отличием, что этот Закон распространяет их действие на делопроизводство в правоохранительных органах, которое, согласно ч. 2 этой статьи ведется на государственном языке России в правоохранительных органах Российской Феде-

рации или также в правоохранительных органах субъектов Российской Федерации на государственном языке республики, на территории которой находится соответствующий суд или правоохранительный орган.

Кроме того, в силу ст. 3 Федерального закона от 01 июня 2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию, в том числе в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации;

При этом законодатель разграничивает возможность использования языка в судопроизводстве и в делопроизводстве. Наряду с этим, фактически полагаем целесообразным с точки зрения теории права подразделить принцип языка судопроизводства на две категории:

- принцип использования государственного языка Российской Федерации;

- принцип использования государственного языка республики в составе Российской Федерации.

На основе проанализированных нормативных правовых актов очевиден вывод о юридической невозможности в кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах вести судопроизводство и делопроизводство на государственном языке республики в составе Российской Федерации

На сегодняшний день в Российской Федерации 85 субъектов, 22 из них имеют статус республик, которые в силу ч. 2 ст. 68 Конституции Российской Федерации вправе устанавливать свои государственные языки. Данная возможность была реализована всеми республиками в составе Российской Федерации, за исключением Республики Карелия.

В работе, реализованной Д.Х. Валеевым, А.Г. Нуриевым, Р.В. Шакирьяновым в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Татарстан № 18-411-160004 р_а, проведено исследование практических и доктринальных проблем применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства. В частности, выявлено на основании результатов опроса верховных судов 21 субъекта РФ, что практическое применение государственного языка субъекта Российской Федерации в сфере судопроизводства имеет место на территории трех субъектов: в Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия [7].

Так, за период с 2010 по 2018 г. Верховным Судом Республики Татарстан в 2013 г. на татарском языке рассмотрено одно гражданское дело по апелляционной жалобе с составлением апелляционного определения на татарском языке. Согласно сведениям, предоставленным районными (городскими) судами в Республике Татарстан в период с 2010 по 2018 г., татарский язык применялся в судопроизводстве при рассмотрении 117 гражданских дел. По указанным делам на татарском языке принято 117 итоговых решений по существу заявленных требований.

Судами также за указанный период татарский язык применялся при рассмотрении 15 уголовных дел, которые завершились вынесением судебных актов на татарском языке. Кроме того, Вахитовским районным судом г. Казани рассмотрено три дела об административном правонарушении с вынесением постановления на татарском языке [5, с. 20].

Таким образом, очевидно, что хоть и не повсеместно, но принцип практического применения государственного языка субъекта Российской Федерации имеет место быть и используется в судопроизводственной практике, в связи с чем расширение использования принципа национального языка судопроизводства является релевантной темой и подлежит развитию в процессуальном законодательстве.

Наряду с этим возникают обоснованные вопросы законодательного замысла указанной выше юридической конструкции, связанной с невозможностью в кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах вести судопроизводство и делопроизводство на государственном языке республики.

Если правовая природа невозможности использования принципа государственного языка республики в Конституционном и Верховном судах Российской Федерации, военных судах, а также кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции, может быть юридически обоснована (для них прописанной юридической причиной является их территориальность – все они не находятся на территории ни одной из 22 республик, на которых предусмотрена возможность установления своего государственного языка; исключительной особенностью здесь обладают военные суды, принцип образования которых основан на экстерриториальном характере – их формирование обусловлено местом дислокации соответствующих воинских формирований и частей, а не границами субъекта Российской Федерации), то главный вопрос заключается в том, какова юридическая причина невозможности использования принципа государственного языка республики в арбитражных судах, на территории которой находится соответствующий суд? Ведь

юридически оформленных и задекларированных причин, по сравнению с другими судами, законодательство не содержит.

Также, на наш взгляд, стоит поставить вопрос и о некоторых судах общей юрисдикции. В частности, как именно подлежит рассмотрению дело в кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции, в которых принцип государственного языка республики не может быть применен, если оно поступило из нижестоящего суда республики, который его рассматривал по первой инстанции (вел судопроизводство и делопроизводство) на государственном языке республики? Как давать оценку различным доказательствам по делу? Как исследовать, например, в случае необходимости аудиозапись протокола судебного заседания или письменные доказательства по делу, выполненные на языке республики? Данные обстоятельства, конечно, требуют детального регламентирования в процессуальном законодательстве. В этой связи небесмысленным представляется введение в процессуальные кодексы главы «Особенности судопроизводства по делам, рассмотренным на государственном языке республики РФ».

Безусловно, общим предохраняющим фактором при любых обстоятельствах следует считать норму, закрепленную в п. 3 ст. 18 Закона РФ от 25 октября 1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», в соответствии с которой лица, участвующие в деле и не владеющие языком, на котором ведутся судопроизводство и делопроизводство в судах ... вправе выступать и давать объяснения на родном языке или на любом свободно избранном ими языке общения, а также пользоваться услугами переводчика. В этом смысле развитие принципа состязательности и диспозитивности процесса заключается в том, что именно стороны должны самостоятельно распоряжаться своими процессуальными правами и принимать все меры, необходимые для отстаивания своей позиции в суде. Участники процесса своими действиями направляют ход процесса и защищают свои права [8].

Указанная норма закона (Закон РФ от 25 октября 1991 № 1807-1), по существу, позволяет судам предоставлять право пользоваться услугами переводчика без применения принципа судопроизводства на государственном языке республики РФ, позволяя делать выбор в пользу более простого процессуального порядка ведения процесса, который обеспечивается участием переводчика, в то время как из очевидных трудностей ведения процесса на языке республики, это: незнание государственного языка субъекта Российской Федерации как самими судьями, так и сотрудниками аппарата суда, отсутствие единой юридической терминологии на государственном языке

субъекта Российской Федерации, отсутствие официальных переводов нормативных правовых актов (кодексов, законов и т.д.). А также, это возможное нарушение реализации базовых прав на равный доступ к правосудию (Принцип доступности правосудия в общем плане предполагает создание организационных, институциональных и нормативно-правовых условий, обеспечивающих реальную возможность не только обращения в суд, но и квалифицированного рассмотрения и разрешения соответствующего дела, а также эффективное восстановление нарушенных прав на основе вступившего в законную силу судебного акта. На это указывает и О.В. Брежнев, говоря о том, что данный принцип обуславливает отсутствие правовых и фактических препятствий для использования заинтересованными лицами ресурсов судебной власти) [9] и права на судопроизводство в разумный срок.

Таким образом, можно констатировать, что конституционный принцип языка судопроизводства является ограниченным, поскольку его применение ограничено – он носит суженный характер своего применения, поскольку отличается от других принципов судопроизводства невозможностью его использования повсеместно – то есть абсолютно на всех без исключения стадиях судебного процесса и во всех судебных инстанциях в отличие от всех других принципов судебной власти: законности, независимости, неприкосновенности, несменяемости судей, состязательности и равноправия сторон и т.д. В этой связи принцип языка судопроизводства можно наделить атрибутом исключительности.

Подытоживая, отметим, что поскольку все же данный вопрос ранее не получил подробного освещения в научных публикациях, постольку его юридическое обоснование по-прежнему релевантно, в связи с чем полагаем возможным в дальнейшем продолжить изучение данного правового аспекта закрепления конституционных принципов судопроизводства.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Конституционные принципы как интегральный фактор современного российского общества и государства // В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. С. 49-51.

2. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. 800 с.

3. Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. 2005. № 4.

4. Тресков А.П. Принципы судебной власти в России в конституционном проекте Ф.Ф. Ушакова 1799 г. / Российская юстиция. 2019. № 9.

5. Тресков А. П. Конституционная формализация принципов судебной власти: отечественный и зарубежный опыт : монография. – Москва: Юр-ВАК, 2019. 151 с.

6. Станиславская А.М. Адмирал Ф.Ф. Ушаков и Ионическая Конституция 1799 года // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. Сборник Статей памяти академика В.М. Хвостова. – М.: «Наука», 1976.

7. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3.

8. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2018. № 10; 2019. № 12.

9. Брежнев О.В. Принцип доступности конституционного правосудия: содержание и гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5.

Гелуненко Валерия Вадимовна

ассистент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

Рогиз Иван Владимирович

студент юридического института НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЕКТОРЫ ОБНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В данной статье авторами производится анализ специфики формирования новых и обновления уже существующих конституционных принципов и институтов в современном конституционном праве России. В частности, акцент сделан на особенностях обновления таких институтов как депутатство и пр. Что касается формирования новых, то особый интерес ав-

торов вызвал вопрос создания конституционного института коллизионного права.

Ключевые слова: конституционное право, конституционные институты, функционирование конституционных институтов.

«Многим институтам, присущ так называемый эмерджентный характер. Результат почти никогда не бывает таким, каким его предусматривали; в нем всегда есть неожиданное, что вызывает приятное или неприятное удивление. Нельзя сказать, что юридические институты совершенно лишены эмерджентных качеств, в известной мере естественных для институциональной сферы, но «юридический разум» активно протестует, когда образ и форма нового института отличаются от того, что предполагали, ожидали, проектировали» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 407).

Актуальность темы работы обусловлена тем, что на сегодняшний день в Российской Федерации существует довольно большое количество конституционно-правовых институтов, которые постоянно обновляются и преобразуются. Более того, такие преобразования, а также возникновение новых конституционно-правовых институтов – это прямое отражение протекающих в обществе политических и социально-экономических процессов. Следовательно, изучение специфики формирования новых и обновления функционирующих конституционных институтов – это способ исследования современного правового состояния нашего государства, а также перспектив его развития в будущем.

Конституционно-правовые институты, несмотря на относительную статичность и будучи закрепленными в Конституции Российской Федерации, на самом деле постоянно преобразовываются. Обусловлено это постоянными процессами совершенствования законодательства, в рамках которого законодатель стремится как можно более обстоятельно урегулировать все аспекты реализации тех или иных норм в сфере конкретной жизнедеятельности. Как совершенно верно отмечает Е.С. Аничкин, эти преобразования могут идти по двум основным направлениям: формирование новых конституционно-правовых институтов и обновление уже функционирующих конституционно-правовых институтов [1, с. 25].

Итак, если мы говорим об обновлении уже функционирующих институтов, то этот процесс происходит повсеместно. Как совершенно верно утверждает Т.А. Занко, во многом это обусловлено тем, что действующая Конституция в достаточно общей формулировке закрепляет статус тех или

иных институтов, что дает законодателям «широкий простор для творчества» [2, с. 10]. Так поправочный процесс подновил некоторые конституционные институты. Одни из них нам давно известны - институт Государственного Совета, другие давно ждали своего конституционного часа - институт публичной власти; институт сенаторов Российской Федерации; институт соотечественников, институт гражданства, третьи формализуют признанный факт - институт правопреемства и континуитета в связке Россия – СССР, четвертые – нешуточно интригуют (институт федеральных территорий) [3, с. 32].

Также считаем необходимым привести в качестве примера институт депутатства в Государственной Думе. Конституция закрепляет лишь общие положения, касающиеся статуса такого лица, а вот определение системы выборов депутатов остается за пределами ее внимания, и этот вопрос разрешается на уровне федерального законодательства. Это влечет за собой ситуацию, когда лидирующая партия может «диктовать» условия выборов в депутаты, не учитывая мнения остальных членов Государственной Думы, что, естественно, влечет за собой дисбаланс расстановки сил и приоритетов. К сожалению, такая ситуация наблюдается не только в рамках рассматриваемого института. Таким образом, обновления конституционно-правовых институтов происходят постоянно, но далеко не всегда они носят положительный характер.

Если говорить о формировании новых институтов, то всегда считалось, что конституционное право – это одна из наиболее стабильных отраслей права, в рамках которой придумать и внедрить что-то новое невозможно, однако это далеко не так. Вот уже не первый год учеными обсуждается вопрос относительно введения нового конституционно-правового института – института коллизионного права, о котором впервые заговорил известный ученый конституционалист Ю.А. Тихомиров [4, с. 364]. Как обращает внимание ученый, главной задачей института коллизионного права должно стать то, что его нормы, основанные на нормах конституции, должны регулировать «общественные отношения, связанные с юридическими коллизиями в правовой системе». Это необходимо для устранения противоречий в механизме управления, а также устранения последствий системных нарушений.

В рамках этого института целесообразно не только определить совокупность его норм, но и определить принципы, на которых он будет базироваться. Вряд ли в данном контексте речь может идти об изобретении новых принципов – скорее об адаптации уже существующих (законность, справедливость и пр.) к нуждам нового института. Кроме того

И.А. Стародубцева считает необходимым предусмотреть и так называемые конституционные презумпции, как предположения, вытекающие из конституционных норм [5, с. 5].

На основании вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы:

Сфера конституционно-правового регулирования общественной жизни постоянно преобразуется и обновляется. Во многом это связано с довольно «общим» характером построения Конституции Российской Федерации, который позволяет законодателю на федеральном уровне постоянно вносить правки в нормативные правовые акты, регламентирующие порядок функционирования тех или иных конституционно-правовых институтов. Отметим, что эти преобразования могут носить как положительный, так и отрицательный характер, в зависимости от целей, которые преследует законодатель. При этом нельзя говорить о том, что такие преобразования необходимо прекратить, так как действующее законодательство РФ характеризуется наличием большого количества пробелов и противоречий в сфере правового регулирования, которые необходимо устранять, тем самым постоянно обновляя соответствующие институты.

Что касается формирования новых конституционно-правовых институтов, то наиболее перспективным остается вопрос создания в Российской Федерации института коллизионного законодательства. Главной задачей института коллизионного права должно стать то, что его нормы, основанные на нормах конституции, должны регулировать «общественные отношения, связанные с юридическими коллизиями в правовой системе». Это необходимо для устранения противоречий в механизме управления, а также устранения последствий системных нарушений.

Список литературы

1. Аничкин Е.С. Закономерности развития российского конституционного права в постсоветское время // Право и политика. 2020. № 4. С. 24-28.
2. Занко Т.А. Конституционные поправки 2020: влияние на федеральную исполнительную власть // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 8-16.
3. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7. С. 29-32.
4. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право и отклонения в правовой сфере / Ю.А. Тихомиров // Право и политика. 2013. № 3. С. 363-367.

5. Стародубцева И.А. Влияние Конституции Российской Федерации на развитие конституционно-правовых институтов и формирование коллизионного права // Право и политика. 2017. № 1. С. 3-5.

Артыков Джафар Зафаржонович

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Республика Таджикистан)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

АМНИСТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВАРИАНТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье на основе научных и правовых источников дана характеристика амнистии как конституционно-правовой формы реализации Российским государством принципа гуманизма, названы виды амнистии, осуществлена иллюстрация на примере амнистии капиталов (легализация средств). Сделан вывод, что не только одна – уголовная – амнистия, но и амнистия капиталов относится к таким государственно-правовым явлениям, которые целесообразно разрабатывать с позиции субъективного права.

Ключевые слова: конституция, гуманизм, права и свободы человека, амнистия, амнистия капиталов.

«Полезной дефиницией можно считать ту, которая, будучи составной частью нормативного материала, активно участвует в правовом регулировании общественных отношений. Дефиниции описательны (дескриптивны), они описывают предмет, процесс, привязываясь к некоторым точкам – структурным элементам, функциям, свойствам, внутренним связям и внешним отношениям, достаточным для идентификации данного предмета. В самой дефиниции нет никакого веления (императива), она ничего не требует, но лишь сообщает нам нечто главное о предмете» : Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 711-712.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В ст. 21 Конституции Российской Федерации по сути, но не лексически, закреплён принцип гуманизма через положения о том, что: достоинство личности охраняется государством; ничто не может служить основанием для его ущемления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, иному жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию и др. В силу статуса указанных конституционных норм им должны соответствовать иные нормы национальных актов.

Отсюда следует, что конституционный принцип гуманизма раскрывает одну из важнейших ценностных характеристик права. В этой связи приведем слова Г.В. Мальцева, что «До недавнего времени наша юридическая наука старалась не замечать действия юридических принципов, которые по каким-либо причинам не нашли прямого закрепления в нормативных правовых актах. Считалось, что они утратили живую связь с действующей правовой системой, представляют интерес в качестве «правового фольклора», афоризмов и пословиц с юридическим содержанием» [1, с. 681].

Воспринимая амнистию как акт гуманизма, приведем слова Н. В. Витрука, что «В акте об амнистии реализуются гуманистические задачи, а сама амнистия является актом милости, исходя, прежде всего из веры в добро и справедливость» [2, с. 340].

Напомним, что амнистия (от греческого *amnestia* – забвение, прощение) – это «полное или частичное освобождение от уголовной ответственности или наказания индивидуально неопределенного круга лиц, совершивших преступления, либо замена этим лицам назначенного судом наказания более мягким, либо сокращение срока наказания. С лиц, отбывших наказание, актом об А. может быть снята судимость» [3, с. 21-22].

В Российской Федерации согласно п. «ж» ч. 1 ст. 103 ее Конституции и ст. 84 Уголовного кодекса Государственная Дума, руководствуясь, помимо прочего, принципом гуманизма, уполномочена объявлять амнистию. Подчеркнем, что данное полномочие является дискреционной прерогативой данной палаты парламента. Она по своему усмотрению принимает решение о данной форме реализации принципа гуманизма.

Амнистия как конституционно предусмотренное полномочие, адресованное соответствующему публичному органу (как правило, парламенту или его палате), традиционно понимается как легальный иницируемый им спо-

соб полного или частичного освобождения лица, преступившего закон, от уголовной ответственности или смягчения ее [4, с. 43].

Высказывая свою позицию, И. Г. Баранникова обоснованно полагает, что «основой института амнистии являются конституционно-правовые нормы, которые характеризуют амнистию как акт государственной власти, заключающий в себе такие принципы государственности как милосердие и гуманизм» [5, с.70-73].

П. И. Люблинский в свое время определил амнистию в качестве правового института и сформулировал следующее: «...амнистия есть акт, посредством которого власть запрещает начинать или продолжать какие-либо преследования или приводить в исполнение обвинительные приговоры по отношению к нескольким лицам, специально указанным по ряду учиненного ими деяния» [6, с. 39].

Конституционное установление амнистии с последующей конкретизацией в нормах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права уже дает основания характеризовать данный институт в качестве межотраслевого. К реализации акта об амнистии призвана подключаться и прокуратура [7]. Вдобавок к этому мы все чаще слышим то про «дачную», «налоговую», «коммунальную», «гаражную», «миграционную» амнистию, то про амнистию капиталов. Конечно, перечисленное не есть легализованные варианты наименования амнистии, но это не отменяет реальных целеобусловленных решений и действий соответствующих публичных органов государства, проявляющего себя как «милостивое». Одновременно расширение «амнистийных акций» указывает на масштаб несовершенства правовых и правоприменительных механизмов, не способных в обычном режиме обеспечить состояние законности в стране.

В иллюстративных целях обратим внимание на амнистию капиталов. Несмотря на наименование, амнистия капиталов также обращена к человеку и является по отношению к нему «милостью», «прощением», «актом гуманизма» во вполне оправданных и полезных для государства целях.

Говоря об «амнистии капиталов», чаще всего имеют в виду «легализацию средств», которые ранее были получены не вполне законно или вовсе не законно.

В толковом словаре «амнистия капиталов» определена «как правовой акт, относящийся к определенным лицам, которые совершили правонарушение в рамках налогового законодательства и которые в дальнейшем будут освобождены от применения к ним наказаний при условии, что они в назна-

ченный срок обнарудут свои денежные потоки за рубеж и оплатят в бюджет своей родины все обязательственные налоговые выплаты в полном объеме» [8].

Как пишет И. В. Галимова, амнистия капиталов или же легализация средств – это публицистический термин, применяемый в СМИ в отношении денежных средств, которые были нажиты нечестным или не совсем честным путем» [9, с. 84].

По мнению И. Н. Соловьева, «амнистия капитала предусматривает, в первую очередь, легализацию средств, о которых ранее не предоставлялась информация, посредством декларирования резидентами государства, которые также не подлежали налогообложению и (или) которые были вывезены с территории своего зарождения» [10, с. 11].

В Российской Федерации было принято четыре закона об «амнистии капиталов»/«легализации денежных средств», которые, в частности, были направлены на ранее вывезенные активы, сбережения, счета и т.д.

В 2014 году в своем послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации предложил «провести полную амнистию капиталов, возвращающихся в Россию. Именно полную!» [11]. Во исполнение был принят Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140 «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов в банках».

В первый период амнистии капиталов (08 июня – 31 декабря 2015 г.) в России гражданам предлагалось декларировать свои активы и счета в банках. Так как оказалось подано всего около 200 деклараций¹, амнистия капиталов была продлена до 30 июня 2016 г. В этот период по данным газеты «Ведомости» было подано около 2500 заявлений², и в итоге 7,2 тыс. человек приняли участие в данном процессе³. В первом периоде амнистии капиталов достаточно было задекларировать свои активы и счета за рубежом (без уплаты налога и перевода).

Второй период амнистии капиталов (01 марта 2018 г. – 28 февраля 2019 г.) в России позволил задекларировать закрытые счета в банках.

Третий период амнистии капиталов (01 июня 2019 – 29 февраля 2020 г.) был применен для тех, кто перевел свой бизнес в Россию. Нужно отметить, что участники данной амнистии освобождались от уплаты налога с доходов в течение года.

---

¹ <https://cyclowiki.org/wiki>

² <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/06/30/647368-amnistiya-dlya-menshinstva>

³ Капитал не будет сидеть. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 20.02.2018).

В рамках трех периодов амнистии капиталов граждане могли предоставить декларацию о счетах в зарубежных банках и декларация об имуществе, а в обмен государство освободило граждан от налоговой (от всех налоговых правонарушений), уголовной (от крупных и особо крупных специальных, таможенных и др. пошлин) и административной (нарушение валютного законодательства Российской Федерации, непредставлении сведений о налогах) ответственности.

Четвертый длящийся период амнистии капиталов (14 марта 2022 – 28 февраля 2023 г.) предполагает, что «предприниматели получают возможность задекларировать наличные, а вместо ценных бумаг в законе появится определение «финансовые активы», что позволит легализовать не только акции и облигации, но и, например, фьючерсные контракты, опционы и другие финансовые инструменты»¹.

Как заявил министр финансов А. Силуанов, «новый этап амнистии капиталов будет более масштабным, чем те, которые проходили в 2015, 2017 и 2019 годах»².

Амнистия капиталов, таким образом, демонстрирует обоюдную заинтересованность и государства, и общества.

Российское государство заинтересовано в применении амнистии капиталов для исключения незаконных капиталов из тени, чтобы в дальнейшем не было никаких препятствий для развития государства. В то же время государство стимулирует гражданина, чтобы он смог легализовать активы, имущество, счета и т.д. и использовать их для благих целей.

Следовательно, для достижения поставленной цели необходимо осуществить масштабную предварительную работу в различных сферах. В противном случае данная амнистия приведет лишь к освобождению и легализации капиталов лиц, которые совершили тяжкие правонарушения. Более того, обратной стороной такой «милости» выступает риск «расхолаживания» граждан, добросовестно реализующих свои конституционные обязанности. Актами налоговой, коммунальной, миграционной, гаражной амнистии, а также амнистии капиталов можно и надоумить гражданина усмотренчески отнестись к выполнению таких обязанностей. Следовательно, во всем ценна мера.

---

¹ <https://amp.rbc.ru/источник/>

² <https://amp.rbc.ru/источник/>

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности, 2- изд., М. : Норма, 2009.
3. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 1998. 790 с.
4. Мархгейм М.В., Артыков Д.З. Амнистия: конституционно-правовой опыт реализации в России и Таджикистане // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5(144). С. 43-49.
5. Баранникова И.Г. Амнистия как институт конституционного права Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 70-73.
6. Люблинский, П.И. Право амнистии: Историко-догматическое и политическое исследование П.И. Люблинского. – [СПб.]: Сенатская тип., 1907. 363 с.
7. Артыков Д.З. Прокуратура как ревнитель осуществления акта об амнистии // 300 лет прокуратуре России: история и современность: сборник материалов круглого стола в Белгородском государственном национальном исследовательском университете / под ред. Е.Е. Тонкова, В.Ю. Туралина. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 104-107.
8. Россик Е. Я., Ключев Ф. Н. Толковый словарь экономических и юридических терминов и понятий. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 160 с.
9. Галимова И.В. Проблемы вывоза капитала из России // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир. VI Международная научно-практическая конференция. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 83-86.
10. Соловьев И. Н. Механизмы амнистирования в сфере экономики и налогообложения (налоговая амнистия). – М.: Проспект, 2014. 184 с.
11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (от 04.12.2014 г. б/н О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443/page/1>

Белоусов Николай Васильевич

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

Аннотация. В статье представлены результаты ретроспективного анализа отечественного законодательства советского периода на предмет легализации в нем многообразия интересов социальных субъектов.

Ключевые слова: интерес, интересы граждан, интересы физических лиц, интересы юридических лиц, интересы помощи голодающим.

«В самом деле, правовые отношения, субъективные права и юридические обязанности являются категориями, которые обозначают крупные правовые институты, действующие там, где сходятся, пересекаются, перекрывают друг друга два уровня регулирования жизненно важных процессов: регулирование посредством интересов (потребностей, стремлений, намерений и т.п.) и посредством юридической нормы» : Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 353.

Интерес обоснованно является юридической категорией, которой оперируют различные отрасли не только права [1, с. 56-60; 2, с. 82-89; 3, с. 516-523; 4, с. 92-98], но и законодательства.

Так, в современном российском законодательстве упоминаются интересы различных субъектов, которые при необходимости могут быть сгруппированы в зависимости от необходимого критерия. Это национальные ин-

тересы¹, интересы ребенка²/ детей³/ несовершеннолетних⁴, интересы вкладчиков и кредиторов⁵.

Законные интересы употребляются, например, применительно к работникам профессиональных союзов⁶, инвесторам⁷, концессионерам⁸, физическим лицам⁹, группам лиц¹⁰, коренным малочисленным народам¹¹. В сопряжении с последним отметим, что «В обновленном тексте Конституции Российской Федерации появились дополнительные нормы, в формулировках которых содержатся слова «национальный» (в соответствующем падеже и числе) применительно к интересам (п. «ж» ст. 83) и его однокоренной «сородич» «многонациональный» применительно к союзу «равноправных народов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 68) и к народу, «уникальным наследием» которого является культура в Российской Федерации (ч. 4 ст. 68)» [5, с. 54].

Полагаем важным отметить, что «Конституционализация национальных интересов в рамках полномочий главы Российского государства пред-

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (ред. от 22.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // Российская газета. 2015, 11 марта.

⁵ Закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 30.12.2020) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁷ Федеральный закон от 05.03.1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (ред. от 01.04.2020 г.) // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163.

⁸ Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

⁹ См.: федеральные законы от 03.07.2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях"» (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4163; от 02.04.2014 г. № 39-ФЗ «О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя» (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1531 и др.

¹⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // Российская газета. 2007, 27 июля.

ставляется не только вполне логичной в силу конституционной прерогативы Президента Российской Федерации определять основные направления внутренней и внешней политики государства (ч. 3 ст. 80), но и весьма востребованной в условиях современных вызовов и рисков.

Полагаем, в ретроспективном аспекте целесообразно рассмотреть советский период легализации категории интересов применительно к социальным субъектам.

Итак, хронологически первыми укажем интересы помощи голодающим, которые были закреплены Декретом от 21 сентября 1922 г.¹ В нем предусматривался ряд мер в пользу интересов помощи голодающим. Например, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совет Народных Комиссаров постановили: «1. Передать Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете все имеющиеся в государственных органах РСФСР запасы по филателии, ..., в необходимом количестве и предоставить исключительное право для реализации их в пользу голодающих и на улучшение жизни детей...

2. Установить специальный сбор в пользу голодающих и на улучшение жизни детей при заграничном обмене коллекционерами филателистического материала (в единичных экземплярах) стоимостью не свыше 500 р. золотом по каталогу в размере от 100 до 1000 р. денежными знаками образца 1922 года и др.»².

Интересы граждан отражались в связи, к примеру, с упорядочением засвидетельствования копии с документа, касающегося личных прав и интересов гражданина.

Так, предписывалось, что «государственным учреждением, предприятием и общественной организацией может выдаваться по просьбе заинтересованного лица засвидетельствованная копия лишь с того касающегося личных прав и интересов гражданина документа, который исходит от данного учреждения, предприятия или организации (п. 1).

В п. 2 данного же нормативного акта отмечалось, что «засвидетельствование копии с документа, находящегося на руках у гражданина, производится только при предъявлении подлинника документа, а засвидетельствование копии с документа, касающегося личных прав и интересов граж-

---

¹ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 21.09.1922 г. «Об использовании филателистического материала в интересах помощи голодающим» // СУ РСФСР. 1922. № 61. Ст. 774.

² СУ РСФСР. 1922. № 61. Ст. 774.

данина, производится государственной нотариальной конторой или нотариальным столом»¹.

Постановление ЦИК СССР № 99, СНК СССР № 898 от 3 июня 1937 г. в 1966 г. было частично изменено и снова касалось интересов граждан: «в населенных пунктах, где нет государственных нотариальных контор, засвидетельствование верности копии документа, касающегося личных прав и интересов гражданина, производится исполкомами местных Советов депутатов трудящихся (сельского, поселкового, районного, городского), кроме копий документов об окончании высших и средних специальных учебных заведений и средних школ»².

В 1985 г. категория интересов граждан была дополнена характеристикой законных. Объективно, что данная категория заявлена в рамках отчета Генерального прокурора СССР о деятельности прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан³. Вместе с тем, в тексте самого документа категория законных интересов граждан не встречается, хотя появляются интересы общества и государства.

Констатировано, что органы прокуратуры ... усилили борьбу с нарушениями законов, ... другими посягательствами на интересы общества и государства.

В порядке рекомендации «Генеральному прокурору СССР и коллегии Прокуратуры Союза ССР поручено обеспечивать систематическое информирование прокурорами Советов народных депутатов, трудовых коллективов о состоянии законности и принимаемых мерах по укреплению правопорядка, охране интересов общества и прав граждан»⁴.

В сочетании интересы граждан и коллективных субъектов были формализованы рядом нормативных правовых актов. Например, в п. 1 Постановления Совета Министров СССР от 26 июня 1990 г. № 602 признавалось «целесообразным участие в работе Совета Министров СССР руководителей

---

¹ Постановление ЦИК СССР № 99, СНК СССР № 898 от 03.06.1937 г. «Об упорядочении засвидетельствования копии с документа, касающегося личных прав и интересов гражданина» // СЗ СССР. 1937. № 37. Ст. 149.

² Постановление Совмина СССР от 19.03.1966 г. № 213 «О частичном изменении порядка засвидетельствования верности копий документов, касающихся личных прав и интересов граждан» // СП СССР. 1966. № 6. Ст. 65.

³ Постановление ВС СССР от 03.07.1985 г. «По отчету Генерального прокурора СССР о деятельности Прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан» // Ведомости ВС СССР. 1985. № 27. Ст. 480.

⁴ Ведомости ВС СССР. 1985. № 27. Ст. 480.

ассоциаций, союзов и иных общесоюзных общественных организаций, выражающих интересы граждан и трудовых коллективов в сфере хозяйственной деятельности»¹.

Интересы частных физических и юридических лиц в советский период были закреплены в связи с возмещением расходов государственным учреждениям, состоящим на общесоюзном бюджете, по выполнению ими в интересах частных физических и юридических лиц таких работ (услуг, действий и т.п.), бесплатное производство которых не возложено на эти учреждения. По соглашению с Народным Комиссариатом Финансов Союза ССР могли устанавливаться особые сборы, взимаемые по утвержденным в том же порядке таксам². Аналогичный порядок был утвержден и в российском государстве³.

В числе интересов коллективных социальных субъектов в нормативных правовых актах употреблялись интересы кооперации инвалидов. Так, в Циркуляре ВЦИК от 10 октября 1931 г. констатировалось, что «по поступающим в Президиум ВЦИК сведениям за последнее время на местах наблюдаются многочисленные случаи недопустимого нарушения прав и интересов кооперации инвалидов»⁴.

Подводя итоги осуществленного ретроспективного анализа нормативных правовых актов советского периода, уточним, что категория интересов социальных субъектов была легализована именно в рамках самостоятельных, посвященных им нормативных правовых актах, хотя и отсутствовало их законодательное закрепление.

В видовом аспекте следует отметить ограниченность интересами граждан и физических лиц. Специальная разновидность касается интересов помощи голодающим.

---

¹ Постановление Совмина СССР от 26.06.1990 № 602 «Об участии в работе Совета Министров СССР общесоюзных общественных организаций, представляющих интересы граждан и трудовых коллективов в сфере хозяйственной деятельности» (с изм. от 24.11.1990 г.) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 01.04.2022 г.).

² Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 26.11.1927 г. «О предоставлении народным комиссариатам Союза ССР права устанавливать и взимать особые сборы в возмещение расходов по выполнению работ в интересах частных физических и юридических лиц» // СЗ СССР. 1927. № 67. Ст. 681.

³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 13.03.1928 г. «О предоставлении народным комиссариатам Р.С.Ф.С.Р. и автономных республик права устанавливать и взимать особые сборы в возмещение расходов по выполнению работ в интересах частных физических и юридических лиц» // СУ РСФСР. 1928. № 33. Ст. 242.

⁴ Циркуляр ВЦИК от 10.10.1931 г. «О принятии мер к прекращению нарушений прав и интересов кооперации инвалидов» // СУ РСФСР. 1931. № 62. Ст. 450.

Среди коллективных субъектов установлены интересы юридических лиц и кооперации инвалидов.

В более поздний период на уровне отчета Генерального прокурора СССР легализованы интересы общества и государства, несмотря на заявленные законные интересы граждан.

Список литературы

1. Белоусов Н.В., Мархгейм М.В. Формализация интересов властных субъектов в конституциях стран Восточной Европы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 9 (136). С. 56-60.

2. Белоусов Н.В. Интересы социальных субъектов в конституциях американских государств // *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право.* 2022. 47 (1). С. 82-89.

3. Белоусов Н.В. Конституционная формализация интересов социальных субъектов в странах СНГ // *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право.* 2021. 46 (3). С. 516-523.

4. Белоусов Н.В. Легализация интересов: отечественный конституционный опыт // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 11-12 ноября 2021 г.). Белгород, 2021. С. 92-98.

5. Мархгейм М.В. Право на национальность в фабуле конституционных поправок и национальных интересов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 8 (135). С. 54-56.

Бойченко Елена Михайловна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

РЕЗОНЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению основополагающих начал возникновения конституционной власти как в России, так и во всем мире. Рассмотрена власть как социально-правовое явление, отмечены ее основные характеристики, далее, как подвид ее исследован институт публичной (государственной) власти. Отмечается самостоятельная конституционная ценность публичной власти, которая рассматривается в аспекте базового элемента народовластия, способного и созданного для обеспечения реализации интересов общества. Рассматривается конституционно-правовой смысл власти, которой придается значение и роль главного механизма управления государством и обществом, власти как таковой придается исключительно публичный характер.

Ключевые слова: конституция, власть, публичная власть, государственная власть, конституционализм, поправки к Конституции Российской Федерации.

«Ставить вопросы, решение которых дано в нормативных правовых актах, в зависимости от свободного усмотрения, презумпций и приоритетов по выбору государственных органов и должностных лиц – значит открыть путь к возможным антиконституционным и противозаконным действиям. Так выглядят сегодня многие акции, отвечающие курсу на сокращение и приватизацию государственных функций, ограничение вмешательства государства в экономику и т.д. При наличии подобных «трендов» очень важно не угодить в анархию...» : Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 495.

В любой общности людей с устойчивыми признаками всегда присутствовала власть, человек с самого рождения вступает во властные отношения. Ее предназначение в поддержании порядка в обществе для чего используются различные управленческие механизмы в виде властного авторитета, прав и обязанностей, ограничительных мер в виде принуждения и наказания. Разберем феномен власти. Власть в самом общем ее понимании представляет собой имеющую организационную структуру волю и силу властных субъектов, направленная на людей, при этом не имеет значения отношение людей к указанной власти [1]. Другое определение власти в ее социальном значении еще давно дал известный немецкий социолог, согласно которому «власть – это возможность или способность одного индивида либо целой группы влиять на других помимо их воли и желания» [2]. То есть, мы можем проследить принудительный характер власти, ее многогранность, которая заключается в требовании подчиняться субъекту под угрозой применения санкции; ограничения степени свободы, а также навязывании определённого порядка, даже несмотря на наличие сопротивления со стороны отдельных членов общества. Одно ясно, власть – это форма взаимоотношений в обществе между несколькими субъектами. При этом стоит отметить, что феномен власти берет свое начало еще с древних времен, так Аристотель отмечал значимость власти, утверждая, что она необходима для организации общества и заключается в подчинении нескольких участников единой воле [3]. Словарь Даля определяет власть как «право, силу, и волю над чем, свобода действий, начальствование, управление» [4]. Рассмотрев различные характеристики власти, можно заключить, что она возникает при необходимости согласованности действий определённой общности людей для достижения единых целей. При этом всегда происходит разобщение общества на властвующих и подвластных, господствующих и подчиненных. Соответствующие отношения подчинения возникают по нескольким причинам, во-первых, для достижения общих целей, во-вторых, убеждение выполнить отдельные распоряжения на основе авторитета, в-третьих, по причине страха за возможное претерпевание негативных последствий. Власть в общем социальном значении включает в себя публичную власть, то есть отношения, посредством которых реализуются общезначимые публичные интересы общества. Публичная власть, согласно устоявшемуся мнению в юридической литературе, есть государственная власть. Признаки публичной власти можно определить следующим образом:

- наличие управленческого аппарата, занимающее главенствующее положение над обществом в структуру которого входят органы различных ветвей государственной власти, а также иные органы, обеспечивающие госу-

дарственно-властную деятельность, в виде выполнения координационных, аналитических, информационных и иных функций, направленных на выполнение задач государственной власти;

- осуществляется путем специальных средств и методов, к примеру, используя религию, авторитет, пропаганду;

- распространяется по принципу территориальности – отсюда наличие федеральной, региональной, местной власти, к примеру, согласно нормам Конституции РФ, Россия, являясь федеративным государством, обладает единой системой власти, в которую включены как федеральные государственные органы, так органы субъектов;

- имеет поддержку от правоохранительных органов;

- реализуется на основе правовых норм и действует в их исполнение.

Субъекты публичной (государственной) власти имеют юридические права и обязанности, которые регулируются существующими в государстве законами, а также нормами международного права.

- публичная (государственная власть) легальна, то есть существует правомерно, получена законным путем;

- публичная (государственная) власть легитимна, то есть соответствует положительным ожиданиям граждан о власти. Указанные ожидания обусловлены в первую очередь степенью удовлетворенности различными сферами жизни общества. Следствием легитимности является авторитет государства перед обществом;

- обладает суверенностью и верховенством в обществе;

- принадлежит государству, которое в своем лице представляет все общество. Одновременно с этим, принадлежность того или иного члена общества определяется через отношения гражданства;

- публичная власть выступает средством достижения взаимного соглашения в обществе, так, к примеру, многие западные демократические либеральные партии создавали основу для взаимных уступок и двухстороннего обеспечения интересов противоположных сторон [4].

Если рассматривать историю развития различных государств со времен древности до настоящих дней всегда существовали конституции, в связи с их распространением появилась правовая категория «конституционализм». В литературе по поводу содержания данного понятия мнения были не однозначны, одни полагали, что это учение о конституции, другие придавали ему значение определенного круга общественных отношений, закрепленных в основном законе государства. Предполагается ошибочным позиция отнесения «конституционализма» лишь к характеристике конституций, в связи с наличием огромного числа разновидностей данного понятия в зависимости

от множества политических устройств государств. Смысл конституционализма можно проследить на примере первых конституций, созданных в Англии, Франции и США, которые содержали в себе нормы и принципы, на основе которых существовал режим правления указанных стран, конституции выступали в качестве основополагающего законодательного акта, в котором содержались важнейшие институты, регулирующие различные сферы деятельности общества. Другое значение конституционализма заключается в том, что у государства в руках находятся все властные полномочия, соответственно государство наделено правомочиями осуществлять властную деятельность, в связи с чем конституция устанавливает властные полномочия государства, распределяет их между звеньями властной структуры. «Конституция» имеет древние корни, со временем меняя свои черты под влиянием различных референдумов и собраний, однако раньше, чем конституции возникли государства. Конституция призвана выполнять основные три задачи: во-первых, закрепить систему государственных органов с указанием компетенции каждого из них, во-вторых, определить правовой статус граждан, в-третьих, обозначить взаимоотношения между государством и гражданами, что составляет характеристику политического режима государства.

В США с 18 века действует верховный закон – Конституция. Указанный документ принят в 1787 году и содержит в себе нормы, регулирующие правовое устройство государства, при этом за все время ее существования внесено лишь 27 поправок. Для граждан США Конституция не только важнейший нормативно-правовой акт, но и некий символ, большинство из них досконально знают положения Конституции. В положениях Конституции США закреплены нормы о разделении власти и принципе федерализма, согласно указанным положениям три ветви власти имеют различные источники формирования, носителем исполнительной власти является президент, носителем судебной власти является Верховный суд, все три ветви власти согласно рассматриваемого документа независимы и взаимосвязаны между собой. Функционал трех ветвей в Конституции США подробно не расписан, но их функции вытекают из их названия. Конституция США построена на принципе федерализма, разграничивая полномочия между федеральными органами и органами субъектов, предоставляя отдельную компетенцию штатам. В частности, к ведению федеральных органов власти относятся вопросы торговли как внутри государства, так и с иностранными государствами, чеканки монет, учреждения судов, объявления войн и прочие наиболее значимые вопросы государственного значения, остальные полномочия, не указанные в Конституции, закрепляются за ведением штатов. Согласно положениям Конституции США «Полномочия, которые не делегированы Соединен-

ным Штатам данной Конституцией и пользование которыми не запрещено ею отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом», к примеру штатам запрещено вступать в различного рода союзы, выпускать деньги, заключать международные договоры. Несмотря на такое разделение существуют проблемы, связанные с трудностью разграничения регулирования тех или иных правовых институтов. В Конституции США закреплён принцип верховенства федерального закона по отношению к законам штатов [5].

Согласно Конституции Российской Федерации «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» из этих норм следует, что народ не только обладает властью, но и также принимает участие в ее осуществлении. В 2020 году в Конституцию России введены поправки, согласно которым впервые в данном нормативно-правовом акте появилась категория «публичная власть», до этого в Конституции указывались общие понятия, такие как «власть», «власть народа», «государственная власть в Российской Федерации и прочее. Также добавлены дополнительные гарантии сохранения и воспроизводства публичной власти, отсутствие такового вполне может привести к полному реформированию новой властью всей системы публичной власти, что произошло с развалом СССР. Поправкой в Конституцию Российской Федерации отмечена преемственность Российской Федерации по отношению к прошлому Российского государства, что означает направленность публичной власти в России на сохранение самобытного исторического пути [6]. Вторым важным моментом является закреплённая в Конституции «единая система публичной власти», согласно которой все сферы публичной власти действуют на основе единых общих принципов в целях достижения общих задач. Таким образом, власть местного самоуправления полноправно встает на нижнюю ступень публичной власти, теряя ранее ей присущую власть самоуправления. Также стоит отметить в качестве важного аспекта в плане обеспечения успешного функционирования публичной власти тот момент, что согласно положениям Конституции глава государства возглавляет все ветви публичной власти, так, положения ст. 80 Конституции Российской Федерации гласят: «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». Таким образом, ныне существующая в Конституции Российской Федерации правовая категория публичной власти рассматривается как власть, исходящая от народа и в конституционно-правовом порядке наделенная им правом на осуществление

полномочий от своего имени, единую систему которой составляют органы государственной власти, субъектов и органов местного самоуправления. Специфика конституционно-правовых отношений в публичных правоотношениях, в государстве созидающем [7], заключается в особых основаниях их возникновения, в их содержании, механизме, составе субъектов, их особом правовом регулировании, то есть данным отношениям отдается большая часть правовой регламентации, также в качестве специфики можно отметить, что конституционно-публичные правоотношения выступают основой для всех отраслей законодательства, и, наконец, конституционные публичные правоотношения в наибольшей степени подвержены воздействию норм международного законодательства [8].

Полагаем значимым упомянуть, что еще до внесения поправок в Конституцию России 2020 г. профессор М.В. Мархгейм отмечала, что «принято различать государственные органы и органы государственной власти, сопоставляя их как целое (общее) и часть (частное) по проверочному правилу «каждый орган государственной власти есть государственный орган, но не каждый государственный орган является органом государственной власти». Принципиальное отличие последнего состоит в обладании им государственно-властными полномочиями, направленными за пределы собственной организации в форме нормативного правового акта» [9, с. 59]. Конституционные поправки позволили ей сделать уточнение, что «В конституционно-правовой доктрине институт публичной власти ordinarily пользуется для обозначения совокупности органов, представляющих все ее уровни (в России это федеральный, субъектный, муниципальный) и функциональные ветви (традиционно это законодательная, исполнительная, судебная). В развитие этого уточним, что, если к данной совокупности прибавить и те структуры, которые не имеют властных полномочий, то получим институт публичных органов» [10, с. 30].

Подведя итог, можно заключить, что власть в общем социальном смысле имеет важнейшее значение для согласованности и организации действий определенной общности людей для достижения единых целей, существование власти в различных ее проявлениях с древнейших времен говорит о ее необходимости для нормального функционирования общества, обеспечения порядка. Публичная власть, как ее крупнейший вид, представляет из себя, во-первых, общественную власть, во-вторых, осуществляется от имени населения государством и наделенными полномочиями органами местного самоуправления. Значение, смысл и основания конституционно-публичной власти как таковой определяется содержанием ее функций, направленных на воспроизводство самой публичной власти, обеспечения государственной

национальной безопасности, поддержанием всех сфер жизни населения. Без конституционно-публичной власти невозможно функционирование существующих в государстве важнейших институтов, реализация гражданами своих прав и свобод. Посредством данной власти происходит взаимодействие государства и граждан, которое заключается в том, что государство, имея возможность ограничивать права и свободы населения с применением различных карательных мер, одновременно, способствует их реализации, гарантируя достойный уровень жизни, тем самым обеспечивает собственный авторитет в глазах населения.

Список литературы

1. Староверова, Е. В. Истоки и типы власти // Молодой ученый. 2009. № 11 (11). С. 178-180. – URL: <https://moluch.ru/archive/11/698/> (дата обращения: 6.05.2022).
2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
3. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. – Москва, 1984. Т. 4. – 549 с.
4. Кушхова Б.З. Публичная власть: субъектный состав и культура / Юридические науки. 2015. № 1 (14). С. 84-88.
5. Петрова Е.А. Конституционные основы правовой системы США // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 182-186.
6. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
7. Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. – Москва, 2016, Сер. Теория и история государства и права. – 416 с.
8. Мокина Т.В. Конституционно-правовые отношения как отдельный вид публичных правоотношений // Общество и право. 2010. № 5. С. 58-60.
9. Мархгейм М.В. Органы государства: конституционные версии властного сопряжения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 1 (169). С. 58-62.
10. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29-32.

Гаврилина Татьяна Александровна,
начальник учебно-методического управления
Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Стерлитамак, Россия)

Научный руководитель:
Стус Нина Владимировна,
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, связанные с конституционными гарантиями права на высшее образование применительно к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Уделено внимание и аспекту злоупотребления правом со стороны указанных категорий детей.

Ключевые слова: конституция, права человека, право на высшее образование, конституционные гарантии, дети-сироты, оставшиеся без попечения родителей дети.

«Полное согласие с несовершенством существующего порядка вещей остановило бы прогрессивное движение общества, означало бы его застой, а потом и регресс. Кто говорит о том, что законодатель должен быть стратегом и прогнозистом, мудрым и прозорливым творцом новых форм жизни, обычно сталкивается со скептическими настроениями: мол, посмотрите на современных законодателей, многие ли из них могут стать таковыми? Но то, что присутствует в жизни, актуально, зримо представлено в ней, не есть конец развития; в принципе, все можно изменить и исправить, была бы добрая воля людей, необходимые силы и средства» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 750.

Конституционно артикулированная ценность, касающаяся ответственности «за свою Родину пред нынешним и будущими поколениями», ассоциируется в первую очередь с ответственностью за детей. По словам М.В. Мархгейм, «государство, в том числе на конституционном уровне, может обозначать и истинные ценности государственного строительства и осуществлять формализацию наносных, сиюминутных и сомнительных ценностей, вероятно, в каких-либо целях. В градации последних ценность выступает устойчивым критерием» [1, с.72].

Под особой охраной находятся нормы Конституции Российской Федерации¹, устанавливающие права детей во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. В том числе Конвенция о правах ребенка² указывает на то, что дети, относятся к одной из незащищенных социальных групп общества, в связи с чем, им должно уделяться особое внимание, как самостоятельным субъектам права.

Конвенция своей ст. 3 предписывает, что во всех действиях в отношении детей, предпринимаемых учреждениями различной организационно-правовой формы, в сфере социального обеспечения, а также органами государственной власти, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребёнка. При этом государство обязуется обеспечить ребёнку защиту и заботу, посредством принятия соответствующих законодательных и административных мер.

Особого внимания заслуживают дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в связи с тем, что они находятся в тяжелой жизненной ситуации.

«Вся будущая жизнь выпускника учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, зависит от социальной реабилитации таких подростков и прежде всего от полученного образования как залога высокооплачиваемой работы (или хотя бы такой, на которую можно достойно существовать) в будущем. Именно поэтому одной из основных гарантий со стороны государства для обездоленных детей является право на образование» [2].

Государство обязано оказать всестороннюю поддержку для нормальной жизнедеятельности указанной категории лиц. Такая поддержка, в част-

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) // СПС «КонсультантПлюс» // Опубликовано 04.07.2020 на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

ности, проявляется в предоставлении детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, гарантий на получение высшего образования.

Данные гарантии закреплены в Конституции России: ч. 1 ст. 39 гарантирует право на социальное обеспечение; ч. 1 ст. 43 закрепляет право каждого на получение образования.

Следует отметить, что право на образование выступает в определенных законом случаях социальной гарантией и мерой социального обеспечения.

Гарантии на получение образования детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, раскрываются в ст. 6 «Дополнительные гарантии на образование» Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее по тексту – Федеральный закон № 159).

Правом на дополнительные меры социальной поддержки обладают дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте от 18 до 23 лет (далее по тексту – дети-сироты и приравненные к ним категории или дети-сироты).

Федеральный закон № 159 содержит общие принципы, содержание и меры социальной поддержки детей-сирот и приравненных к ним категорий, в частности предусмотрел дополнительные гарантии права на образование, такие как: «право на обучение на подготовительных отделениях образовательных организаций высшего образования за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, право на зачисление на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации в пределах установленной квоты в порядке, установленном законодательством».

Интересной представляется позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительно содержания права на получение высшего образования детьми-сиротами, изложенная в его Определении от 8 декабря 2011 г. № 1696-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Исламовой Янии Ильдаровны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 1 и пункта 3 статьи 6 Федерального закона "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей"». В данном акте Конституционный Суд РФ указывает на то, что «закрепляя право на образование – право на бесплатное получение высшего образования на конкурсной основе, ч. 3 ст. 43 Конститу-

ции РФ непосредственно определяет систему обеспечения реализации этого права только в государственных или муниципальных образовательных учреждениях (части 1 и 3). Таким образом, нормы Конституции РФ ограничивают право на получение бесплатного высшего образования в частных образовательных организациях».

Реализация конституционного права на образование в негосударственных образовательных организациях, прямо не гарантирована Конституцией России, но она вытекает из положений ст. 43 по взаимосвязи с ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35. Следовательно, каждому предоставляется свобода выбора формы получения высшего образования, образовательной организации, направления подготовки, специальности и пр. (п. 7 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Указанным законом (далее по тексту – Федеральный закон № 273) установлено, что в нашем государстве гарантируется бесплатность высшего образования в случае получения гражданином образования указанного уровня впервые (ч. 3 ст. 5).

В случае полного освоения лицом образовательной программы высшего образования с получением диплома, лицо не вправе воспользоваться правом на получение второго высшего образования за счет средств соответствующего бюджета, за исключением обстоятельств, предусмотренных ч. 22 ст. 83 Федерального закона № 273.

Следовательно, лицо, в случае поступления на обучение по образовательной программе высшего образования за счет бюджетных ассигнований по каким-либо обстоятельствам не сможет освоить программу и будет отчислено из образовательной организации, не теряет своего права на получение бесплатного высшего образования.

Федеральный закон № 273-ФЗ своей ч. 5 ст. 71 закрепляет право детей-сирот и приравненных к ним категориям на прием на обучение по программам бакалавриата и специалитета за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, но в пределах установленной квоты. В силу ст. 1 Федерального закона № 159 данным правом дети-сироты могут воспользоваться до достижения ими возраста 23 лет. Рассматриваемое право является гарантией того, что дети-сироты, например, в случае набора невысоких баллов ЕГЭ, смогут получить высшее образование бесплатно

Помимо закрепления за детьми-сиротами указанных прав, законодательно установлены права детей-сирот на материальное обеспечение в период обучения в образовательной организации по очной форме обучения и за счет средств соответствующего бюджета. Например, к числу таких прав от-

носятся: право на получение государственной социальной стипендии, право на полное государственное обеспечение до завершения обучения по указанным образовательным программам; право на выплату пособия на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей и пр.

Анализ законодательства показал, что перечень прав и гарантий, связанных с получением высшего образования детьми-сиротами и приравненных к ним категорий, является внушительным.

Однако на практике, зачастую, дети-сироты используют предоставленные им права и гарантии не с целью получения высшего образования.

Поступив в рамках особой квоты на обучение по программе высшего образования на места, финансируемые из средств соответствующего бюджета, невзирая на то, приступили они к обучению или нет, дети-сироты получают следующую материальную поддержку:

выплаты «ежегодного пособия на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей в размере 3-месячной государственной социальной стипендии»¹;

«обеспечение бесплатным питанием, бесплатным комплектом одежды, обуви и мягким инвентарем детей», как правило, выплачивается в виде денежной компенсации, размер которой определяется организацией, осуществляющей образовательную деятельность, в порядке, установленном нормативным актом Правительства РФ²;

---

¹ Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2017 г. № 1116 «Об утверждении Правил выплаты ежегодного пособия на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лицам, потерявшим в период обучения обоих родителей или единственного родителя, обучающимся по очной форме обучения по основным профессиональным образовательным программам за счет средств федерального бюджета» // Российская газета. – 28.09.2017. – № 218.

² Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2017 № 1117 «Об утверждении норм и Правил обеспечения за счет средств федерального бюджета бесплатным питанием, бесплатным комплектом одежды, обуви и мягким инвентарем детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя, обучающихся по очной форме обучения по основным профессиональным образовательным программам за счет средств федерального бюджета, а также норм и Правил обеспечения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа, в которых они обучались и воспитывались за счет средств федерального бюджета, выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, обучавшихся по очной форме обучения по основным профессиональным образовательным программам за счет средств федерального бюджета, – детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или един-

государственную социальную стипендию;

«обеспечение бесплатным проездом на городском, пригородном транспорте, в сельской местности на внутрирайонном транспорте (кроме такси), а также бесплатным проездом один раз в год к месту жительства и обратно к месту учебы»¹ и т.д.

В каждом субъекте Российской Федерации и образовательной организации размер указанных выплат будет отличаться, но в целом государство обеспечивает детей-сирот материальными средствами, достаточными для обеспечения их нормальной жизнедеятельности.

Однако на практике имеют место неединичные случаи, когда дети-сироты, поступив в образовательную организацию, не приступают к обучению, теряют связь с образовательной организацией, при этом получая все меры государственной поддержки. Образовательная организация вправе отчислить такое лицо только через год с момента образования у него академических задолженностей (ч.ч. 5, 11 ст. 58 Федерального закона № 273). Тем самым за практически полтора года лица из числа детей-сирот, фактически не осваивающие образовательную программу, получают внушительный объем денежных средств, в виде пособий, стипендии и компенсаций.

Законодательство в рамках юридических процессуальных форм [3] не содержит ограничений, связанных с возможностью повторного поступления в вузы детей-сирот, в рамках особой квоты на обучение по программам высшего образования до достижения ими 23 лет.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что имеет место злоупотребление правом. Ведь зачастую, лица из числа детей-сирот не планирующие осваивать образовательную программу, занимают место другого лица, которому необходимо получение образования для осуществления трудовой деятельности и обеспечения себя и своей семьи средствами к существованию. Как следствие наносится ущерб и бюджетам соответствующих уровней, т.к. государство, будучи «созидающим» [4], субъект или муниципалитет выделяют денежные средства образовательным организациям на финансирование на обучение таких лиц.

Необходимо на законодательном уровне продумать «мягкие» механизмы, способствующие стимулированию детей-сирот к использованию своих конституционных прав в сфере образования – к реальному получению

ственного родителя, за счет средств организаций, в которых они обучались и воспитывались, бесплатным комплектом одежды, обуви, мягким инвентарем и оборудованием» (ред. от 28.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 25.09.2017. № 39. Ст. 5698.

¹ Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2017 № 1117 «Об утверждении норм и Правил обеспечения за счет средств федерального бюджета бесплатным питанием...».

высшего образования, которое является социальным капиталом, способствующим социализации, достижению жизненных целей детьми-сиротами и приравненные к ним категории.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.

2. Гармаш А., Косихин Д. Гарантия на образование детям-сиротам // эж-ЮРИСТ. – февраль 2012 г. – № 6 // ИПС «Гарант» (дата обращения: 16.03.2022).

3. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // Revista Inclusiones. – 2019. – Т. 6, № S2-5. – С. 402-409.

4. Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. – Москва, 2016, Сер. Теория и история государства и права. – 416 с.

Гриневич Кристина Валерьевна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ», доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ КАК СУБЪЕКТ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: Одной из задач государственной антикоррупционной политики является создание такого законодательства, которое бы в совершенстве своем препятствовало и не допускало включения в него норм коррупционной направленности. Обеспечение этой задачи достигается путем внедрения института антикоррупционной экспертизы в правовую сферу. В статье

рассматриваются наиболее проблемные аспекты проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, в частности надзорным органом – прокуратурой Российской Федерации, в рамках противодействия коррупции. Кроме того, в статье показаны механизмы взаимодействия органов прокуратуры с иными субъектами антикоррупционной экспертизы, их организационно-правовая составляющая. Особое внимание обращено на вопросы отграничения экспертизы, проводимой органами прокуратуры от иных видов экспертиз.

Ключевые слова: коррупция, органы прокуратуры, антикоррупционная экспертиза, требование прокурора, коррупционные риски, субъекты антикоррупционной экспертизы.

«Должный порядок вещей, на который нацелено право, представляет собой сознательно сконструированное положение дел, рукотворную ситуацию... Правовые требования к определенному порядку опираются на предположение, что он может быть создан, изменен или отменен действиями субъектов права, которые основаны отчасти на прямых либо косвенных указаниях закона, отчасти на свободном усмотрении субъектов, чьими действиями устраивается порядок» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 556.

Одним из механизмов создания «должного порядка вещей» выступает экспертиза вообще, антикоррупционная в частности. В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» одним из субъектов проведения антикоррупционной экспертизы выступают органы прокуратуры¹. При этом органам прокуратуры отводится особая роль по урегулированию вопросов, возникающих на уровне антикоррупционного законодательства, и, в отличие от иных субъектов антикоррупционной деятельности предмет ведения их компетенции носит обязательный характер.

Так, в соответствии со ст. 9.1 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2201-1ФЗ «О прокуратуре» органы прокуратуры наделены правом участия в производстве антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов как федерального, так регионального и местного уровней, посредством внесения соответствующих требований об устранении коррупциогенных факторов в

---

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

таких нормативных правовых актах при их обнаружении. Кроме того, в отличие от иных субъектов антикоррупционной экспертизы органы прокуратуры в случаях и порядке предусмотренных процессуальным законодательством¹, вправе обращаться с таким требованием в судебные органы. При получении требования прокурора орган, принявший данный нормативный правовой акт обязан рассмотреть такое требование в десятидневный срок с обязательным уведомлением прокурора о результатах такого рассмотрения.

Ведомственными актами Генеральной прокуратуры Российской Федерации закрепляется порядок действия прокурора в случаях отклонения его требований об устранении факторов коррупционной направленности. Однако, стоит обратить внимание, что и требование прокурора, впрочем, как и его протест не имеют в своем содержании обязательных мотивов, а значит о подобии данных актов судебным решениям говорить не представляется возможным. С одной стороны, считаем это упущением, а с другой, полагаем, что в этой связи так называемого авторитета органов прокуратуры оказывается достаточно для поднадзорных им органов и по этой причине вопросов обязательности их исполнения априори не возникает. В случае же, если поднадзорным органом все же будет выдвинуто несогласие с требованием прокурора, тогда последний вправе обратиться в суд с соответствующим иском, оспаривающим правовой акт из требования прокурора.

Требования прокурора должны содержать конкретные способы устранения выявленных коррупционных факторов законодательства, например, посредством внесения соответствующих изменений в данный нормативный правовой акт или же его полной или частичной отмены (части норм), а также разработки или принятия иного нормативного правового акта или нормы.

При этом следует отметить, что помимо права органов прокуратуры на проведение собственной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, им также предоставлено право проводить проверку исполнения законодательства об антикоррупционной экспертизе другими субъектами [1, с. 494].

Правовое регулирование деятельности прокуратуры в сфере антикоррупционного законодательства осуществляется:

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов», в котором определены порядок участия органов прокуратуры при проведении антикоррупционной экспертизы

---

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

нормативных правовых актов, а также порядок принятия мер по устранению выявленных коррупциогенных факторов¹;

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 21 октября 2011 г. № 363 «Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы» в которой содержится установленная законодателем форма заключения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов²;

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 27 июля 2012 г. № 146 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации»³, устанавливающим порядок и требования, предъявляемые к экспертам, изъявившим получить право на проведение независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов путем прохождения процедуры государственной аккредитации.

При этом компетенция органов прокуратуры на проведение независимой антикоррупционной экспертизы достаточно сужена, и выделена по принципу наиболее значимых для государства и общества категорий дел. В частности, проведение экспертизы нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина; вопросы государственной и муниципальной службы; вопросы бюджетного, налогового, таможенного и пр. законодательств, а также вопросы предоставления социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности и т.д.

---

¹ Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 № 400 // Текст приказа официально опубликован не был; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.04.2022 г.).

² Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы: Приказ Минюста России от 21.10.2011 г. № 363 // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

³ Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации: Приказ Минюста РФ от 27 июля 2012 г. № 146 // Российская газета. 2012. № 197.

Еще одним предметом ведения прокурора является надзор за исполнением антикоррупционного законодательства, в частности проведение такими органами ведомственной антикоррупционной экспертизы. Однако, как показал анализ деятельности региональных органов, так называемая ведомственная антикоррупционная экспертиза проводится по факту достаточно редко, при чем как на первоначальном этапе – при разработке проектов нормативных правовых актов, так и на последующих – при осуществлении мониторинга применения нормативных правовых актов, перекладывая тем самым бремя проведения «ведомственной» экспертизы на органы прокуратуры, что, на наш взгляд, является не совсем правильным с точки зрения правотворческого процесса.

Вместе с тем, в связи с этим нельзя не отметить положительную судебную практику, сложившуюся по искам прокуроров о признании бездействия таких органов власти незаконным, возложении обязанности провести антикоррупционную экспертизу. Об этом, в частности, говорят в своей работе В.Н. Южаков и А.А. Ефремов. Они указывают, что по России состоялось 1 970 таких решений (45,4 %), свидетельствующих о массовом неисполнении антикоррупционного законодательства органами местного самоуправления [2, с. 14].

Таким образом, представляется, что необходимость проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами прокуратуры в таком ключе есть не что иное как навязанная им законодателем опция, перекладывание обязанностей одних субъектов антикоррупционной деятельности на других, проявляя тем самым свою пассивность к законотворческому процессу в целом. Как полагаем, в этом по большей части и проявляется тенденция так называемой особенности российской правовой системы, заключающейся в первую очередь в незрелости институтов представительства и общественного контроля, и, как следствие неэффективность антикоррупционных механизмов, возрастающая роль коррупции на государственном уровне.

Неэффективность принимаемых органами прокуратуры мер по отношению к поднадзорным им субъектам обусловлена прежде всего рядом следующих факторов.

Во-первых, механизм применения требования прокурора в отношении выявленных им коррупционных факторов, полностью копирует закрепленное в Федеральном законе от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных

правовых актов» предписание о порядке прокурорского опротестования. При этом на законодательном уровне не содержится четких разъяснений, а стоит ли считать данные действия прокурора, частью выполняемой в пределах его компетенции поднадзорной функции? Как полагаем нет, в этой связи считаем, что таким образом необходимо четко и детально урегулировать направление такой прокурорской деятельности, исключив таким образом положения ч.ч. 2 и 3 ст. 9.1 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2201-1ФЗ «О прокуратуре» в части выполнения им надзорной функции и закрепив их в рамках отдельной нормы, определяющей конкретно «Требования прокурора».

Во-вторых, вызывает достаточно серьезные сомнения критерий обязательности исполнения требований прокурора, о которых было ранее упомянуто. В этой связи антикоррупционное законодательство выступает неким антиподом законодательству «О прокуратуре РФ», в соответствии с которым по сути из его содержания следует, что требования прокурора должны быть исполнены обязательно и в строго установленный срок, однако, как ранее было сказано требование прокурора, не имеют в своем содержании обязательных мотивов, а значит о подобии данных актов судебным решениям говорить не представляется возможным, и, как следствие – неисполнение, и вполне возможное снижение авторитета органов прокуратуры таким образом.

И, в-третьих, вопросы практического применения вызывает норма, согласно которой требования прокурора о наличии в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов подлежат обязательному рассмотрению на ближайшем заседании органа, издавшего акт. По факту данная норма является ничем иным как фикция, поскольку зачастую такие заседания откладываются намеренно, а в последствии и вовсе не проводятся, а сам нормативный правовой акт, продолжает действовать и провоцировать коррупционные проявления со стороны его правоприменителей [3, с. 158]. Полагаем, устранение данной фикции становится возможным лишь при самостоятельном назначении прокурором даты такого заседания с недопущением возможности его отмены или перенесения на неопределенный срок.

Устранение данных пробелов позволит существенно повысить авторитетность органов прокуратуры, а также разграничит и внесет ясность в отдельные их надзорные функции, и, как следствие, положительно скажется на институте антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в целом, позволит четко обозначить функции и пределы компетенций, ответственности каждого из ее субъектов.

Список литературы

1. Бондарева Т.Г. Прокуратура как субъект проведения антикоррупционной экспертизы нормативно правовых актов (проектов) // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2021. № 1. С. 491-496.
2. Бородина О.А. Усольцев С.А. Организационные основы осуществления прокуратурой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, взаимодействия с иными субъектами ее проведения // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2019. № 17. С. 13-15.
3. Мелекаев Р.К. Антикоррупционная экспертиза законодательства органами прокуратуры как средство повышения законности и правопорядка в современной России // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 156-161.

Дегтярев Сергей Николаевич

преподаватель кафедры гражданского процесса и
международного права юридического факультета
Кубанского государственного университета
(Краснодар, Россия)

ЗАЩИТА БРАКА УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (период с 2012 г. по 2021 г.) на предмет отражения в них вклада государственного омбудсмана в защиту брака.

Ключевые слова: права человека, уполномоченный по правам человека, брак, ежегодный доклад.

«К числу юридических норм неординарного действия можно отнести те, которые рассчитаны на результаты непрерывной, целенаправленной деятельности субъекта права. Регулятивный эффект нормы связывается здесь не с упорядочением отдельной ситуации, единичного поступка или комплекса неоднократно воспроизводимых действий, а с упорядоченной практикой в той или иной области юридических отношений, взятой как нечто целостное» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 617.

В Российской Федерации статус одного из специальных правозащитных институтов – Уполномоченного по правам человека легализован Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», а в дефинитивном аспекте уделено внимание Конституционным Судом Российской Федерации, установившем в своем Определении от 21 декабря 2004 г. № 437-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3 статьи 20 Федерального конституционного закона "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации"» Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации как «конституционный орган, учрежденный в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. При этом он не уполномочен на вынесение государственно-властных решений, его деятельность не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод. По результатам рассмотрения поступающих на его имя жалоб Уполномоченный составляет заключения, содержащие рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления нарушенных прав и свобод граждан, обращается с заявлениями, ходатайствами, жалобами к соответствующим органам и должностным лицам для принятия этих мер. Он вправе отказать в принятии жалобы к рассмотрению, однако такой отказ должен быть мотивирован».

Приведенную прикладную характеристику справедливо дополняют доктринальные изыскания. Так, по мнению, В.В. Тамбовцева, «Уполномоченный по правам человека, выполняя предоставленный ему законодательный мандат по осуществлению государственной защиты прав человека, действует параллельно и наряду с органами правосудия и прокуратуры, институтами гражданского общества, а не вместо них, не подменяя, а дополняя предоставленные им правовые средства защиты этих субъективных прав. Он располагает как собственной сферой служебных полномочий, значительно расширяющих возможности не только правовой, но и гуманитарной, пропагандистской и законодательной защиты прав человека, так и присущими только ему формами и методами своей профессиональной деятельности» [1].

Мархгейм М.В. и Новикова А.Е. обращают внимание на то, что «современному этапу развития института Уполномоченного по правам человека в России имманентно не только взаимодействие, которое законодательно вменено, но также участие в отношениях конституционного партнерства с

органами государственной власти и институтами гражданского общества» [2, с. 88].

Прикладным информационным источником о деятельности российского омбудсмана является его ежегодный доклад, который направляется Президенту Российской Федерации, российскому парламенту, Правительству Российской Федерации, высшим судебным инстанциям, Генеральному прокурору Российской Федерации и Председателю Следственного комитета Российской Федерации.

В докладе содержатся «детальные статистические сведения о количестве и тематике обращений граждан; данные о проведенных в отчетном периоде мероприятиях, направленных на защиту прав и свобод граждан; выработанные предложения и рекомендации, направленные на устранение обстоятельств, влекущих нарушения прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 8-10].

Для выяснения вклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в защиту брака автором на этот предмет проанализированы ежегодные доклады общедоверительного омбудсмана в период с 2012 по 2020 гг. Установлено, что упоминание о заявленной правозащитной деятельности состоялось в докладах за 2012 г., 2014 г., 2017-2019 гг.

Так, упоминание может быть лаконичным, указывающим вопросы брака и семьи в числе поступивших Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации обращений [4].

В 2019 г. в ежегодном докладе был сделан акцент на статистику Курской области, в которой увеличение коэффициента интенсивности обращений (с 1,65 до 4,01) связывалось с ростом обращений о социальном страховании и социальном обеспечении (с 11 до 63) и о браке и семье (с 4 до 29) [5].

В 2020 г. отмечалось, что существенный рост продемонстрировали обращения по вопросам, связанным с законодательством о браке и семье (на 20 %) [6].

Установлено и сопряжение брака с субъективными правами. На наш взгляд, к сожалению, таких детальных сопряжений количественно и незаслуженно меньше.

Здесь уместен пример из ежегодного доклада за 2012 г., в котором брак упоминается как «право на вступление в брак» в корреляции с признанием гражданина недееспособным и акцентом на добросовестность института опеки. Уполномоченным по правам человека отмечено, что «граждане, признанные судом недееспособными, оказываются в полной зависимости от воли назначенного им опекуна. Они лишаются, например, права распоряжаться

своей пенсией, права совершать любые гражданско-правовые сделки, в том числе и мелкие бытовые, права на вступление в брак, права на участие в выборах, на самостоятельную судебную защиту. Все решения за них принимает опекун. При этом сам институт опеки отнюдь не гарантирует, что опекун будет добросовестно относиться к своим обязанностям, то есть исполнять их с учетом интересов и пожеланий подопечного» [7].

Совершенно обоснованно внимание Уполномоченного по правам человека к браку в связи с актуальными процессами цифровизации. Еще в 2017 г. Уполномоченным подчеркивалось, что «одной из первоочередных задач должно стать повсеместное внедрение форматов электронного взаимодействия граждан и должностных лиц (посредством электронных приемных, мессенджеров, чатов и т.п.). В этих целях необходимо приступить к разработке «цифрового» законодательства» [8].

Как пример продемонстрирована жалоба к Уполномоченному гражданину П. на «бездействие сотрудников отдела ЗАГС г. Краснодара дворца бракосочетаний «Екатерининский зал». П. и Д. посредством единого портала государственных и муниципальных услуг подали заявление на регистрацию брака в указанном дворце бракосочетаний на 1 сентября 2018 г., однако зарегистрировано оно не было. По запросу Уполномоченного Управление ЗАГС Краснодарского края сообщило, что заявление П. и Д. передано в «Тестовый отдел ЗАГС», который, будучи инструментом для проверки настроек портала, не являлся подразделением ЗАГС. Обращено внимание на превышение заявителями двухмесячного срока подачи соответствующего заявления. При этом, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, для разрешения возникшей несогласованности заявителю предложено обратиться лично к начальнику отдела ЗАГС г. Краснодара по телефону. В результате бракосочетание П. и Д. состоялось в желаемую дату» [8].

В ежегодном докладе за 2018 г. защита брака была отражена в контексте прав женщин. На тот момент «по числу женщин в парламенте Россия находилась на 100-м месте в мире – между Гвинеей-Бисау с Румынией (99-е место) и Нигерией (101-е). В науке на руководящих должностях также чаще оказываются мужчины: 65 % мужчин и 35 % женщин несмотря на то, что женщин-ученых в целом больше» [9].

Данная ситуация, безусловно, «складывается и в силу естественных причин, связанных в первую очередь с браком и материнством, вынуждающим женщин приостановить карьеру либо работать не в полную силу. В своем Докладе о ходе достижения целей в области устойчивого развития Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш обратил внимание на то, что женщины в среднем проводят в три раза больше времени, занимаясь неопла-

чиваемой домашней работой и уходом за членами семьи, чем мужчины. При этом многие женщины продолжают трудовую деятельность. Такая непомерная нагрузка на женский организм, помимо отрицательного социального аспекта, имеет и медицинский, так как нередко приводит к тяжелым заболеваниям, депрессиям и даже суицидам. Поэтому женская тема требует особого внимания и поддержки со стороны общества и государства» [9].

Полагаем, такая постановка вопроса актуализирует и исследование аспекта защиты брака.

В целом, констатируем, что в ежегодных докладах Уполномоченного по правам человека скорее контекстно-статистическое упоминание защиты брака. Хотя количественно наименьшие сопряжения брака с семьей, материнством, различными субъективными правами, являются очень актуальными. Полагаем, конституционная формализация защиты института брака как союза мужчины и женщины, открывает перед Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации новые структурные грани своего ежегодного доклада с особым вниманием «брачной» проблематике.

Список литературы

1. Тамбовцев В.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (постатейный). М., 2007.

2. Мархгейм М.В. и Новикова А.Е. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: конституционно-правовые модели функционирования в контексте снижения правозащитных рисков. Ростов-на-Дону, 2010.

3. Синцов Г.В. Ежегодный доклад уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации как инструмент защиты прав и свобод неопределенного круга лиц // Юридический мир. 2014. № 5. С. 8-10.

4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. // Российская газета. 2015, 7 мая.

5. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 г. // Российская газета. 2020, 14 апреля.

6. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. // <https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/Doc4.pdf> (дата обращения 11.04.2022 г.).

7. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 г. // Российская газета. 2013, 29 марта

8. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. // Российская газета. 2018, 17 апреля.

9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. // Российская газета. 2019, 11 июня.

Кадаш Святослав Сергеевич

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:

Стус Нина Владимировна,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

СТАТУС ПАРЛАМЕНТА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматривается реформирование статуса регионального парламента как элемента публичной власти в контексте конституционных поправок 2020 г. и последовавших за ними новых законодательных актов.

Ключевые слова: конституция, парламент, публичная власть, субъект Российской Федерации.

«Конституции некоторых стран, в том числе и Российской Федерации, провозглашают принцип прямого (непосредственного) действия конституции, который при его строгом логическом толковании можно отнести ко всем конституционным нормам и положениям. Это понятно по отношению к нормам – правилам поведения, устанавливающим некоторый порядок действий (формирование правительства, вступление президента в должность, принятия законов в парламенте и т.д.). Затруднения возникают, когда встает вопрос о том, имеют ли прямое действие декларативные, дефинитивные нормы (положения) конституции, нормы-принципы, нормы-цели... применительно к конституционному праву отметим, что все они действуют прямо, но осуществляются своеобразным способом, отличным от действия норм – правил поведения» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 621.

Проведенная в марте 2020 г. масштабная конституционная реформа закрепила в тексте Конституции Российской Федерации такую категорию, как «единая система публичной власти» (ч. 2 ст. 80, ч. 3 ст. 132). Это соответствует выражению демократии, которое осуществляется народом как непосредственно, так и через органы государственной и муниципальной власти.

По словам М.В. Мархгейм, «В конституционно-правовой доктрине институт публичной власти ordinarily пользуется для обозначения совокупности органов, представляющих все ее уровни (в России это федеральный, субъектный, муниципальный) и функциональные ветви (традиционно это законодательная, исполнительная, судебная). В развитие этого уточним, что, если к данной совокупности прибавить и те структуры, которые не имеют властных полномочий, то получим институт публичных органов» [1, с. 30].

Введение обобщающей характеристики «публичная» применительно к власти свело воедино государственные органы и органы государственной власти. Известно, что «принято различать государственные органы и органы государственной власти, сопоставляя их как целое (общее) и часть (частное) по проверочному правилу «каждый орган государственной власти есть государственный орган, но не каждый государственный орган является органом государственной власти». Принципиальное отличие последнего состоит в обладании им государственно-властными полномочиями, направленными за пределы собственной организации в форме нормативного правового акта» [2, с. 59].

Сама Конституция России ожидаемо не раскрывает понятия «единая система публичной власти», а лишь указывает, что в нее входят органы государственной и муниципальной власти. Понимая, что государственные органы представлены двумя уровнями – федеральным и субъектов Российской Федерации, а также тремя функциональными ветвями (ст. 10 и 11), то можно представить широту круга тех органов, которые однозначно попали в разряд публичных. Уточненное понятие этого термина дано в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». В соответствии с ним единая система публичной власти включает в себя все государственные и муниципальные органы, которые на основании Конституции России и законодательства взаимодействуют организационно, юридически, функционально и финансово-бюджетно, что также предусматривает передачу определенных полномочий между различными уровнями публичной власти.

Государственную власть в субъекте Российской Федерации осуществляют законодательный (представительный) орган, а также органы, представляющие исполнительную власть и судебные органы.

Правовой статус регионального законодательного органа был установлен в гл. 2 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее Закон № 184-ФЗ). Однако данная глава действует до 1 июня 2022 г., когда в силу вступит гл. 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414-ФЗ). В этой главе устанавливаются единые подходы и принципы формирования и деятельности региональных органов государственной власти.

Парламенты субъектов Российской Федерации являются органами государственной власти, которые формируются непосредственно народом. Они ответственны перед ним и подотчетны ему. Законодательные (представительные) органы осуществляют свои полномочия от имени и в интересах народа.

Современное законодательство Российской Федерации определяет региональный парламент как постоянно действующий законодательный орган государственной власти субъекта России. Указанный орган – единственный орган в субъекте федерации, который имеет право издавать законы. Нормативные правовые акты всех других органов власти подчиняются и не могут противоречить законам, принятым региональным парламентом. Обозначенные акты издаются для разработки и уточнения региональных законов.

Исходя из содержания нового Закона № 414-ФЗ следует, что парламент субъекта Российской Федерации выполняет не только представительские и законодательные функции, но и контрольные. Последнее проявляется в рассмотрении им отчетов органов исполнительной власти; участие в назначении ряда руководителей органов исполнительной власти; контроль за исполнением законов, региональным бюджетом. Бесспорно, данная функция является действенным механизмом управления со стороны субъекта Российской Федерации и необходимым условием существования и стабильного функционирования публично-правовых образований.

Субъекты Российской Федерации самостоятельно определяют наименование своего законодательного органа и его структуру. В российских субъектах на сегодняшний день существует однопалатная структура законодательных органов государственной власти. Региональные парламенты имеют разные названия – законодательное собрание (32 субъекта), областная

дума (22 субъекта), государственный совет (6 субъектов); государственное собрание (5 субъектов), народное собрание» (3 субъекта), парламент (3 субъекта), собрание депутатов (3 субъекта); хурал (3 субъекта). Однако Законом № 414-ФЗ введено ограничение, не допускающее содержания словосочетаний в таких наименованиях, составляющих основу наименований федеральных государственных органов. По нашему мнению, данное ограничение направлено на исключение путаницы в определении статуса законодательного органа – сразу понятно, что речь идет не о федеральной власти.

В свое время каждый субъект Российской Федерации самостоятельно устанавливал количество депутатов в законодательный орган региона. Однако это привело к необоснованному «раздуванию» численности парламентариев в законодательном органе региона. Так, парламент Республики Тыва до внесения изменений в ст. 4 Закона № 184-ФЗ в связи с установлением требований к численности депутатов регионального законодательного (представительного) органа, состоял из 162 депутатов (для сравнения, в Республике Тыва было чуть более 172 тыс. избирателей). В то же время в г. Москва и Московской области в обозначенный период в законодательные органы было избрано соответственно 35 и 50 депутатов при несопоставимо большем числе избирателей.

Из приведенного можно сделать вывод об отсутствии критериев для определения численности парламентариев. Такая ситуация в отношении законодательных органов способствовала тому, что в разных регионах возникла необоснованная диспропорция по количеству депутатов. Эту ситуацию исправили положения нового Закона № 414-ФЗ: количество депутатов региональных парламентов привязано к количеству избирателей в регионе.

В новом принятом в 2021 г. законе сохранена действующая норма Закона № 184-ФЗ о том, что критерием определения количественного состава парламентариев остается количественный показатель избирателей в том или ином субъекте Российской Федерации. С учетом сложившейся практики законодатель установил единый срок полномочий депутатов – 5 лет.

Количество депутатов, работающих в постоянном качестве, каждый субъект Российской Федерации самостоятельно устанавливает в законе субъекта. Согласно новому закону, все депутаты законодательного органа, независимо от того, работают они на профессиональной основе или нет, занимают государственные должности в субъекте Российской Федерации.

В Законе № 414-ФЗ, на наш взгляд, норма, предусматривающая проведение заседаний законодательного органа региона в удаленном формате, не может оцениваться однозначно положительно. Так, в ч. 2 ст. 2 указанного акта отмечается, что законами и иными нормативными правовыми актами

субъекта Российской Федерации может быть предусмотрен порядок дистанционного взаимодействия между органами, входящими в единую систему государственной власти в субъекте Российской Федерации, порядок удаленного участия в заседаниях законодательного органа субъекта Российской Федерации.

С одной стороны, проведение заседаний законодательного органа в дистанционном формате кажется достаточно привлекательным и удобным. С другой стороны, для их успешной реализации на практике: необходимо иметь хорошее техническое оснащение; должно быть законодательно указано, при каких условиях можно проводить такие собрания; вряд ли можно считать, что дистанционная форма обсуждения и принятия важных законодательных актов может быть более эффективной, чем очная; следует установить, что дистанционные заседания возможны только в исключительных случаях (например, в случае чрезвычайной ситуации или чрезвычайного положения).

В подавляющем большинстве случаев при определении статуса законодательных органов субъекты Российской Федерации используют формулировку федерального закона. Однако некоторые субъекты Российской Федерации не ограничивались столь лаконичным определением правового статуса своего законодательного органа. Они расширили его статус в соответствии с функциональными направлениями своей деятельности. На наш взгляд, это не противоречит федеральному законодательству, а наоборот, в полной мере раскрывает сущностные характеристики регионального парламента.

Так, в ряде конституций и уставов субъектов Российской Федерации установлены нормы, определяющие статус парламентов как контрольных органов. Право на осуществление парламентского контроля над ними закреплено в Конституции России, федеральных законах и региональном законодательстве. К таким субъектам относятся Республика Саха (Якутия), Удмуртская Республика.

Некоторые черты отличают статус Законодательного собрания Пермского края. Устав края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК определяет его как орган, осуществляющий права жителей края осуществлять полномочия в области законотворчества и правового контроля, а также иные полномочия, предусмотренные федеральными законами, настоящим Уставом и законами края. Таким образом, законодатель подчеркнул примат и главенство народной власти в регионе. Власть парламента вторична, она вытекает из власти

народа. Законодательная власть состоит из избранных представителей народа, которые осуществляют свои полномочия не только от имени народа, но и в его интересах. В Уставе Пермского края реализация законодательной и контрольной функций поставлена на первое место в деятельности регионального парламента. Эти два ключевых момента имеют большое значение для жителей региона. Через законодательство региональный парламент устанавливает общие правила ведения и поддержания жизни на территории субъекта, а также правовой механизм функционирования органов публичной власти.

Закон 2021 г. № 414-ФЗ «устанавливает правовые основы взаимодействия региональных органов законодательной и исполнительной власти:

1) все нормативные правовые акты, принятые высшим должностным лицом, другими органами исполнительной власти, в обязательном порядке вносятся в региональный парламент. По результатам их рассмотрения законодательный орган может внести предложения о внесении в них изменений, дополнений или объявить об их отмене. Если эти органы не реагируют на предложения парламента или отказываются их принять, законодательный орган сохраняет за собой право обжаловать в судах нормативные правовые акты, принятые органами исполнительной власти;

2) аналогичная процедура следует и с постановлениями регионального парламента. Если нет реакции на обращение главы региона о внесении изменений или их отмене, то он может обратиться в судебные органы для разрешения ситуации;

3) законодательная власть в императивном порядке заранее доводит свои проекты законодательных актов до высшего должностного лица. Таким образом, последние имеют дополнительные возможности, помимо внесения законопроектов в порядке законодательной инициативы, активно участвовать в законотворческом процессе, внося свои предложения даже на самой ранней его стадии;

4) представители законодательной и исполнительной власти имеют взаимное право участвовать в организуемых ими заседаниях законодательной и исполнительной власти, комитетов, комиссий и рабочих органов парламента, министерств и ведомств. Таким образом, они имеют возможность высказывать свою позицию по различным вопросам, касающимся политической и социально-экономической жизни региона.

В целом можно сделать вывод, что нововведения, предусмотренные законодательством и касающиеся парламента субъектов Российской Феде-

рации, направлены на совершенствование взаимодействия региональных законодательных органов с иными органами государственной власти.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29-32.
2. Мархгейм М.В. Органы государства: конституционные версии властного сопряжения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 1 (169). С. 58-62.

Лицавкин Максим Юрьевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

МОДИФИКАЦИЯ СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СУВЕРЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена выявлению отличий и анализу конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации в обновленных редакция конституций России 1978 г. (ред. 1991 г.) и 1993 г. (ред. 2020 г.). Сделан вывод о преемственности ряда конституционных полномочий президента по отношению к исполнительной власти даже при изменении его конституционного статуса с главы исполнительной власти на главу государства.

Ключевые слова: конституция, президент, глава государства, конституционные поправки 2020, конституционно-правовой статус.

«Под нормативной стратегией мы понимаем основанную на средне- и долгосрочных прогнозах программу, которой руководствуются субъекты правотворчества, желающие достичь средствами права определенных

крупных результатов в общественном развитии. Такими результатами могут быть радикальные изменения (революционные и реформационные стратегии) либо, наоборот, удержание, сохранение этого курса в условиях социальной нестабильности и угроз переворота (консервативно-охранительные стратегии). Нормативная стратегия выступает как руководящая программа, осуществление которой гарантируется серьезной политической силой, скорее всего государством» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 751.

Конституционные модификации – вполне реальный процесс, к которому время от времени прибегают все государства. По словам М.В. Мархгейм, «Конституции, являясь в юридическом смысле совокупностью правовых норм особого статуса и предназначения, преимущественно отличаются стабильностью. Одновременно предусматривается их потенциальное изменение, которое не обязательно, но может случиться» [1]. В России это происходило и в прошлом, и в текущем веке, касаясь многих принципиальных позиций государственного строительства. В этом ряду оказались и изменения статуса и полномочий Президента России.

Президент Российской Федерации – глава Российского государства – одна из ключевых (без преувеличения) фигур в единой системе органов публичной власти. Принято считать, что институт президентства в России появился в начале 90-х г.г. прошлого века, что связывается с внесением в 1991 г. изменений в Конституцию РСФСР 1978 г.¹. И хотя Конституция России 1978 г. в редакции 1991 г. «проработала» совсем не долго ввиду прекращения существования СССР как геополитической реальности, она оказала влияние на развитие российской государственности и института президентства в нашей стране.

Принятие всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. новой Конституции суверенной России² при всех известных изменениях и основ и ориентиров государственного строительства сохранило некоторые значимые идеи предыдущей российской Конституции, в числе которых – институт президентства.

---

¹ Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) (ред. от 01 ноября 1991 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

За период действия Конституции России институт президентства, исходя из его статуса главы государства, претерпел определенные изменения в сравнении с первоначальной группой конституционных норм, к нему относящихся. Первоначально по итогам внесения в 2008 г. изменений в Конституцию России увеличился срок полномочий главы Российского государства с 4 до 6 лет, затем в 2020 г. они коснулись и содержания самих полномочий. Проанализируем эти изменения в сравнении с тем, что было в прежней российской Конституции.

Президент Российской Федерации, являясь главой государства, не входит непосредственно ни в одну из ветвей власти, при этом действует в установленных конституционных юридических процессуальных формах [2]. Согласно ст. 80 Конституции Российской Федерации он олицетворяет единство государственной власти и выполняет в силу занимаемого им в иерархии государственной власти места координационную и интеграционную функции, обеспечивая «согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2). Одновременно, Президент Российской Федерации имеет право издавать нормативные указы (ст. 90), которые в отдельных случаях выполняют роль первичных правовых регуляторов общественного поведения, осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации (ст.ст. 83, 110), принимает во взаимодействии с иными органами структурные и кадровые решения (ст.ст. 113, 115-117) и выполняет отдельные «согласовательные» функции (ст. 85).

По Конституции РСФСР 1978 г. в редакции 1991 г., Президент РСФСР являлся не только «высшим должностным лицом», но и «главой исполнительной власти». Следовательно, одно из принципиальных отличий правового статуса президента в анализируемых конституциях – его положение в системе органов государственной/публичной власти: в действующей Конституции Российской Федерации Президент не входит в систему органов ни одной из ветвей – законодательной, исполнительной, судебной – государственной власти, но обладает достаточно широкими полномочиями по отношению к каждой из них.

Анализ таких конституционных полномочий, адресованных президенту в разных конституционных статусах (глава исполнительной власти и глава государства), позволяет говорить о их значительном сходстве по отношению к исполнительной власти. В обоих случаях право назначать Председателя высшего органа исполнительной власти принадлежало/принадлежит Президенту (п. 4 ст. 121-5 Конституции РСФСР; п. «а» ст. 83 Конституции Российской Федерации). Президенту также принадлежало/принадлежит право осуществлять руководство высшим органом исполнительной власти (п. 6

ст. 121-5 Конституции РСФСР; п. «б» ст. 83 Конституции Российской Федерации); назначать федеральных министров (п. 5 ст. 121-5 Конституции РСФСР; п. «д» ст. 83 Конституции Российской Федерации).

Существенные различия можно наблюдать в требованиях, предъявляемых к кандидатам на должность Президента в сопоставляемых конституционных текстах:

– по возрасту: ранее Президентом могло быть лицо не моложе 25 лет, а предельный возраст пребывания в должности – 65 лет. Сегодня в соответствии с «поправленной» в 2020 г. ч. 2 ст. 81 Конституции России Президентом Российской Федерации может быть только лицо, «постоянно проживающее в Российской Федерации не менее 25 лет»;

– по гражданству: в обоих случаях президентом могло/может стать гражданин страны, однако по действующей Конституции России кандидатом на должность Президента Российской Федерации не может быть лицо, имеющее или имевшее когда-либо гражданство иностранного государства либо вид на жительство, либо иное основание, дающее право проживать гражданину Российской Федерации на территории иностранного государства.

Относительно срока полномочий/пребывания в должности президента отметим в текстах сравниваемых конституций следующее:

– срок полномочий: в прежней Конституции России он составлял 5 лет, в действующей – изначально 4 года, по итогам внесения поправок 2008 г. – 6 лет;

– срок пребывания в должности: одно и то же лицо не могло/не может занимать пост президента по прежней конституции «более двух сроков подряд» (ст. 121-2 Конституции РСФСР), по действующей – «более двух сроков» (ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации).

Применительно к последнему уточним, что новая ч. 3.1. ст. 81 Конституции России, определившая, что «Положение части 3 статьи 81 Конституции Российской Федерации, ограничивающее число сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность Президента Российской Федерации, применяется к лицу, занимавшему и (или) занимающему должность Президента Российской Федерации, без учета числа сроков, в течение которых оно занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции Российской Федерации, вносящей соответствующее ограничение, и не исключает для него возможность занимать должность Президента Российской Федерации в течение сроков, допустимых указанным положением», представляется нам избыточной, поскольку по-новому сформулированная норма конституции, как и иного другого зако-

на является точкой отсчета и новых сроков полномочий, и нового порядка пребывания в должности.

При сопоставлении прежнего и действующего текстов конституций выявлена аналогия в определении таких полномочий президентов, как введение военного и чрезвычайного положения, решение вопросов гражданства, предоставление политического убежища, награждение государственными наградами, осуществление права помилования граждан.

Анализ заявленных конституционных текстов показал, что, находясь в конституционном статусе главы государства в соответствии с обновленной редакцией Конституции России 1993 г., Президент России получил существенно больше полномочий в сфере исполнительной власти и влияния на нее, чем тогда, когда президент был главой исполнительной власти. По этому поводу К.Г. Губачева отметила, что «Может сложиться впечатление, что Президент Российской Федерации соединяет в себе все три ветви власти, что противоречит принципу разделения властей и правового государства. Но на самом деле, он лишь координирует деятельность этих органов власти: исполнительной, законодательной и судебной» [3, с. 178].

Подытоживая, отметим, что проведенный анализ помог выявить не только параметры обновления конституционных статусов президента по прежней и действующей конституциям России, но и преемственность в полномочиях, что указывает на стабильность функций Российского государства, во исполнение которых и учреждаются органы государственной власти.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: думы о былом и грядущем // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 6 (121). С. 51-55.
2. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. Legal form of action: the issues of content and methodology // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6, № S2-5. С. 402-409.
3. Губачева К.Г. Полномочия Президента Российской Федерации в соответствии с поправками в Конституцию Российской Федерации от 01.07.2020 года // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-3(55). С. 175-178.

Намитоков Юрий Азметович

главный специалист отдела организационно-
правового обеспечения деятельности судов
Управления Судебного департамента в Краснодарском крае
(Краснодар, Россия)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Аннотация. В статье на основе анализа теоретических и нормативных источников рассмотрен принцип территориальной целостности в связке с сопряженными понятиями и в контексте национальных интересов. Сделан вывод, что территориальная целостность государства является понятием, характеризующим единство территории, на которой распространяется суверенитет государства, и предусматривающим его способность и право на сохранение собственной территории в пределах установленных границ.

Ключевые слова: конституция, территориальная целостность, национальные интересы, государственная граница.

«На стадии законодательства, как и правотворчества в целом, политические решения предшествуют юридическим, политика в различных формах прокладывает путь праву. К этому можно относиться как угодно, но именно таким путем вырабатываются конституции, конституционные, органические и избирательные законы, нормативные акты и нормативные договоры, регулирующие порядок организации и лиц. Это те самые интересы, которые выделить из общей массы, а тем более, перечислить, поименовать в законе невозможно, так же, как и придать каждому из них собственное юридическое качество» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 373.

Как известно, национальные интересы России отражают фундаментальные ценности и извечные стремления российского народа, его потребности в обеспечении достойных условий жизнедеятельности, а также цивилизованные пути их создания и способы удовлетворения.

С национальными интересами России непосредственно связана ее национальная безопасность как необходимое условие сохранения и приумножения материальных и духовных ценностей нашего государства. Разделяет мнение М.В. Мархгейм о том, что «Конституционализация националь-

ных интересов в рамках полномочий главы Российского государства представляется не только вполне логичной в силу конституционной прерогативы Президента Российской Федерации определять основные направления внутренней и внешней политики государства (ч. 3 ст. 80), но и весьма востребованной в условиях современных вызовов и рисков. Одновременно значимо подчеркнуть, что Президент России – также на конституционном уровне – определен в качестве гаранта прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80), чем, как представляется, конкретизировано положение о конституционных обязанностях Российского государства признавать, соблюдать и защищать такие права (ст. 2)» [1, с. 54]

Необходимо отметить, что, подчеркивая проблему понимания национальной безопасности, мы всегда помним о том, что это определенный уровень защищенности конституционного строя, государственного суверенитета, территориальной целостности и других национальных интересов от реальных и потенциальных угроз. В рамках данной работы акцентируем внимание на территориальной целостности России как фундаменте ее национальных интересов, определяемых, например, как «симбиоз внутренних и внешних интересов народа России, направленных на поступательное развитие в социальной, экономической, политической и духовной сферах, а также на предотвращение существующих угроз национальной безопасности, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности страны, формирование лидирующих позиций в мире, поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений с другими странами» [2, с. 7]¹.

В России основным нормативным правовым актом, определяющим актуальные вызовы и угрозы национальной безопасности является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 (далее – Стратегия), разработка и обновление которой предусмотрены действующим Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (ч. 3 ст. 4). В соответствии с указанной Стратегией строится деятельность органов публичной власти по обеспечению национальных интересов.

Защита территориальной целостности Российской Федерации, наряду с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной целостности включена в Стратегию (п. 25).

---

¹ Туранин, В. Ю. Национальные интересы: подходы к определению понятия // Российская юстиция. – 2021. – № 1. – С. 7.

Территориальная целостность является качественной характеристикой территории любого суверенного государства, а точнее сущностной характеристикой суверенной территории.

Необходимо отметить, что, как и государственный суверенитет, территориальная целостность закреплена конституционно: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются» (ч. 2.1 ст. 67).

Основное содержание понятия территориальной целостности государства состоит в том, что наличие четко определенной территории является основной характеристикой государства как формы общественной организации, предметным (физическим) выражением ее властных полномочий. Понятие государственной территории является базовым для понимания принципа территориальной целостности.

Как известно, территория государства является его атрибутом, материальной базой существования, пространственной основой жизни определенного народа, сохранения его самобытности, служит источником его социально-экономического роста и международно-правового признания. Социально-правовая ценность государственной территории в полной мере проявляется при условии, что сама эта территория неприкосновенна и целостна.

Если обобщить современные научные и правовые подходы к интерпретации государственной территории, то под этим понятием следует понимать часть земного пространства, находящегося под суверенитетом определенного государства, а его пределы территориального верховенства определены государственными границами, правовой статус которых регламентируется национальным законодательством и международными договорами.

Логика исследования понятия «территориальная целостность государства» побуждает также к рассмотрению категории «целостность», отражающая понимание характера и способа реализации полномочий государства на подконтрольной государственной территории. Традиционно «целостность» рассматривается как «обобщенная характеристика объектов, имеющих сложную внутреннюю структуру, обозначая интегрированность и самодостаточность этих объектов, их противопоставление окружению, которое связано с их внутренней активностью» [3, с. 526]. Поэтому категория целостности указывает не только на внутренние характеристики определенного объекта, но и на множественность его связей и взаимосвязей с внешней средой. Таким образом, категория целостности методологически обуславливает кри-

терий единства, выступающего функциональным условием воздержания от дезорганизации и анархии.

В пределах своей территории государство уполномочено осуществлять полную и исключительную власть, регламентируемую внутренним законодательством и согласованную с принципами и нормами международного права. Это свидетельствует о неприкосновенности государственной территории и запрете посягательства на ее целостность путем применения силы или угрозы ее применения.

В научной литературе существуют определенные отличия в толковании и понимании соотношения между понятиями целостности и неприкосновенности территории государства.

Следует отметить, что господствующим в современной науке является подход, рассматривающий целостность и неприкосновенность как относительно самостоятельные категории. В контексте такого подхода позиционируется концепция О.Е. Кутафина, согласно которой «государства, соблюдая принцип территориальной неприкосновенности, обязаны воздерживаться от любого (вооруженного или невооруженного) посягательства на территорию иностранного государства» [4, с. 104]. С этой точки зрения целостность государственной территории характеризует «запрет насильственного расчленения территории любого государства или отторжения и захвата части его территории» [4, с. 87].

В рамках анализа территориальной целостности Л.И. Волова предлагает понимать под ней «обобщенную характеристику государства, обладающего сложной внутренней структурой, поскольку она отражает интегрированность, самодостаточность, автономность объекта, связанную с его внутренней активностью» [5, с. 13]. Категория «территориальная неприкосновенность», по ее мнению, значительно многограннее, поскольку применяется по отношению к разным объектам (территория, представители власти, собственность, и т.д.). В каждом из этих случаев, «независимо от объекта, неприкосновенность является всегда определенным состоянием защищенности от любых посягательств со стороны, а также запрет совершать определенные действия» [5].

Отметим, что территориальная целостность и территориальная неприкосновенность – это родственные взаимодополняющие понятия, отличающиеся юридическим содержанием. Понятие целостности предполагает, прежде всего, состояние внутреннего единства и характер структурной организации государства в пространственном измерении. Понятие неприкосновенности характеризует состояние защищенности территории государства от внешних посягательств.

Важным атрибутом государственности, касающейся целостности и неприкосновенности территории, является государственная граница. Границы выполняют важные для жизнедеятельности государства функции – распределительную (барьерную) и объединительную (контактную). Процессы установления и признания государственных границ закладывают главные правовые и политические предпосылки для обеспечения территориальной целостности.

Неприкосновенность границ является не только составляющей доктрины национальной безопасности современного государства, но и важным элементом системы международной безопасности, одним из основополагающих принципов современного международного права. При этом нужно понимать, что «Прежние представления о современном международном праве как ценности, отражающей согласованные добрые воли государств, теснятся, по диагностическому выражению Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, варваризацией международных отношений, ухудшая саму среду обитания человека» [6, с. 73].

Таким образом, территориальная целостность государства является понятием, характеризующим единство территории, на которой распространяется суверенитет государства, и предусматривающим его способность и право на сохранение собственной территории в пределах установленных границ.

При анализе угроз и вызовов территориальной целостности России на современном этапе можно говорить о внешних и внутренних факторах их возникновения и актуализации. В современных условиях Россия должна быть начеку, чтобы улавливать и явные, и скрытые угрозы, адекватно реагируя на них.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Право на национальность в фабуле конституционных поправок и национальных интересов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 8 (135). С. 54-56.
2. Турагин, В. Ю. Национальные интересы: подходы к определению понятия // Российская юстиция. 2021. № 1.
3. Большая советская энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1971. – Т. 28.
4. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 томах. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. – М.: Проспект, 2011. – Т. 4.

5. Волова Л. И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве: диссертация ... доктора юридических наук. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1981.

6. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.

Петербургский Андрей Павлович

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ВЫСШИЙ СУДЕБНЫЙ ОРГАН КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. Статья посвящена характеристике на основе анализа специального законодательства становления Конституционного Суда в качестве высшего судебного органа конституционного контроля Российской Федерации.

Ключевые слова: контроль, конституционный контроль, суд, Конституционный Суд, конституционное судопроизводство.

«В итоге долгого брожения юридической мысли, из длительного опыта канонического и светского права возникли замечательные принципы верховенства Конституции, закона и подзаконности судопроизводства, который предполагают, что судьба каждого человека, представшего перед судом, зависит от «воли закона», а не «воли судьбы». Это одно из величайших достижений цивилизации, до которого модель образа права общего права исторически не поднялась, застыв надолго на том этапе развития, когда

"правят люди, а не законы"» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 645.

Судебный конституционный контроль, являясь разновидностью контроля, получил свои доктринальные трактовки. Так, судебный конституционный контроль – это:

«деятельность уполномоченных государственных органов, совершаемая с целью проверки, обнаружения, констатации и устранения противоречий законодательных актов конституции, законам, по результатам которой данные органы государственной власти вправе отменять выявленные противоречия» [1, с. 9];

«самостоятельная сфера государственной деятельности органа конституционного правосудия, имеющая свои цели, задачи, формы, способы и средства и направленная на обеспечение верховенства Конституции РФ в системе российского права, прямого и непосредственного действия ее норм, устранение конституционно-правовых коллизий и конкуренции между юридическими нормами, способствующая судебной защите основных прав и свобод человека и гражданина, а также беспрепятственной и полной реализации субъектами конституционного права своих субъективных прав и юридических обязанностей в соответствующих видах отраслевых правоотношений» [2, с. 83-84];

реализация «полномочий судебных органов власти, обеспечивающих разрешение конституционно-правовых споров, установление обстоятельств, имеющих конституционное значение, с целью защиты конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции на всей территории государства» [3, с. 67-74].

Не вдаваясь в функциональные детали конституционного контроля, уточним, что, согласно приведенным трактовкам, его могут осуществлять уполномоченные государственные органы / государственный орган конституционного правосудия или судебные органы. Несмотря на отсутствие единого подхода к субъектам отечественного конституционного контроля, однозначен в качестве такового Конституционный Суд Российской Федерации. Это подтверждено конституционно-законодательными установлениями.

Так, поправки в Конституцию России 2020 г. существенно скорректировали статусные характеристики Конституционного Суда Российской Федерации как «высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющего судебную власть посредством кон-

ституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации состоит из 11 судей, включая Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и его заместителя» (ч. 1 ст. 125)¹. Уточним, что до июля 2020 г. указанная норма была лаконичной и раскрывала только состав Конституционного Суда. Таким образом, ранее не был формализован не то, что высший, но и контрольный статус Конституционного Суда Российской Федерации на уровне Базового закона государства.

В ретроспективе отметим, что в Законе РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» термин «контроль» употреблялся 6 раз, в частности 2 раза в преамбуле Закона. В ней приводилось следующее установление: «Соответствие положений законодательства и практики их применения Основному Закону РСФСР, деятельность высших органов государственной власти и управления РСФСР, высших органов государственной власти республик в составе РСФСР в пределах компетенции, определенной для соответствующих органов конституционными нормами, гарантируются *конституционным контролем*».

В согласии с принципами разделения властей *конституционный контроль* передается в ведение судебной власти как наиболее беспристрастной и независимой. Учреждение Конституционного Суда РСФСР должно послужить укреплению конституционного строя Российской Федерации, утверждению начал законности в правотворчестве и правоприменении»².

Из приведенных формулировок вытекает законодательно легализованный феномен конституционного контроля, который связан с судебной властью и, в частности, с учреждением Конституционного Суда РСФСР.

Следующее упоминание контроля в рассматриваемом Законе обнаружено в ч. 1 ст. 1, раскрывающей статус Конституционного Суда РСФСР как высшего судебного органа конституционного контроля в РСФСР, осуществляющего судебную власть в форме конституционного судопроизводства.

Обратим внимание, что в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Закон РСФСР от 12.07.1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» (ред. от 25.02.1993 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

до 9 ноября 2020 г. содержалась формулировка без характеристики «высший» (ст. 1)¹. На основании федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ² ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» приобрела вид и содержание ч. 1 ст. 125 Конституции Российской Федерации. Изменения коснулись и наименования ст. 1 федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ в части дополнения характеристикой «высший».

Еще одно упоминание в Законе РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» затрагивает предварительный контроль, который Конституционный Суд РСФСР не вправе был осуществлять (ч. 6 ст. 32).

В ст. 80 Закона РСФСР от 12 июля 1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» отмечались случаи, в которых Конституционный Суд мог отказаться от полномочий (ч. 2) или пользоваться правами (ч. 3), если «найдет, что они противоречат / не противоречат его юридической природе, задачам и предназначению в качестве высшего органа судебной власти, осуществляющего конституционный контроль в РСФСР»³.

В Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» термин «контроль» употреблен 3 раза, 2 из которых в ст. 1, о чем было сказано выше.

В его ст. 72 отмечено, что решение считается принятым в пользу конституционности соответствующего объекта конституционного контроля, если голоса разделились поровну.

Таким образом, можно отметить преемственность в становлении российского законодательства, институционализирующего высший орган судебного конституционного контроля в Российской Федерации с учетом актуальных доктринальных разработок и фактических результатов деятельности.

Список литературы

1. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. М., 1995. 175 с.

---

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 09.11.2020 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Российская газета. 2020, 11 ноября.

³ Закон РСФСР от 12.07.1991 г. № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» (ред. от 25.02.1993 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

2. Татаринов С.А. К вопросу о содержании судебного конституционного контроля в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3. С. 83-84.

3. Брежнев О.В. Обязательный судебный конституционный контроль в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 67-74.

Шерстнев Валерий Николаевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. В рамках работы автором представлены результаты анализа текстов советских конституций и республиканских российских конституций, раскрывающих нормы о судебных заседателях.

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, народные заседатели, неприкосновенность, законность.

«Считают, что судебская дискреция также предполагает полнейшую юридическую определенность. Дискреционные действия суде и судов связаны с нормами и принципами права, поэтому в судебном усмотрении не должно быть ничего произвольного, непостоянного, неограниченного. Допуская широкую судебскую дискрецию, закон не попускает прихотям судей, но легитимирует практику принятия судебных решений на базе фактов и с учетом юридических норм, беспристрастных решений о том, что является справедливым и правильным в данных обстоятельствах» : Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 287.

Судебные заседатели, несмотря на выраженную привязку к судебной власти, по сути своей иллюстрируют народовластные формы участия граждан в осуществлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации¹), а также взаимодействия публичных и непубличных субъектов, осуществляемые на основе конституционных принципов для достижения соответствующих целей. Обосновывая взаимодействие в качестве такого принципа, М.В. Мархгейм отметила, что «Принципы, определяющие системы юридических координат общественных отношений, могут детерминироваться как наукой, так и практикой; получать правовое оформление или восприниматься как безусловный идеал; отражать сложившиеся или желаемые связи» [1, с. 54].

В рамках данного исследования внимание уделено отечественной конституционной трансформации одного из неотъемлемых институтов судебной власти – судебным заседателям в их народных и присяжных разновидностях, которые отражают такую форму участия граждан в управлении делами государства, как участие в отправлении правосудия.

Уточним, что впервые в России институт присяжных заседателей введен в 1864 г., прекратил своё существование после революционных событий 1917 г. и был конституционно возрожден в 1991 г. В советский период на конституционном уровне был легализован институт народных заседателей, начиная с 1936 г.

Так, на уровне Конституции СССР в Главе IX «Суд и прокуратура» указывалось, что «рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом» (ст. 103)². Сделаем ремарку, что аналогична по форме и содержанию единственная, имеющая отношение к народным заседателям ст. 108 Конституции РСФСР 1937 г. (Глава X «Суд и прокуратура»)³.

В ст. 109 был раскрыт процесс избрания народных заседателей районных (городских) народных судов – на общих собраниях рабочих; служащих и крестьян – по месту их работы или жительства; военнослужащих – по во-

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 г.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

³ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

инским частям. Конституционно для народных заседателей также был установлен двухлетний срок их функционала.

Последующие конституции содержательно усилили формализацию статуса народных заседателей, что выразилось и в количественном приращении норм.

В Конституции СССР 1977 г. положения о народных заседателях расположено в Главе 20 «Суд и арбитраж»¹.

Так, в ст. 152 отмечалось, что все суды в СССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей (дословно воспроизведена норма и в ст. 164 Конституции РСФСР 1978 г.). Полагаем, о значимости народных заседателей свидетельствует тот факт, что они в порядке перечисления указаны в одной норме с судьями.

Далее был раскрыт механизм избрания народных заседателей: народные заседатели районных (городских) народных судов – на собраниях граждан по месту их жительства или работы открытым голосованием; народные заседатели вышестоящих судов – соответствующими Советами народных депутатов; народные заседатели военных трибуналов – собраниями военнослужащих.

В отношении народных заседателей районных (городских) народных судов и народных заседателей военных трибуналов конституционно установлено открытое голосование.

Уточним, что аналогичных механизм и сроки предусматривала ст. 164 Конституции РСФСР 1978 г.

В сравнении с ранее действовавшей Конституцией СССР 1936 г., в документе 1977 г. был увеличен до 5 лет функционал народных заседателей.

В ст. 152 Конституции СССР 1977 г. появилась юридическая ответственность народных заседателей перед избравшими их органами или избирателями; юридическая обязанность отчитываться перед ними. В качестве негативного последствия для народных заседателей был предусмотрен в установленном законом порядке их отзыв избравшими органами или избирателями. Эта советская норма была воспроизведена республиканской Конституции 1978 (ст. 164).

Важность народных заседателей, полагаем, подчеркивалась их дальнейшей формализацией в одних нормах с судьями в части сопоставимости статусов. Самой акцентной в этом плане нормой считаем ст. 154, согласно которой народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи.

---

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

В продолжении статусных характеристик упомянем ст. 155 Конституции СССР 1977 г., адресовавшую принципы независимости и подчинения только закону судьям и народным заседателям. При этом в отношении неприкосновенности судей и народных заседателей, а также иных гарантий их независимости сделана ссылка на законодательное установление.

Также судьям и народным заседателям обеспечивались условия для беспрепятственного и эффективного осуществления их прав и обязанностей. Какое-либо вмешательство в деятельность судей и народных заседателей по осуществлению правосудия было недопустимо и влекло ответственность по закону.

Отметим, что в Конституции РСФСР 1978 г. ст. 167 была дословно воспроизведена и дополнена в адресации и присяжными заседателями.

В ст. 153 Конституции СССР 1977 г. указывалось, что в состав Верховного Суда СССР наряду с Председателем, его заместителями, членами, входят и народные заседатели. В Конституции РСФСР 1978 г. данная норма располагалась в ст. 165.

В ст. 154 Конституции СССР 1977 г. участие народных заседателей предписывалось при рассмотрении гражданских и уголовных дел в суде первой инстанции.

В отличие от Конституции РСФСР 1937 г., нормы о народных заседателях в Конституции РСФСР 1978 г. располагались в Глава 21 «Судебная система Российской Федерации»¹.

Кроме уже отмеченных нами, дублирующих советские нормы, укажем положения Конституции РСФСР, имеющие отношение не только к народным заседателям, но и присяжным.

Так, в ст. 166 формализовано: рассмотрение гражданских и уголовных дел в суде первой инстанции осуществляется с участием присяжных заседателей, народных заседателей.

Исключительно присяжные заседатели упомянуты в ст. 164 Конституции РСФСР 1978 г. в контексте обеспечения их участия в судопроизводстве судом, рассматривающим гражданское или уголовное дело в соответствии с законами Российской Федерации.

Следует обратить внимание, что в Конституции РСФСР 1978 г. судебные заседатели были упомянуты не только в специальной главе о суде, но также в Главе 6 «Обязанности граждан Российской Федерации». Ст. 67.9 формализовала участие граждан Российской Федерации в соответствии с

---

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

федеральным законом в осуществлении правосудия в качестве народных или присяжных заседателей.

Уточним, что появление присяжных заседателей на конституционном уровне произошло за временными пределами состояния России в составе СССР. Поэтому объективно говорить о конституционной формализации присяжных заседателей за пределами советского периода развития России.

Уточним, что в Конституции Российской Федерации 1993 г. формализованы лишь присяжные заседатели в содержательно лаконичном варианте. Так, в Главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» участие присяжных заседателей связано с субъективным правом обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 47 Конституции России). В Главе 7 «Судебная власть и прокуратура» выявлено единичное упоминание участия присяжных заседателей в судопроизводстве в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Подводя итоги конституционной формализации судебных заседателей в Российском государстве, предлагаем обозначить нулевой период с 1918 по 1936 г.г., поскольку на конституционном уровне рассматриваемый институт отсутствовал.

С 1937 г. по 31 октября 1991 г. – конституционная формализация народных заседателей.

С 1 ноября 1991 г. по 11 декабря 1993 г. – конституционно-коррекционная формализация присяжных заседателей в дополнении к народным заседателям.

С 12 декабря 1993 г. – конституционная формализация присяжных заседателей.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.

**Право и государство в современном мире:
состояние, проблемы, тенденции развития**
Материалы международной научно-теоретической конференции
(Белгород, 28-29 апреля 2022 г.)

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

Подписано в печать 17.06.2022 г.
бумага офсетная. Усл. печ. листов 10,25
тираж 100 экз. Заказ 1066

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25
www.gikprint.ru
girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.